

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА
«Есть в вечном ожиданье – благодать...»4

Виктор КАШКИН
«Души не спрячешь за кустами...»26

Таисия ГУСЬКОВА
«Ты помнишь, как...»82

Алексей СЕРГЕЕВ
«Была моя мечта кнутом избита...»94

Матвей ТУКАЛЕВСКИЙ
«Вчера, среди зимы я видел чудо...»114

ПУБЛИЦИСТИКА

Хасан ТУРКАЕВ
Гражданская и национально-
государственная проблематика
в трудах академика В.А. Тишкова12

Валентин СОРОКИН
О поэте и о Победе29

ЮБИЛЕИ

Василий ПОЛЯКОВ
Беседа у огня (Карл Брюллов
и Юлия Самойлова)32

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№4(34) 2019

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 25.12.19.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ F-8070

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании

KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический

партнер», 127238, г. Москва,

Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

ПРОЗА

<i>Иван ТЕРТЫЧНЫЙ</i> Рассказы	66
<i>Екатерина ГЛУШИК</i> Расплата за счастье	84
<i>Александр КУЩ</i> Спорт	90
<i>Юлия АЛЕКСАНДРОВА</i> Низкое небо Ташкента	97
<i>Сергей КАРАМЫШЕВ</i> Восстание четвероногих	100
<i>Раиса ТЛЯКОВА</i> Горная речка	112
<i>Татьяна ЛЕТНЕВА</i> Потребность любить	127
<i>Фёдор ОШЕВНЕВ</i> Рассказы	133
<i>Игорь КОМЕЛИН</i> Анатомия измены	159

ПАМЯТЬ

<i>Эдуард АНАШКИН</i> «Жить в полную силу...»	77
<i>Светлана ЗАМЛЕЛОВА</i> Точное попадание	166

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Валерий РУМЯНЦЕВ</i> Заметки о литературе	176
---	-----

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Сегодня мы видим, как ускоренными темпами продолжается осознание и преодоление нашим народом того рокового навяздения, которое на протяжении трёх прошедших десятилетий обозначали разными штампами – сначала это были «перестройка» и «ускорение», затем «демократические преобразования» и «реформы», сегодня – «либеральные ценности». Под этими ярлыками на разных этапах истории скрывалась единая вырожденческая античеловеческая идеология, которая внедрялась в народное сознание самыми коварными и изощрёнными методами. Стимулировался культ потребления, эстетического и, как следствие, морально-нравственного нигилизма. Одной из главных составляющих этой идеологии было и остаётся отрицание традиционных общечеловеческих ценностей – взаимоотношений между людьми, духовного братства народов, преданности Отечеству, религии и национальной идентичности, дружбы и верности и т.п. В качестве единой альтернативы людям агрессивно навязывался доведённый до полного безумия принцип «свободы выбора», фактически полностью запрещающий человеку возможность выбора нормальных и естественных, освящённых всей историей человеческой цивилизации ценностей. Нарушающих запрет ждало отлучение от права называться свободными людьми, на них автоматически вешались ярлыки «рабов», «совков» и т.д. Это было время, во многом унижительное для нашей страны и её граждан. Но это время не прошло даром, эпоха либеральной вакханалии приближается к концу. Что будет дальше? Что бы ни было дальше, никакая цена не может оказаться слишком высокой за выход из либерального морока, за обретение общенационального самосознания в масштабе великого и единого многонационального народа России.

Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» поздравляет всех своих друзей и единомышленников, авторов и читателей, с наступающим Новым 2020-м годом! Желаем вам счастья, благополучия, вдохновения! Оставайтесь с нами!

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2019
© Авторы, 2019

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА

Людмила Васильевна Щипахина – поэт, член Московской городской организации СП России. Родилась на Урале, в Екатеринбурге. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор более тридцати книг стихов и полтора десятка книг переводов с языков народов СССР. Секретарь Правления Международной Ассоциации писателей баталистов и маринистов. Член Исполкома Международного Сообщества писательских Союзов, Лауреат литературной премии им. Константина Симонова. Награждена орденами – «Дружба народов» и «Знак почёта», медалями. На стихи Людмилы Щипахиной написаны песни в содружестве с композиторами – Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским.

Живёт в Москве.

«Есть в вечном ожиданье – благодать...»

*События грозной лавиной
Нависли над каждой судьбой...
Но внешняя жизнь и глубинная
Не сходятся между собой...*

Немного пессимизма...

«Всё зависит от тебя!»
От усилия и веры.
Эту проповедь любя,
Утверждают лицемеры.

Даже если ты сейчас
И в фаворе и везучий,
Но реальность – выше нас.
И судьбою правит случай.

От козырного туза
До удачи триумфальной
Всё решают небеса,
Всё во власти высшей тайны...

Зря силёнки не губя,
Сбрось уверенности маску.
«Всё зависит от тебя»!
Не ловись на эту сказку...

Имитация

Не дивимся больше чуду,
А живём среди него...
Имитация – повсюду.
Имитация – всего...

Имитация работы
В Думе, в офисе, кругом...
Имитация заботы
О народе дорогом.

Ей везде простор и место.
Ей неведом стыд и страх.
Имитация протеста
На весёлых площадях...

Мы верим, как когда-то...
И нас ещё не мало!
Ещё не всё, что свято,
Исчезло и пропало.

В глуши переворотов,
Неправды и насилья
Ещё у патриотов
Не опустили крылья.

Хоть дни темны и мглисты,
Но светел путь к причалу...
Ещё не все марксисты
Продались капиталу.

Хоть долларом косили
Нас «младо-добровольцы»,
Ещё пока, что в силе
Былые комсомольцы.

Сквозь занавес фальшивый
Прорвёмся понемногу...
Ещё поэты живы,
Чтоб осветить дорогу!

То ли жизни нашей вежа,
То ль надежды больше нет?
Имитация успеха!
Имитация побед!

Чем терпение измерим
В изменении судьбы?
Имитацией, что – верим...
Что покорны, как рабы.

Сонное царство

Мы уже у бездны главной...
 Может, – на краю.
 Что ж ты спишь, народ мой славный?
 Баюшки-баю!

В сон ныряя, как в колодец,
 От земных утрат,
 Спит солдат и полководец,
 Дрыхнет депутат.

А в ночи и до рассвета
 С зарубежных баз
 Смертоносные ракеты
 Целятся на нас.

От полемики бездарной
 Сдавшись, как в бою,
 Спит дежурный, спит пожарный.
 Баюшки-баю!

Свет оплавился на свечке.
 Господи, спаси!
 Спит Иванушка на печке
 Символом Руси.

Только мы с трибун и звонниц
 Будим! И вестим!
 Жертвы правды и бессонниц,
 Только мы – не спим!

Передышка...

Когда опять на склоне дня
 В лицо мне неудача дышит,
 Спасибо тем, кто за меня
 Здесь нужные слова напишет.

Чтобы негаснущая мысль
 Жгла и светила, в мир вторгаясь,
 Когда сражается за жизнь
 Страна, в ненастье задыхаясь.

Пусть нынче мне не повезло
 И я стою, как будто с краю...
 ... Я, просто, там точку стило.
 И вновь патроны собираю.

Грустный пафос

Говорят, у нас сегодня – дно...
 Лжи и лицемерия стихия.
 Но настанет время, всё равно
 Выплывет омытая Россия.

Подтолкнёт святая память дней.
 И поднимут в звёздное пространство
 Крылья возвышающих идей
 В заповедном космосе славянства.

Не иссякли гордые мечты!
 И хотя в Отечестве – упадок,
 Но остатком русской красоты
 Мы спасаем мировой порядок.

Не смиряясь с инвалютным злом,
 Став в прицеле атомной мишенью,
 Оттолкнёмся боевым веслом
 От застойной тины униженья!

Нам ли от невзгод не устоять?
 Веря в святость нации, тем паче?
 Чудом, но возвысимся опять!
 ...Может, кто-то думает иначе?

Всех вчера перепугали,
 По ТВ – заставку гнали –
 Мол, угроза такова,
 Что спасётесь ли едва...
 Все – в бетонные строенья!
 Укрывайтесь, без сомненья!
 Так вещали, словно это
 На Москву летит ракета.
 Прячьтесь, люди, – кто куда!
 ...Вот, такая ерунда.

Музей Церетели в Переделкино

В свободный денёк благодатный,
 Сюда приезжай и глазей
 На этот огромный, бесплатный
 Под небом открытым – Музей.

Здесь будет реальность другая.
Почти неземной колорит...
...То хвалят его, то ругают,
А Мастер – творит и творит...

Вспомним...

Судьба тяготее к общению.
Нам опыт полезен чужой.
Взаимное обогащение
Где разум – сольётся с душой.

Ведь каждый незнаемый житель
Прекрасной планеты Земля,
Твой родственник, друг и учитель,
Флажок на борту корабля...

Житейскую выдержим вьюгу,
Добра и любви не тая!..
И выйдем навстречу друг к другу
В любом уголке бытия!..

Быть богатым...

Если сказано публично,
Что народ российский – беден,
Быть богатым неприлично!
Ведь богач – хитёр и вреден.

Он устроился отлично.
Скрыл в оффшорах свой доход.
Быть богатым – неприлично,
Если беден твой народ.

Льгот – копейки, пенсий – крохи...
Это стыдно и смешно!
Быть же баловнем эпохи
В нищем обществе – грешно.

Не учёный, не создатель,
Не талант, и не творец –
А богатый обыватель,
Просто, – жулик и делец.

От бесстыжей этой коды
Проложили мы между!
Быть таким богатым – подло!
...Больше слов не нахожу.

Либерал... (несвоевременные мысли...)

Тихий, добренький и модный...
Не фашист, не террорист.
Просто – вольный и свободный!
Безмятежен и пушист...

Он по чёрному квадрату
Ходит издавна пешком.
Он собрал свои отряды
И командует тишком...

Все ему обличья впору.
Всё – свободно! Всё – к лицу.
Потакать родному вору
И поддакивать лжецу.

Осмеять литературу.
Вглубь традиций – бросить яд.
И приветствовать, как гуру,
Боевитый секс-парад.

Сколько хитрости и скверны!
Сколько дел не по уму...
Насаждает нам модерны.
Толерантен ко всему...

В мирный день устроить свару –
Сам себе – авторитет.
С олигархами на пару,
И с властями тет-а-тет...

Сам он – маленького роста.
Ну, а смотрит – свысока...
...Либералы – это просто
Потаённые войска.

Мужчины наших дней..

Мужчина!.. Земная обитель
Твои воплощает черты.
Строитель, создатель, учитель...
Убийца и праведник – ты!

За все эти дали и шири
Ответственен нынешним днём.
За всё, что построено в мире
И всё – что разрушено в нём.

Ты в каждой эпохе – хозяин.
Зачинщик, защитник, солдат.
От самых столиц – до окраин
За всё и за всех виноват.

...Взгляните на скучные лики –
Радетелей наших полки...
На всех заседаньях великих
Сидят, в основном, – мужики.

Сидят, говорят, размышляют.
Оплыли бездвижкой тела.
И делают вид, будто знают,
Как надо наладить дела.

Ни рыцарской чести, ни духа...
Лишь бизнесом чувства рулят.
...А в мире – всё круче разруха.
А в мире – всё крепче разврат.

Двухпаспортный.. (вспоминая Маяковского...)

...И он достаёт из валютных штанин
Заветные корочки двух паспортин!
Один – напоказ. А другой – на заказ...
Законы России – теперь и сейчас!

Две правды. Два дома. И два торжества!
Двойная мораль. И двойные права.
Не зря он двойную надежду питал –
Надёжно припрятать лихой капитал!

Фальшивый болтун. Осквернитель идей.
И жёны, и дети, и дети детей
В двойном зазеркалье!.. От нас далеко.
И дышится вольно. И спится легко...

Порой, и в верхах верховодит давно
Двухпаспортный жулик... Бывает оно...
Всегда соучастник разрухи и бед...
А кары двойной в нашем кодексе нет...

Орёл на Гербе нашем – тоже мутант.
На Запад-Восток направляет талант.
Такая двойная его голова...
И тоже, наверное, – паспорта – два?

...И представить даже трудно,
На каком стоим краю...
Серо, муторно, безлюдно
В этом брошенном Раю.

Но в зелёном окоёме,
Где вокруг шумят леса,
И сегодня, как фантомы,
Слышим чьи-то голоса...

Подмосковные берёзки –
Как отечественный знак...
Здесь Фадеев и Чуковский...
Щипачёв и Пастернак...

Здесь когда-то было Вече!
Праздник душ. Общенье Муз.
Расставания и встречи.
Братство. Творчество. Союз!

А сейчас – одни осколки...
Три музея... да погост.
...И портвейном – «Три семёрки»
Мы запьем печальный тост...

Ожидание...

Душа – вольна, и тягостен ей плен
Привычности закрытого пространства...
Она всё время – жаждет перемен
И ждёт, противореча, – постоянства...

Есть в вечном ожиданье – благодать,
Отрада, и невидимая нега...
А, если даже нечего уж ждать,
Ждёт всё равно!.. Хотя бы утром – снега...

Гражданская и национально-государственная проблематика в трудах академика В.А. Тишкова

«В жизни всегда есть место подвигу...»

А.М. Горький

Указом Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова от 9-го июля 2019 года академику – секретарю Отделения историко-филологических наук РАН, научному руководителю Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Тишкову Валерию Александровичу присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки Чеченской Республики» «за значительный вклад в развитие науки Чеченской Республики, безупречный добросовестный труд». В этой награде от имени Чеченской Республики воплощены, в частности, чувства благодарности научных кругов Чечни академику РАН В.А. Тишкову за его многолетние научные проекты, в которых исследованы актуальные проблемы истории, этнографии, культуры и просветительской мысли Чеченского общества.

Хасан ТУРКАЕВ

Хасан Вахитович Туркаев – родился 10 мая 1938 г. в селе Малые Варанды Шатойского района Чечено-Ингушской АССР (РСФСР, СССР). Российский чеченский учёный, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки ЧИАССР (1977), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005), член Союза писателей СССР (1980), Союза писателей России, Союза писателей Чеченской Республики. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2003).

Живёт в Грозном.

Академик РАН В.А. Тишков – всемирно известный учёный, дважды лауреат Государственной премии РФ в области науки (2001, 2014), крупный общественный деятель РФ, кавалер орденов Почёта (2009) и Дружбы (2016), медалей. В 1989 г. В.А. Тишков был избран директором Института этнологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР¹.

В феврале 1992 г. Указом Президента РФ В.А. Тишков был назначен Председателем Государственного комитета по национальной политике, министром по делам национальностей РФ и занимал эту должность до середины октября 1992 г., оставаясь директором Института этнологии и антропологии. Это было время бурной политизации этнических проблем и нарастающего кризиса в отношениях федерального центра с республиками. На названных должностях волею судьбы оказался человек из русской глубинки, равноудалённый и от центрального истеблишмента, «засветившегося» своим равнодушным восприятием надвигающихся на страну проблем, и от этнонациональных элит, внушавших своим народам далеко не прогрессивные, центробежные идеи.

В.А. Тишков «выработал обновлённые подходы и идеологию новой этнической политики в стране»², насытив её общегражданскими, общегосударственными и, я бы сказал, гуманными идеями. Такая идеология выработанной им новой этнической политики в стране легла в основу его дальнейшей общественной и научной деятельности, и прежде всего в осмыслении и выработке им предложений для решения проблем «чеченского кризиса».

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая с тех пор, как его возглавил академик В.А. Тишков, является мощным центром духовного притяжения всех народов России, ибо целенаправленное и заботливое, на уровне сердца осмысливаемое историко-этнографическое, культурное своеобразие народов способствует их лучшему познанию друг друга, сближает культуры и тем самым способствует стабильности и развитию российского общества.

Во второй половине 1990-х гг. – начале XXI в. В.А. Тишков опубликовал в России и за рубежом несколько разноплановых научных трудов: «Очерки теории и политики этничности в России» (1997), «Этнология и политика. Научная публицистика» (2001), «Общество в вооружённом конфликте. Этнография чеченской войны» (2001), «Реквием по этносу» (М., «Наука», 2003), «Политическая антропология» (М., 2010), «Этнополитология. Политические функции этничности: учеб. для вузов (М.: Изд-во МГУ, 2011), «Российский народ: история и смысл национального самосознания» (М., «Наука», 2013); «Мы – российский народ» (М., 2019) и другие. Всего около 15 книг, две из которых переведены и изданы на английском и 3 книги – на китайском языках.

В.А. Тишков был приглашён на исследовательскую работу в Международный институт мира в Осло, где он руководил научной программой по изучению конфликтов, выступал с лекциями и докладами во многих зарубежных научных университетах и центрах. По данным международных индексов цитирования, академик В.А. Тишков принадлежит к числу наиболее цитируемых в мире российских учёных-гуманитариев.

Концепции исследований академика В.А. Тишкова отмечены самым что ни на есть демократическим и бережным подходом автора к социокультурным

¹ Подробно о научной и научно-организационной деятельности академика В.А. Тишкова см.: Т.Б. Уварова, Е.Н. Викторова. Валерий Александрович Тишков. Биобиблиография ученых. М.: Наука. Издание второе, исправ. и допол. 2016. 51 с.

² Уварова Т.Б., Викторова Е.Н. Указ. соч. С. 21.

Академик Тишков Валерий Александрович, 2018 г.

*Встреча с чеченскими историками:
Явсом Ахмадовым, Вахитом Акаевым, Исмаилом Мунаевым, 1996 г.*

сообществам России (например, первая специализированная этнографическая энциклопедия по народам России, обширный энциклопедический том по народам и религиям мира, атлас «Народы России: культуры и религии» (2008), многотомная серия «Народы и культуры»). Как руководитель проекта и редактор этих изданий В.А. Тишков в 2001 г. стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники.

В.А. Тишков – наследник старой русской академической мысли

Такая широта взгляда на историко-этнографическое и духовное наследие народов России и мира, глубинное осмысление его неповторимого многообразия во многом обусловлены личностными качествами истинно русского человека В.А. Тишкова – учёного, а также тем, что он осознанно продолжает традиции русской демократической академической мысли.

Русская академическая мысль со дня своего возникновения в первой половине XVIII в. неудержимо устремилась в нетронутые и неизвестные дотоле дали и пространства Российской империи. В поле зрения её научных интересов оказались подвластные империи народы, их история, этнография, культура, география. Ретроспективным взглядом всматриваясь в достижения академической науки XVIII–XIX вв. в этом направлении, всё более утверждается мысль: необыкновенно быстрая вовлечённость малых народов в контекст научной и культурной жизни России, начало процесса сложения их национальной идентичности произошли благодаря демократическим воззрениям русских учёных, открывавших уникальные по своей природе мироустройства и неизведанные материи в российском государстве.

Так, еще в XVIII в. русские учёные обнаружили на Северном Кавказе накопленные вайнахами (ингушами и чеченцами) на протяжении многих веков выдающиеся памятники духовной культуры: мифы и нартский эпос, волшебные и героические сказки, малые формы позднего исторического эпоса, выдающаяся башенная архитектура средневековья, а также сформировавшаяся в эпоху Ренессанса форма осмысления действительности – героико-эпические и исторические песни, арабоязычная литература. Позже, в 70–х гг. XIX в. Л.Н. Толстой назвал это наследие «сокровища поэтически необычайные». Особая и неповторимая система художественности горских племён, их философия и взаимосвязи с мировыми художественными культурами ещё до 1917 г. были вовлечены в контекст российской и европейской науки и культуры академиками И.А. Гильденштедтом, П.С. Палласом, П.Л. Шиллингом, А.М. Шёгрёном, В.В. Бартольдом, И.Ю. Крачковским, В.Ф. Миллером, исследователями П.К. Усларом, А.П. Берже, И.А. Бартоломеем. В советские времена традиции предшественников продолжили академики Б.Б. Пиотровский, В.П. Алексеев, члены-корреспонденты АН СССР Ю.А. Жданов и Р.М. Мунчаев, выдающиеся археологи Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова, В.И. Марковин и другие известные русские учёные.

Продолжавшееся два с лишним века изучение ими Северного Кавказа в самых разных направлениях научных знаний привело: **к познанию горцами самих себя, появлению у них первых школ на русском языке обучения, возникновению общественно-просветительской, публицистической и художественной мысли на русском языке, появлению национальной светской интеллигенции, включению их духовного наследия в контекст общероссийской культуры, ускорению сложения их национальной идентичности, которая позволила им впоследствии включиться в приумножение общероссийского научного достояния, художественной литературы.**

Художественно-идеологические предпосылки формирования национальных культур, возникшие в ту эпоху, в условиях советской власти явились основой для расцвета языков, литератур, культур, научной мысли народов России. Этот факт общеизвестен. В.А. Тишков обосновывает оригинальную концепцию и в отношении национальной характеристики советского общества, считая СССР мощным национальным государством, где народ с его общими ценностями и советским патриотизмом представлял собой политическую нацию.

Гражданская позиция В.А. Тишкова в условиях кризиса в Чеченской республике

Принципы толерантного общежития оказались созвучными морали В.А. Тишкова. Войдя в большой мир отечественной науки, став министром по делам национальностей РФ, директором академического научно-исследовательского института, он не приглушил в себе чувства человеколюбия, сострадания, объективности и прямоты во всём, каких бы трудностей это ему ни доставляло. Именно эти качества и притягивают к нему людей со всех концов страны и из-за рубежа.

Личное, гражданское и не крикливое мужество присуще ему всегда и во всём: и в вопросах национальной политики, и в концептуальных вопросах изучения и сохранения культурного многообразия России. Такой душевный настрой у В.А. Тишкова рельефно проявился в 90-е годы XX в., когда он как

государственный деятель и учёный обязан был проявить свою гражданскую позицию в условиях водоворота сложнейших политических и социальных проблем страны. В самом начале вскипания страстей в российском обществе в 1991–1992 гг., парадных маршей национальных «суверенитетов» В.А. Тишков волею судьбы оказался на посту министра по делам национальностей. Именно в это время со всей силой обнажилась его гражданская позиция: он, в отличие от многих других политиков, не «перекрасился», не «записался» в мнимые патриоты, не «работал» на свой рейтинг провокационными выступлениями, а мудро и взвешенно проводил большую работу, направленную на скрепление каркаса разваливающегося общего дома, остужая пыл ново-явленных федеральных и национальных «политиков» с радикалистскими уклонами.

Читая великолепную статью В.В. Согрина «Учёный и гражданин в меняющемся мире», с удовлетворением обнаруживаешь сходство наших с ним оценок жизненных ориентиров и трудов В.А. Тишкова. В.В. Согрин пишет: «Валерий Александрович Тишков... добивался и добился поставленных целей в разных ипостасях. Две из них – **учёного и гражданина** – представляются главными. В.А. Тишков старался дойти до самых глубин в науке, внести в неё собственный оригинальный вклад. И неизменно стремился использовать свои научные идеи для достижения позитивных **демократических и гуманистических** – изменений в своей стране»¹.

Честная и мужественная позиция в вопросах будущего страны и её народов у В.А. Тишкова обнажилась в ходе так называемых первой и второй чеченских кампаний. Совершенно оригинальными и смелыми суждениями и выводами прозвучал в это время доклад под редакцией В.А. Тишкова «Пути мира на Северном Кавказе» (1999), подготовленный в период вооружённых действий на территории Чеченской Республики. Особый общественный резонанс и внимание разного рода «специалистов по чеченскому вопросу» вызвала его монография «Общество в вооружённом конфликте. Этнография чеченской войны» (2001), в которой впервые в российской историографии скрупулёзно и объективно осмыслено морально-нравственное состояние народа, очутившегося перед реальной угрозой сохранения его как этноса. В.А. Тишков особо подчеркнул, что в книге из 552 страниц текста около трети составляют «прямые голоса», т.е. свидетельства очевидцев.

Читая эту его книгу, я обнаружил в приложении к ней уникальные по смелости постановки проблем документы, в которых во весь рост встаёт образ их автора. В первом из них, датированном 13 февраля 1996 г. («конфиденциально, только для В.С. Черномырдина») содержатся предложения по мирному урегулированию кризиса в Чеченской республике Российской Федерации. В документе, в частности, сказано: «...Кризис в Чеченской Республике после 1994 г. перерос в крупномасштабный вооружённый конфликт, результаты которого по своим человеческим и материальным потерям представляют собой общенациональную трагедию. После событий в Кизляре, Первомайском, принятия России в Совет Европы и **начала массовых антивоенных акций в стране необходимость прекращения войны в Чечне стала политическим императивом. Срочное прекращение военных действий и начала реализации чёткого и согласованного плана мирного урегулирования и восстановления**

¹ См.: Согрин В.В. Учёный и гражданин в меняющейся стране. – В кн.: «Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011. С. 3.

Встреча в Президиуме РАН с президентом В.В. Путиным по обсуждению конфликта в Чечне, февраль 2000 г.

основ жизнедеятельности в республике может способствовать укреплению авторитета федеральной власти (здесь и далее выделено нами. – Х.Т.).

Для трансформации конфликта с насильственной в ненасильственную форму возможны следующие действия:

1. Публичное признание со стороны Б.Н. Ельцина, что решение применить вооружённую силу в Чечне и формы реализации этого решения были ошибочными, так как это привело к неприемлемым для страны последствиям. Президент признаёт в том числе и свою личную ответственность за войну в Чечне и обещает до истечения срока президентских полномочий достичь мирного урегулирования и обеспечения основ гражданской безопасности в Чечне и прилегающих районах, а также прекращения почти ежедневных потерь среди военнослужащих и мирных граждан.

Президент называет ряд высших должностных лиц, способствовавших принятию и реализации ошибочной силовой стратегии в отношении Чечни, и принимает отчётливые меры по их наказанию или публичному осуждению, даже если они уже отстранены от занимаемых постов”. <...>

5. Изменить тон пропаганды и официального языка в отношении граждан РФ чеченской национальности и, прежде всего, прекратить деление на “наших” и “ненаших”, и также квалификацию действий до судебного определения как “преступных”».

После первой чеченской кампании появилось много всякого рода проектов «по чеченскому вопросу». Почти во всех них имелись агрессивные формулировки: «раздробление чеченской нации», «отчуждение её от России», «Чечня разделяется на две части по границе, близкой к линии Ермолова начала XIX века», «Между Россией и Чечнёй, по крайней мере, первые пять лет обозначается абсолютно “непроницаемая граница” – оборудуется своего рода “берлинской стеной”, исключаяющей какие-либо контакты». Некий «демократ» горбачёвского призыва предложил Президенту страны «план решения чеченской проблемы»: «граница с Чечнёй на амбарном ядерном замке».

*Встреча с президентом Д.А. Медведевым
на церемонии награждения Орденом Почёта, 2009 г.*

Известный писатель, претендовавший быть совестью русской нации, забыв о высокой оценке, данной им раньше чеченцам, призвал загнать всех чеченцев России в резервацию и обнести их «колючей проволокой».

В одной из публикаций по чеченской проблеме было сказано: «В лице Чечни мы имеем не только конфликтующую с нами сторону, но абсолютно чуждую цивилизацию, которая и в состоянии войны, и в состоянии мира живёт по совершенно иным законам, чем обычный россиянин и, уж, конечно, западноевропейский человек». Подобного рода публикациям тогдашнего времени нет числа.

Как же трактовали в это время мнимые «радители» о чеченском народе военный аспект российско-чеченских отношений? Они получили на этом трагическом разрезе истории импульс для реализации своих низменных целей, и потому не замедлили круглыми столами, конгрессами и конференциями внести в российское общество ещё большую, чем политики и СМИ, сумятицу в решении государственной значимости проблемы. Своей поверхностной трактовкой истории российско-чеченских отношений они отдаляли русский и чеченский народы друг от друга, пытались предать забвению вековые историко-культурные взаимосвязи России и Чечни, накопивших много непреходящих ценностей в ходе истории. Фатализм в подходе к российско-чеченским проблемам проявился в докладах на конференции «Чечня и Россия: общества и государства», организованной Фондом А. Сахарова и состоявшейся в Москве в декабре 1999 г.

В атмосфере того безумия в отношении чеченского народа позиция В.А. Тишкова была обусловлена дальновидными и честными соображениями. В написанном в 1996 году конфиденциальном обращении член коллегии Миннаца России В.А. Тишков с большой обеспокоенностью обратил внимание

власть имущих на ежедневно усложняющиеся проблемы. Учёный писал: «Главная забота – это соблюдение прав граждан и обеспечение основ жизни простых людей, проживающих в Чечне или выехавших из неё в результате конфликта». И далее: «... Большинство чеченцев настроены против полной независимости от России. Они хотят иметь российские паспорта, жить, работать и учиться в России: как в Чечне, так и в остальной части страны ни один президент, и правительство РФ не могут не учитывать это и не имеют право выталкивать часть территории и её граждан из состава государства».

Предложения и выводы В.А. Тишкова основывались на хорошем знании им трагического состояния жизни народов Чечни: он не раз бывал там и знал, о чём писал. Отчасти этим, скорее всего, обусловлено то, что в последующих его предложениях по Чечне главной становится просветительско-гуманитарная идея. Так, в феврале 1999 г. В.А. Тишков писал в правительство:

«Необходимо менять общий климат отношения к Чечне и к чеченцам и через информационные, политические и гуманитарные каналы донести до чеченцев как в Чечне, так и в остальной России, что не только Чечня и чеченцы – это часть страны и её населения»;

«необходимы телепередачи и радиостанции для Чечни, вещающие из Москвы»;

«на базе Университета дружбы народов создать вайнахское отделение, где будут готовиться нужные для реконструкции кадры (управленцы, менеджеры, социальные работники, правоведы, другие специалисты) и где будет занята часть чеченской вузовской интеллигенции, выехавшей из Грозного»;

«оказание всяческой поддержки той части населения Чечни, которая находится за её пределами и мобилизации её ресурсов и антисепаратистских настроений».

В предложениях по постконфликтной реконструкции для встречи с президентом РФ В.В. Путиным в Российской академии наук (8 февраля 2000 г.), состоящих из 10 пунктов, в обобщённой и настойчивой форме сгруппированы мысли и чувства В.А. Тишкова, наблюдавшиеся в его ранних обращениях. Общественная значимость их содержания возросла вдвойне потому, что они были поданы президенту России именно в то время, когда в Чечне была в разгаре вторая чеченская война.

«Нужна срочная общероссийская кампания помощи Чечне и беженцам из Чечни, – читаем мы в этом документе. – Это больше, чем помощь; это – моральное самолечение и общее искупление греха. Нельзя оставаться непричастным и только продолжать взаимные обвинения или искать подлинных виновников войны. Чеченцы не меньше желают замирения, чем вся остальная Россия. Легче всего и нужнее всего начать работу с детьми, особенно в школьном мире. Чеченские дети и подростки нуждаются в добром отношении и в равном обхождении, если речь идёт о школах в Москве, Нальчике или других российских городах. Несмотря на тяжёлую ситуацию, в Чечню могли бы поехать (или вернуться) учителя и преподаватели из других регионов России. Нужен внутрироссийский «корпус мира для Чечни», который включал бы молодых людей разных полезных профессий (врачей, социальных и культурных работников, агрономов, инженеров и других специалистов). Без этого корпуса только одним военным и милиционерам вместе с изрядно побитыми и социально дезориентированными местными жителями проблемы реконструкции республики не решить».

На церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации за 2014 год, июнь 2015 г.

Не имея возможности процитировать все десять весомых и значимых пунктов «Предложений...», хочу всё же остановиться ещё на некоторых мыслях В.А. Тишкова, озвученных им перед Президентом России:

«Необходимо перенацелить дебаты в СМИ на обсуждение серьёзных проблем послевоенной реконструкции этой части страны и послевоенной травмы в целом, включая военнослужащих и их семьи»;

«действия в Чечне представляют собой провал Генеральной прокуратуры и других судебно-правовых инстанций страны»;

«требуется больше освещать жизнь и деятельность чеченцев в Чечне и за её пределами как часть российского согражданства, прекратить представлять их в образе “гордых дикарей”...».

Приведённые цитаты говорят о том, что тональность предложений В.А. Тишкова по Чечне звучала диссонансом в общем хоре античеченских настроений в некоторых слоях российского общества тех лет.

Обильно появлявшиеся о Чечне поверхностные публикации, массовые «журналистские расследования» о «злодеяниях» чеченцев подвигли совестливого патриота России В.А. Тишкова на основе объективного анализа исторических процессов бороться с рецидивами как колониальной этнографии, так и современной «постколониальной» этнографии чеченского народа.

Анализ ситуации в Чечне, как и в других регионах бывшего советского пространства, приводит исследователя к выводу, что **«исторический и этнический факторы не лежат в основе конфликтов в регионе бывшего СССР, включая Чечню и Северный Кавказ в целом. Это, прежде всего, современные конфликты современных участников (авторов) социального пространства и по поводу современных проблем и устремлений»**¹. Такая концепция В.А. Тишкова, как показало время, была самой правильной из множества

выдвинутых в те годы «теорий» обусловленности кровавых событий в Чечне, якобы, историей, этническими и даже генетическими факторами. **«Их сегодняшний образ и некоторые черты поведения обусловлены войной, а не врождёнными качествами или культурной традицией народа»**¹, – пишет В.А. Тишков.

Рекомендации и работа по восстановлению Чечни и сохранению её гуманитарной науки

К воплощению выдвинутых им в «Предложениях...», выступлениях, статьях, монографиях идей в практические дела в той мере, в какой ему было бы под силу, В.А. Тишков приступил уже осенью 1999 г. Он сказал тогда: **«Дело восстановления Чечни – это общероссийская проблема, но без самого активного участия самих чеченцев эта проблема не может быть решена»**². Исходя из этих принципов, Российская академия наук, в лице Института этнологии и антропологии, предприняла усилия по оказанию научного и общегуманитарного содействия делу восстановления Чеченской Республики. С 1999 г. при Институте начала работать временная исследовательская группа, состоящая из учёных-гуманитариев – бывших сотрудников НИИ и вузов г. Грозного.

Основной темой исследовательской работы группа выбрала проблему чеченского конфликта и его разрешения. Эта проблема обсуждалась на научных, научно-практических конференциях всероссийского и международного размаха, проведённых Институтом. Так, 28–29 ноября 2000 г. в Москве прошла международная научно-практическая конференция «Чечня: от конфликта к согласию», которая завершилась выработкой рекомендаций по постконфликтному урегулированию. В предисловии к изданным материалам конференции В.А. Тишков писал: **«Одна из серьёзных утрат – это разрушение культурно-образовательного и научного потенциала республики и прежде всего потенциала его основного населения в лице чеченского народа. Без восстановления интеллектуального слоя и без усилий собственных специалистов эффективная реконструкция невозможна»**³.

Для оказания содействия в собирании расколотого чеченского общества и восстановлении мирной жизни в Чечне были направлены усилия Российской академии наук. С этой целью Институтом 28 июня 2000 г. был учреждён «Фонд гуманитарного содействия Чеченской Республике». Президентом Фонда был избран В.А. Тишков. В попечительский совет Фонда вошли крупные учёные, такие, как академики Н.А. Платэ, С.Н. Хаджиев, публицист Г.А. Боровик и др.

Перед фондом стояли задачи «объединения усилий государственных и общественных организаций и физических лиц для постконфликтной реконструкции Чеченской Республики, восстановления народного образования, учреждений науки, культуры, здравоохранения». Разнообразные были формы деятельности Фонда. Он содействовал контактам с российскими и международными инвесторами (по линии Юнеско) с целью привлечения средств для восстановления гуманитарной сферы Чеченской республики. Собранные

¹ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте.... С. 62.

² Там же. С. 62.

³ Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001. С. 6.

¹ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте.... С. 61.

по стране и отправленные в библиотеки Чечни десятки тысяч книг – лишь один из эпизодов в его деятельности.

Огромная заслуга академика В.А. Тишкова и как директора Института этнологии и антропологии, и как президента Фонда в том, что он в указанные годы не позволил выпасть из контекста российской науки отдельным направлениям гуманитарного знания Чеченской Республики. В условиях напряжённой военно-политической обстановки в Чечне в самом начале XXI в. Институтом проводились всероссийские научные конференции, посвящённые общественно-политическим, духовно-нравственным, социально-экономическим проблемам жизни чеченского народа.

В докладах и выступлениях известных учёных страны на первой из таких конференций «Культура Чечни. История и современность», проведённой в апреле 2001 г. по инициативе Х.В. Туркаева и при финансовой поддержке предпринимателя У.Ш. Масаева, были показаны древние основы культуры чеченского народа, берущие своё начало в культуре Передней Азии. Эта конференция явилась началом противостояния добросовестных русских и чеченских учёных кампании нечестных журналистов, псевдоисториков, отдельных политиков против Чечни и чеченского народа.

Назову подготовленные и проведённые в Институте другие международные научные симпозиумы и всероссийские конференции: «Мир в Чечне через образование» (совместно с Российской академией наук и Национальной академией наук США. 23–26 сентября 2002 г., Сочи); «Восстановление и развитие науки и научного сотрудничества в Чеченской Республике. (М., 26–27 января 2004 г.); «Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. (М., апрель 2005 г.); «Перспективы экономического развития Чеченской Республики» (М., ноябрь 2005 г.).

Материалы названных научных форумов легли в основу изданных книг: «Чечня: от конфликта к стабильности» (М., 2001); «Культура Чечни: история и современные проблемы» (М., «Наука», 2002); «Краткая аннотированная библиография чеченского конфликта» (М., 2003); «Чеченская Республика и чеченцы. История и современность». (М. «Наука», 2006). В предисловии к последнему изданию В.А. Тишков напомнил, что «ранее была проведена конференция по проблемам постконфликтной реконструкции Чечни, на которой выступал первый президент Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадыров. В.А. Тишков с болью говорил о потере этого замечательного человека. «Традиции, которые он заложил, – внимание к гуманитарным аспектам жизни людей, к науке, к восстановлению Чеченской Республики будут продолжены, – сказал В.А. Тишков, – память о нём останется с нами»¹.

В предисловии имеются слова благодарности А.А. Аслаханова – в то время советника Президента РФ – В.А. Тишкову: «Он очень много сделал и делает для чеченского народа, прилагая усилия для того, чтобы сгладить несправедливость и нравственную обиду, нанесённую чеченскому народу»². А.А. Аслаханов выразил надежду, что «материалы конференции дадут позитивные результаты и с этого момента прекратится дискредитация многострадальной мужественной нации»³.

«Исследование В.А. Тишковым вооружённого конфликта в Чечне, – пишут исследователи, – а именно социально-культурной природы сепаратизма,

насилия и социальных трансформаций общества в состоянии вооружённого конфликта, является достижением мирового уровня»¹.

Особый резонанс в обществе вызвало построенное на впервые вводимых в научный оборот архивных материалах уникальное исследование «Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России» (автор проекта и отв. ред. Х.В. Туркаев, М., «Наука», 2008), в котором учёные Москвы и Чечни решили широкий спектр проблем по теме взаимоотношений России и Чечни на протяжении многих веков. Издание представляет собой новую страницу в истории русско-чеченских взаимоотношений.

Научная общественность страны высоко оценила осуществление этого масштабного исследовательского проекта (2008, 2015). «Название и содержание книги предопределено стремлением авторов показать роль чеченцев в развитии российской государственности, их активное участие в жизни страны, самобытный вклад в общероссийскую культуру. Это удалось сделать, опираясь на обширную документальную основу. Впервые в научный оборот введены многие новые архивные документы – достоверные свидетельства переплетения судеб чеченцев и русских в военно-политической и культурно-просветительской истории России, особенно на протяжении XIX–XX вв. Они доказывают, что у России и Чечни были не только моменты противостояния, но и периоды формирования общей ответственности за судьбу страны, за единое Отечество. В российской и зарубежной историографии до сих пор не было подобных фундаментальных исследований»².

Фундаментальный труд о чеченском народе

Параллельно с названными исследованиями Институт этнологии и антропологии готовил к изданию в серии «Народы и культуры» коллективную монографию «Чеченцы». Во введении к ней В.А. Тишков остановился, в частности, и на истории создания данного уникального труда. Он отметил, что «проект этого труда разрабатывался ещё в конце 1980-х годов. События начала 1990-х годов и последовавший затем вооружённый конфликт надолго прервали работу над этим томом. Но энтузиазм научного сообщества не угасал и в те трагические годы. В связи с этим особо следует отметить роль в возрождении идеи создания тома “Чеченцы” известного чеченского учёного Ибрагима Юнусовича Алироева. Несмотря на все трудности, которые были обусловлены вооружённым конфликтом, И.Ю. Алироев начал формировать авторский коллектив, собирать иллюстративный и библиографический материал. Впервые коллективными усилиями этнографов, историков, археологов, лингвистов, искусствоведов, культурологов, демографов, антропологов и других специалистов создан научный труд, где максимально полно отражены основные этапы этнической истории чеченского народа»³.

Однако в процессе его написания учёные республики столкнулись с неожиданной для себя трудностью: наиболее трагические этапы истории народа советского и постсоветского времени в историографии Чечни не были с достаточной полнотой осмыслены. Нужен был учёный-историк, в чьих трудах эти

¹ Т.Б. Уварова, Е.Н. Викторова. Указ. соч., с. 37–38.

² Косиков И.Г., Рец. на: Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. Отв. Ред. Х.В. Туркаев. М.: Наука, 2008. 631 с. Этнографическое обозрение №2, 2009, 142–150 с.

³ Чеченцы. М.: Наука, 2012. С. 6.

¹ Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. М.: Наука, 2006. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 9.

процессы были бы освещены в контекстах истории других народов страны. Им оказался В.А. Тишков, которым были тонко показаны драматически складывавшиеся взаимоотношения между властью и чеченским народом в новейшее время. В таких разделах, как «История Чечни и культурная политика в конце 1920-х – 1940-е годы», «Депортация 1944–1957 гг.», «Возвращение на Родину. История Чечни в 1960–1980-е годы», «Социально-культурная ситуация накануне конфликта», «Вооружённый конфликт конца XX – начала XXI века», написанных В.А. Тишковым для коллективной монографии «Чеченцы», нарисована объективная картина созидательной поступи народа в конце XX – начале XXI века и трагические повороты в его судьбах.

Не премину сказать, что все названные труды издавались при активном участии и с предисловиями, под редакцией В.А. Тишкова, в которых его взгляды по чеченской проблеме получили дальнейшее развитие. Например, в предисловии ко второму изданию **«Культура Чечни. История и современные проблемы» В.А. Тишков выдвинул ряд оригинальных концепций в осмыслении проблемы «война и культура», говоря, что «культура становится сражающимся ресурсом в условиях вооружённого противостояния»¹. И далее: «Культура есть одно из средств миротворчества и послевоенной терапии, ибо через мир культуры и через художественные образы человек быстрее излечивается от травмы войны и избавляется от образа врага»².**

О комплексном подходе академика к постконфликтному возрождению Чечни, восстановлению положительного имиджа чеченского народа говорят также издание крайне важных для нового прочтения научным сообществом России истории, религии и философии чеченцев книг Е.Н. Кушевой и труды учёного и просветителя Дагестана и Северного Кавказа Б.К. Далгата «Первобытная религия чеченцев и ингушей» (М., «Наука», 2004 г.), «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей» (ответ. редактор В.А. Тишков).

Академик РАН В.А. Тишков в трагические для Чечни годы не только поддержал её науку, но и приложил немало усилий для её развития и интеграции в общероссийский контекст. Он внёс большую лепту в дело подготовки для чеченского народа научных кадров: в стенах руководимого В.А. Тишковым Института прошли подготовку 8 аспирантов, стажировались 3 докторанта из числа чеченцев.

В постконфликтные годы общественное сознание россиян столкнулось с необходимостью понять причины, истоки, характер и цели таких новых постсоветских явлений, как сепаратизм и терроризм. За осмысление этих архисложных проблем взялись представители разных научных дисциплин. Но, пожалуй, только в трудах В.А. Тишкова дан точный и, самое главное, жизненно выверенный анализ названных явлений, нарушающих равновесие жизни и россиян, и мировых сообществ

В изданных под редакцией В.А. Тишкова коллективных исследованиях «Российский Кавказ. Книга для политиков» (М., 2007), «Северный Кавказ в национальной стратегии России» (М., 2008), «Этнокультурный бренд и историко-культурные образы в инновационном развитии Северокавказского региона» (Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2011) силами квалифицированных учёных освещаются сложные вопросы развития горских общин,

государственно-административного устройства и управления, роли религии и традиционных социальных институтов, экономических стратегий, миграционных процессов, современное состояние и динамика этнополитической ситуации на Северном Кавказе и т.п. Эти труды способствуют пониманию российским обществом проблем Северного Кавказа, в них намечены приоритеты и стратегии их решения. Значение таких исследований трудно переоценить: они, пронизанные идеями В.А. Тишкова, способствуют гражданской интеграции и формированию гражданского общества в полиэтнической России.

Труды академика РАН В.А. Тишкова – национальное достояние многонациональной России. В них доходчиво показывается, «из чего складывается национальная идентичность, как в ней сочетаются знание страны и её культуры, общероссийский патриотизм и любовь к своей малой родине и этнокультуре...»¹

¹ Тишков В.А. Война и культура. В кн.: Культура Чечни. История и современные проблемы. М. : Наука, 2006. С. 9.

ПОЭЗИЯ

Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет
Виктора Михайловича Кашкина
с юбилеем!

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Я берега свои искал» и «Всего дороже». Живёт в Москве.

Виктор КАШКИН

«Души не спрячешь за кустами...»

Зимой леса, как в обороне,
Скупы в решимости стволов.
Лишь ветка снег шлепком уронит,
Избавив тишину от снов.
Глаза под козырьком ладони –
Мне больно, солнце, что слепя,
Застряло ты в колючей кроне:
Не исцарапало б себя,
Когда потянешься к зениту,
Раскатывая неба синь,
Поверив вдруг в свою орбиту
В толпе иззябшихся осин.

Я босиком ходил по снегу,
А летом тоже по ночам,
За поплавок принявши Вегу,
Себе приглядывал топчан
На берегу реки под небом,
И после у камчатских скал
Милей звезды мне, где бы не был,
Фильм памяти не показал
Тонувшему, когда спасал
Ходившего босым по снегу
И метившего в моряки,
И караулившего Вегу
На чёрном зеркале реки.

ВИКТОР КАШКИН

На фильмах от Феллини не совел
И не от сладкой жизни чистил зубы –
Я с мудрецами Греции говел,
Когда друзья ломились в кино клубы.

Зато не скоро я соображу,
Почём кресты и золотые кольца
С молитвами, куда ни погляжу,
На вожакх из наших комсомольцев?

Лишь вспомню в биографии своей,
Как слепли звёзды в сполохах зарницы,
И как в саду вишнёвом соловей
Ночами пел окрестностям столицы.

Ещё что с биографией, потом,
Там, где её последняя страница?
И буду ли помилован Христом,
Что не спешил к нему поторопиться?

Лампадка погасла.
Всё, помнится, охал,
Что в церковь за маслом
Сходить бы неплохо.
И в храм вот, на медни,
Собраться решил,
Но даже к обедне
Идти не спешил.
Стеснялся молиться
Соборно. И всё же:
В Страстную седмицу, –
Помилуй мя, Боже! –
Лампадного масла
Лампадке не справил.
Лампада угасла,
Пока я лукавил.

В небе месяц над рекой
Проплывает низко,
Зачерпну его рукой –
Никакого риска.
Лунный серпик золотой,
Словно с минарета.

Говорю ему: «Постой.
Глянь, в руке монета».
Будет, люди говорят,
Денежка в кармане.
Я примете этой рад,
Если не обманет.

Чем слог короче, тем дороже.
Не всякому спешу отдать
Строфу, которая не может,
Как длинный монолог, предать.

Я ходил попрощаться с Манежем,
А по сути – горевшей Москвой,
Где случается реже и реже
Мне идти с Поварской к Моховой.
Я устал от весёленькой пляски
Лабиринта неоновых свеч,
И, косясь на холодные краски,
Узнавать полурусскую речь.
Не случается видеть мне реже,
Как ликует огня киноварь,
И не встретить хоть раз на Манеже
В переходах бездомную тварь.

Души не спрячешь за кустами,
Её невольно обнажив.
Грущу о том, что станет с нами,
Весёлой песни не сложив.
Грущу о том, что было раньше,
Когда ещё не знал, что миф
О времени ненастоящем
Слагается из грустных рифм.

ПУБЛИЦИСТИКА

Валентин СОРОКИН

О поэте и о Победе

«Поэт – до старости поэт, до самой смерти. А вечность – творчества рассвет, уж вы поверьте!» – стихи и поэтические книги Льва Пиляра очень приятно и полезно читать. Особенно – в наше весьма беспокойное время: то ссоры между правителями разных стран мира, то бурное оповещение какой-то общины или возомнившего о себе компактного племени – отпасть, отделиться от авторитетного государства и показать Вселенной собственное величие. Интересно. И смешно.

В человеке и в народе, как в жизни, всё имеется: и доброта, и жестокость, и мудрость, и глупость, и красота, и улыбка. Талантливый Лев Пиляр все эти душевные плюсы и минусы нашего житейства чувствует, слышит, осмысливает и, художественно оформляя в слове, передаёт нам, но строго сохраняя личную корректность:

*Прекрасен Божий мир,
и жизнь прекрасна в нём!
Когда б ценили мы
тот дар, что мы живём,
что к Вечной жизни путь
Христом указан был.
Пребудь в любви, пребудь –
покуда хватит сил!*

Действительно так: люди верят, что скоро наступят удивительно благородные годы. Переговоры глав правительств и стран превратятся в светлые рассуждения о том, как уберечь природу, как сохранить её щедрость и оберегающую нас её материнскую заботу.

Скользящая рифма, ритмическая уловка смысла и натисковая его передача читателю – приёмы традиционные в народном обожании сочинять. Лев Пиляр любит это. Он краток, добр и натренирован.

Эти ясные приметы отмечает в нём и Максим Замшев, известный поэт и прозаик, главный редактор «Литературной газеты». Дал предисловие

Валентин Васильевич Сорокин – русский поэт. Родился в 1936 г. в Башкирии, на хуторе Ивашила. Около 10 лет проработал в 1-м мартене Челябинского металлургического завода. Член Союза писателей СССР с 1962 г.. Автор многих поэтических книг. Лауреат премий – Ленинского Комсомола, Государственной РСФСР им. А.М. Горького, Международной Шолоховской и Всероссийской им. С.А. Есенина. Проректор Литературного института имени А.М. Горького, руководит Высшими литературными курсами.

Живёт в Москве.

к книге «Искусственник» Льва Пиляра. Добрый поступок таланта, а талантливые люди служат добру и верности.

Я дружил с Петром Проскуриным и Борисом Можаяевым, Иваном Акуловым и Фёдором Абрамовым. Боже, до чего же они были добрыми!.. Дружил и дружу с Борисом Леоновым и Владимиром Гусевым, честными защитниками русского слова.

Лев Пиляр прав, говоря:

*Я люблю страдалицу Россию –
Родину великую мою.
К правде мы идём, теряя силы, –
Вот бы нам сплотиться всем в семью!
Мы же до сих пор патриархальны –
в нас живёт общинный русский дух.
Ну а Запад лезет к нам нахально
и дудит в содомскую дуду!*

Стыдно не любить гармошку и песню. Преступно забывать Зою Космодемьянскую и Мусу Джалиля. Маршал Жуков наш. И Победа наша.

Сколько разрушено городов и сёл фашистами? Сколько детей и взрослых осиротели? В деревнях невесты по вечерам пели, горюя:

*Счастье не вернётся к нам уж,
Стали мы бедовыми, –
Не успели выйти замуж,
Оказались вдовами!..*

Я увидел во сне – Юрия Бондарева и Михаила Львова, Ивана Акулова и Мустая Карима, Бориса Можаяева и Алима Кешокова, Сергея Наровчатова и Кайсына Кулиева. Все мы вроде на празднике 80-летия Расула Гамзатова в Махачкале.

Идём по главному проспекту столицы Дагестана. И читаем поднятый к небу плакат: Россия – мама наша! Кто – аплодирует. Кто – вытирает слёзы ликования. А мы идём. И над нами, приветствуя нас, багрянокрылое знамя звенит и овеивает великую родину нашу, СССР!

Да, я действительно, сам, видел этот плакат, когда гостил на празднике Расула Гамзатова, и радостно плакал. Будем беречь дружбу. Будем беречь песню и слово каждого народа. Каждый дом, каждую семью радовала книга. Кто же полузапретил её, урезав до минимума тираж и возвысив до безумия цену? Народ нервничает и пытается разобраться в данной афере! Вырубает леса и отнимают у людей книги бешеными ценами. Подвиг бизнеса?..

Как нам уберечь авторитет книги и литературы? Как нам уберечь имена классиков, вчерашних победителей фашизма, спасших Европу? Жив – только Бондарев. Спасибо им всем и ему!

Лев Пиляр умело и зовуще владеет родной русской речью, её обвораживающей сердечностью и содержательностью. Он – поэт от народа. Поэт радостного вздоха и мелодичного повествования темы. Интонационность строки – из уст вдумчивого собеседника, друга и сострадателя, советника и коллеги по житейской судьбе.

Он так народно выражает итог вывода, стоя на бытовых взгорках забот, что каждую фразу поэта воспринимаешь, как свою. Он без грудобоя – о новаторстве. Без грудобоя – о сверхдаровании. Ну как не принять вот эти строки?

*За Россию душу положить,
поддержать её в годину трудную.
В глобализме пропадает жизнь –
потребление всюду беспробудное.
Хочется встряхнуться и встряхнуть
Родину свою оцепенелую.
Впереди тернистый крестный путь
в Божию небесную Вселенную!*

Поэт не играет, ликуя, в патриота. Не хитрит. Не лакеет. Он целен и активен человечески. Независим и благодарен творчески.

Настоящие поэты – самобытные и разные. Вот Маяковский. Вот Есенин. Невероятно громко и ярко отличаются они друг от друга. И не только – в форме стиха и в тексте фразы и в живописи слова. Но едины в восприятии глубинной той эпохи, тех перетрясах судьбы страны и её народов.

А святая схожесть их – в братстве и мужестве служения Отечеству, в полном отдаче самого себя горю народа, победе народа. Потому и лжедеятели государства, имевшие лжеправо, то запрещали Есенина, то отодвигали Маяковского.

Лев Пиляр, ещё раз скажу: очень самостоятельный поэт и человек. Верный Родине, времени, народу и слову. Поговорка, пословица, побаска, шутка народная, даже интонационная манера изложения – в его стихах весьма узнаваемо используются. И слава Богу!

Посмотрите – его уважение к своему внутреннему состоянию и покою!

*Я сижу у окна
на шестом этаже –
предо мною весна
разоделась уже!
Надо мной небеса
облаками плывут.
Но недвижим я сам –
хорошо-то как тут!*

Я цитировал стихи и представил их в данной статье – из книг Льва Пиляра «Световой полёт» и «Искусственник». И хочу завершить сказанное мною о таланте и творчестве Льва Пиляра пословицей нашего народа: Без Бога – не до порога! Бог один, а нас много...

Будь здоров, Лев! Вдохновения тебе и успехов! Давай передадим привет нашим друзьям: Александру Боброву и Лидии Сычёвой, Ринату Мухамадиеву и Людмиле Щипахиной! Владимиру Фомичёву и Алле Беловой, Ивану Голубничему и Светлане Замлеловой, Станиславу Куняеву и Ольге Фокиной! Будем помогать Владимиру Бояринову, Нине Поповой и Владимиру Силкину проводить поэтические вечера и встречи в Москве и в краях и республиках нашей страны. Посвятим дело и слову доброте и дружелюбию наших народов!

ЮБИЛЕИ

**К 220-летию со дня рождения
великого русского художника
Карла Павловича Брюллова**

Беседа у огня (Карл Брюллов и Юлия Самойлова)

В кругу друзей, особенно тех, кто знаком и дружит давным-давно, иногда неожиданно вспыхивает разговор, объединяющий их в довольно длинную, но интересную всем беседу.

Как-то на даче у общего друга один из вновь приглашённых в компанию мужчин, в противовес вкусу другого, убеждённо сказал, как отрезал: «А для меня красавицей на всю оставшуюся жизнь является Вирсавия, которую увидел и полюбил царь Давид».

– Слушай, Савелий Викентьевич, – отведя его в сторону от спорщиков, – тихо спросил Аркадий Владиславович, муж Марины Петровны Мухиной. – Я правильно помню, что речь идёт о той

Карл Брюллов. Автопортрет.

Василий ПОЛЯКОВ

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

самой красавице, которую изобразил наш известнейший художник пушкинской поры? Вот некстати запомнил его знаменитую фамилию...

– Брюллов. Карл Брюллов, – подсказал Аркадию врач Ямщиков.

– А не он ли нарисовал такой известный акварельный портрет Наталии Николаевны Гончаровой, жены Пушкина?

– Нет, не он, – поправил Савелий. – Акварельный портрет Наталии Николаевны рисовал его старший брат, замечательный архитектор Александр Павлович Брюллов. Правда, Пушкину в своё время очень хотелось, чтобы ослепительную красоту его Натали увековечил Карл, но как-то не сложилось.

– Савелий, вот ты упомянул про брата. А ты что-нибудь знаешь о семье Брюллова? Карл Брюллов художник замечательный, можно сказать, гордость России, но и в имени его, и в фамилии проскальзывает что-то нерусское. Это так?

– Да, ты прав, Аркадий. И Александр, и Карл вообще-то не Брюлловы, а Брюлло. Предки обоих братьев были выходцами из Франции. Опасаясь преследований после отмены Нантского эдикта, который уравнивал в правах протестантов с католиками, Брюлло вместе с другими протестантами бежали из Франции в Германию и поселились в Лüneбурге. Там скоро они переменили французскую орфографию своей фамилии «Bruleleau» на немецкую «Brullo», а потом из-за определённого давления католиков на протестантов переселились в Россию. Здесь их фамилию произносили «Брюлло», а потом русифицировали и стали чаще произносить и писать «Брыло». Их прадед, Георг Брюлло, в 1773 году прибыл в Петербург и поступил лепщиком на императорский фарфоровый завод. Дед, Иван Брюлло, стал скульптором. Отец, Павел Брюлло, прославился в Петербурге как виртуозный мастер резьбы по дереву и замечательный живописец золотом и серебром по стеклу. Именно по специальности «резьба по дереву» его избрали академиком Императорской Академии художеств, и некоторое время он преподавал в ней будущим мастерам живописи, ваяния и зодчества в должности профессора.

– Ты смотри, – бросил реплику Аркадий, – какой талантливый род!

– Талантливый, талантливый. Это ты прав, – согласился Савелий. – Но послушай дальше. Дело не только в таланте от природы. Отец Брюллова из-за ранней смерти первой жены был женат дважды. От первого брака у него был сын Фёдор (Теодоро, как звали его младшие братья). В зрелые годы он стал хорошим иконописцем. От второго брака с деловой, домовитой женщиной Марией Елизаветой (Марией Карловной, переименованной на русский манер в Марию Ивановну) Шредер, дочь придворного садовника, в семье Павла Брюлло родились сыновья Александр (в зрелые годы известный архитектор), Карл (выдающийся живописец с мировым именем), Павел (художник), Иван (умер совсем молодым от чахотки) и дочери – Мария и Юлия, которая в зрелые годы вышла замуж за замечательного художника, портретиста-акварелиста Петра Фёдоровича Соколова (1791–1847).

– А ты, Савелий, что-нибудь знаешь, каким Павел Иванович был в семейной жизни, что считал главным для себя, чему и как учил своих детей?

– Понимаешь, Аркадий, – слегка подумав, начал отвечать Савелий, – отец Брюллова был колоритной личностью... У него была шпага с золотым эфесом, на клинке которой по синей эмали золотом были написаны слова: «Стои за правду». Поскольку жизнь его не слишком баловала, а все блага для семьи доставались в северной столице империи дисциплиной и упорным трудом, был он строг, требователен и даже деспотичен, негибам и прям, нежность

считал для мужчины слабостью и никаких её внешних проявлений не признавал.

Из всех его детей Карл оказался самым талантливым мальчуганом. Он выказал исключительные способности к рисованию чуть ли не с трёх лет. Отец это заметил и начал поощрять, но не так, как во многих семьях это делают сегодня. Отец стал давать сыну серьёзные поручения, зная как профессионал, что прежде всего нужно научить ребёнка хорошо рисовать. А это достигается многочасовым трудом. Тогда не ахали, что ребёнка нельзя перегружать, обкрадывать его детство, лишать его игр и забав. Отец своим твёрдым волевым решением подкидывал сыну всё новые и новые задания, приучая его к усидчивости, зоркости, умению довести рисунок до совершенства. Когда получалось, хвалил, а когда сын упрямылся, запирали его, лишали завтрака и сладостей, пока работа не будет выполнена, а случалось и подзатыльника давал.

Известно, что в детские годы за какой-то проступок Карл получил от отца такую затрещину, что оглох и до самой смерти почти ничего не слышал левым ухом. Брюллов всю жизнь не мог забыть этой затрещины. Иногда, однако, он любил вспоминать о своём отце и сознавался, что именно отец развил его художественные способности.

– Вот чего мне не хватает, – с сожалением перебил Савелия Аркадий. – Да и Марина со своей безумной любовью к Витюше просто заласкала его. Прости, Савелий, что перебил. Продолжай, пожалуйста.

– Так вот, – снова вернулся к теме Савелий. – Отец, с одной стороны, был властным и крутым, а с другой стороны, очень мудро, но постепенно ставил перед сыном всё более трудные задачи. А дети есть дети. Чем лучше дело получается, тем больше детям хочется им заниматься. Наказания, капризы, преодоление трудностей они мгновенно забывают, когда достигнут успеха. И радость от успеха так сладка, так манит ребёнка, что он с детских лет перестаёт воспринимать труд, ремесло как нечто унылое и скучное. Вот так было достигнуто главное для всей последующей жизни Карла... Наряду с зоркостью и трудолюбием, уже к шести годам Павел Брюлло, что называется «поставил руку» своему сыну. Кто-то подсчитал, что за шестой год жизни Карл Брюлло, по нашим современным меркам – мальчик, дошкольник, выполнил около тысячи графических работ!

– Фи-у! Ничего себе! – присвистнул Аркадий.

– Отец был строгим и властным, – продолжал Ямщиков. – Он, например, запрещал сыну братья за кисть, пока сам ему про это не скажет. Когда же отец убедился, что Карл достаточно силён в рисунке, он позволил ему скопировать известную «Голову старика» Веласкеса, поныне находящуюся в Строгановской картинной галерее. Карл очень постарался и сделал копию с картины тщательно. Отец его похвалил, но вместе с тем указал на недостатки. «Если ты поправишь их, то будешь молодец», – добавил он. Карл сделал вторую копию, ещё более тщательную, но строгой критике отца подверглась и она. В общей сложности с помощью похвалы и критики отец заставил сына скопировать голову старика двенадцать раз, пока Карл совершенно не усвоил рисунок, манеру письма и замечательную технику Веласкеса.

– Вот так надо воспитывать и учить детей, – наставительно самому себе произнёс Аркадий.

– Да... Так вот к 10 годам (а Карл родился 23 декабря 1799, то есть в один год с Пушкиным) отец понял, что сыну пора дать профессиональное образование. И в 1809 году Брюлло-старший предъявил работы сына своим

коллегам-профессионалам и в связи с их высокой оценкой похлопотал о зачислении Карла в Воспитательное училище при Императорской Академии художеств. Через несколько недель он похлопотал и об Александре, работы которого были более скромными по качеству. Братьев Карла и Александра в Воспитательное училище приняли, и потом каждому из них было суждено учиться в нём шесть лет, а далее ещё шесть лет уже в самой академии.

«Другие дети, – говорил потом Карл, – ходили из Академии домой повесничать, а мы дома работали более чем в Академии. Отец мой был воплощённая деятельность, я никогда не видел его праздным; он вечно сидел в своём кабинете и стругал из дерева всякий вздор, а когда уставал работать, уходил в сад возиться с цветами и деревьями.

Отец не приучал нас к нежностям и во всю свою жизнь поцеловал меня только один раз, когда я садился в дилижанс, чтобы ехать за границу».

Кстати, наставником Карла Брюлло в академии был профессор Андрей Иванович Иванов, отец знаменитого живописца Александра Андреевича Иванова, писавшего потом двадцать лет в Риме свою самую знаменитую картину «Явление Христа народу». А президентом Академии художеств в ту пору был Алексей Николаевич Оленин – человек энциклопедических знаний и удивительной судьбы, но что правда, то правда: подрастающая в академии молодёжь его недолюбливала. И Карл в том числе.

По существовавшим в ту пору правилам все награды и медали учащимся академии вручали только на выпускном акте. Как в учении, так и при вручении наград Карл Брюлло обошёл всех. Он получил Первую золотую медаль, аттестат 1-й степени «со шпагою» и целую пригоршню медалей разного достоинства. И это в 22 года! Правда, не забудем, что этому предшествовали 19 лет каждодневного изнурительного труда и строгого надзора отца.

– Вот именно: отца, но не матери, – со значением для себя поддакнул Аркадий.

– И захотелось на волю, на полную свободу, – продолжил Савелий. – Карлу Брюлло, зрелому по самоощущению художнику, стали несносны пути отцовского дома и вериги академической рутины в духе классицизма. А предлагали условия заманчивые: остаться в Академии ещё на три года, причём на полном обеспечении. Нет, не пошёл Карл по этому пути!

– Неужели женился? – всё время сравнивая судьбу Карла с собственными опасениями за судьбу своего сына Вити, поинтересовался Аркадий.

– Нет, не женился, – произнёс с улыбкой Савелий, – хотя собирался. Брюлло тогда был влюблён в Наташу, дочь своего профессора, Андрея Ивановича Иванова. Он сделал ей предложение, но она ему отказала.

– Вот, небось, потом жалела... – мечтательно произнёс Аркадий.

– Ты знаешь, нет, – ответил Савелий. – Через много лет, когда Брюллов вернулся из Италии, эта уже замужняя женщина весело кокетничала, что именно ей Брюллов обязан своей карьерой и мировой славой художника, потому что, если бы не её отказ, не поехал бы Карл в Италию и не написал бы свои шедевры, сделавшие ему имя. Вероятно, в её шутке была большая доля правды.

– Так как же разворачивались события дальше, после того, как Брюлло окончил Академию? – поинтересовался Аркадий.

– В это же время старший брат Карла, Александр, заканчивал ту же академию, но по отделению архитектуры, – продолжил рассказ Ямщиков. – Человек он был тоже очень способный. В ту пору начали строительство

Исаакиевского собора, и, конечно, спрос на архитекторов был большой. Братья поселились отдельно от всех в собственной деревянной мастерской и больше года творили. Александр целыми днями пропадал на стройке, а Карл очутился практически в одиночестве в новой для себя спартанской обстановке. Писать историческую живопись по выработанным академией канонам – душа не лежала. И тогда Карл увлёкся портретами. Он писал окружавших его людей и, надо сказать, за этим занятием заметно вырос как художник. Но хлеба насущного это не давало. Значит, надо было крутиться, постепенно создавать свой определённый круг платёжеспособных заказчиков и пристраиваться к их вкусам и деньгам. Такое унылое «чего изволите» – совсем не по характеру, да и не по таланту Карла!

И в этот момент судьбе было угодно повернуться к братьям лицом. Созданное представителями аристократии в 1821 году (в год окончания Карлом и Александром академии) Общество поощрения художников постановило определить братьям Брюлло четырёхлетний пенсион общества на поездку в Италию для продолжения обучения художественному мастерству. Отъезд был назначен на 16 августа 1822 года. В ту пору соглашаться или не соглашаться на выезд подданных из России, разрешать или запрещать им это мог только сам царь. Александр I оказал милость талантливым братьям Брюлло, но высочайше повелел добавить к их фамилии букву «в». Так Карл и Александр стали самыми первыми пенсионерами Общества поощрения художников, и так они на всю последующую жизнь обрели фамилию Брюлловы.

– Как же они добрались до Италии? Железных дорог и самолётов ведь в ту пору не было? – спросил Аркадий.

– Совершенно верно. Путь до Италии занял почти девять месяцев. Братья проехали Ригу, небольшие города Пруссии, затем Берлин и Мюнхен в Германии, Венецию, Флоренцию и лишь в мае 1823 года прибыли в столичный город Италии Рим. Ехали они на четыре года, но жизнь сложилась так, что Карл Брюллов прожил в Италии 12 лет.

– А он за эти годы никуда не выезжал из Италии? – поинтересовался Аркадий.

– Нет, не выезжал, – ответил Савелий. – Но в 1835 году ему предложили участвовать в качестве художника в научно-познавательной экспедиции, которая должна была посетить Ионические острова, Грецию и Малую Азию (в частности Турцию). Брюллов согласился с радостью. Экспедиция давала ему уникальную возможность посетить прародину искусств, Грецию, и такой загадочный Восток, который к тому времени пробудил интерес многих художников Европы. Но в Константинополе в русскую дипломатическую миссию пришло срочное предписание Николая I. Карлу Брюллову надлежало без промедления вернуться в Россию и занять профессорскую должность в Академии художеств. Ненастной осенью 1835 года пришлось Брюллову сесть на корабль и отправиться в путь. Корабль держал курс на черноморский порт России – Одессу. После тринадцатилетнего отсутствия Брюллов ступил на родную землю со смешанным чувством страха, волнения, смятения и радости. Одесситы восторженно встретили художника, а губернатор Новороссийского края граф М.С. Воронцов устроил в его честь обед, на котором произнёс в адрес Карла Брюллова торжественный тост. После прощания с гостеприимной Одессой предстояла длинная дорога в Москву, в которой художник пока ни разу не был. Он прибыл в Москву 25 декабря 1835 года. Брюллов не очень

стремился в Петербург и всячески оттягивал неизбежную дорогу в столицу. В Петербург он приехал лишь в мае следующего года.

Как только он объявился в столице, его сразу же назначили профессором Академии художеств. Работал он много. Но внезапно в октябре 1846 Брюллов заболел и в 1849 году, после 13 лет жизни в Петербурге, был вынужден снова испросить разрешение выехать за границу. Он едет через Варшаву, прибывает в Кёльн, затем в Брюссель, Лондон, Лиссабон и, наконец, на остров Мадейру. Этот принадлежащий Португалии остров в Атлантическом океане располагается на широте 33 градуса, западнее африканского государства Марокко, но севернее Канарских островов. В начале лета 1850 года Брюллов покинул Мадейру, отправился в Испанию, затем в Италию. Больше в Россию Карл Брюллов не вернулся. Болезнь свела его в могилу на территории Италии. Он умер 23 июня 1852 года в местечке Манчиано, в сорока километрах от Рима, доживая последние дни за городом, в семье Титтони. Похоронили его в самом Риме, на кладбище Монте-Теста-ччо.

Вот так подумаешь – талант, гений, а жизни было отпущено всего 53 года. Из них 50 лет трудился, как каторжный, столько работ оставил! А некоторые современники, да и более поздние «исследователи» писали о нём как о кутиле, запойном пьянице, бабнике, да и ещё кое-что похуже. Но я врач и медицинские тайны пациентов не выдаю. Обидно за гения, да и за Россию тоже...

Снова помолчали. Теперь уже с явно заметной грустью. Закурили. Затягивались долго и долго молчали.

Но вот от будущего шашлыка повеяло вкусным запахом.

– Савелий, а ты давно что-то знаешь о «Вирсавии» Брюллова? – вдруг прервал затянувшееся молчание Аркадий.

– Как тебе ответить правильно? С одной стороны, очень давно. А с другой стороны... Понимаешь, и загадка Вирсавии, и живописное мастерство самого художника стали волновать меня с того самого момента, как я впервые увидел эту роскошную картину Брюллова в Третьяковской галерее. Нас повели на экскурсию всем классом, когда мне было десять лет. Но экскурсовода не было. Мы смотрели и воспринимали картины сами. Я и сейчас ещё помню, что в старой Третьяковке «Вирсавию» экспонировали в том же зале, где висела картина Иванова «Явление Христа народу» и много-много эскизов к ней. Только, если стать к картине Иванова лицом, «Вирсавия» Брюллова располагалась в этом же зале слева. И помню, что я, как увидел «Вирсавию», так и обомлел. Уже все мои школьные товарищи (а я ещё оканчивал мужскую школу) перебрались в другие залы, интересовались другими картинами, а я всё стоял и стоял, не в силах оторвать взгляд от волшебства, сотворённого Брюлловым. Двое моих друзей вернулись за мной и молча, рукой, позвали меня идти дальше, но я только отмахнулся от них. Мне так понравилась Вирсавия, что я первоначально не разглядел рядом с нею негрятянку, а потом был долго убеждён, что рядом с Вирсавией Брюллов изобразил мальчика-негра. Поскольку экскурсия продолжалась, я вынужден был присоединиться к одноклассникам, но тайком ещё раз пять возвращался к Вирсавии и никак не мог насмотреться на неё. И вот, когда в то посещение галереи я стоял возле картины в последний раз, меня вдруг обожгла мысль, что мои товарищи и школьная учительница подумают, что я так долго стою у картины только потому, что на ней изображена голая женщина. Мне стало мучительно стыдно! Я почувствовал, что щёки мои пылают, а уши стали красными, как цвет панциря у свежесваренного рака.

– Ну и что же? Твои одноклассники и учительница потом не подковырнули тебя? – поинтересовался Аркадий.

– Ты знаешь, нет. Я думаю, или они, прикованные к другим картинам, проморгали моё пристрастие к «Вирсавии», или поняли, что я искренне восхищён. Я часто потом убеждался, что возвышенное чувство, если оно не фальшиво, вызывает у людей удивление и какое-то тайное смущение, и люди непроизвольно тушуются и замолкают, чтобы ненароком не спугнуть эту подсмотренную ими откровенность другого. Но стоит только озвучить то, что чувствуешь, – тут уж держись, шуткам конца не будет, хотя, если вдуматься, это люди шутят над собой, помогая себе не уронить своё достоинство перед тем, кто, как им кажется, чувствительнее и тоньше их самих.

Снова помолчали. Аркадий виртуозно подкручивал шампур, стараясь, чтобы каждый кусочек мяса приобрёл красивую аппетитную корочку.

– Вот скоро будем жевать мясо и запивать его вином, – мечтательно начал Савелий, – и есть в этом что-то языческое, древнее.

– Пожалуй, да, – согласился Аркадий. – Только мы будем есть мясо с шампурчиков, да ещё с вкусными приправами, а не так, как наши пращур. При этом он очень выразительно показал, как древние люди держали в руках горячие куски мяса, перекидывали их с одной ладони на другую и кровожадно отрывали зубами и пальцами от большого куска части поменьше, обжигались, и, не дожидаясь, проглатывали, чтобы поскорее утолить голод.

– Кстати, о мясе. Ты мне, Аркадий, напомнил, как Карл Павлович (Брюллов, разумеется) отозвался как-то об одной модной англичанке, писавшей портреты: «Талант есть, но в портретах её нет костей: одно мясо».

– Крепко, Савелий, он её пригвоздил, – восхитился Аркадий. – Вероятно, эта англичанка и хозяйкой была никудышной, не умела, как моя Марина, выбрать к обеду такой кусок мяса, чтобы и сахарная косточка была для наваристого бульона, и мякоть для котлет.

– Да, с Мариной тебе повезло. И умная, и красивая, и мама заботливая, и хозяйка превосходная. Слушай, Аркадий, а тебя-то она за что полюбила? – неожиданно прямо спросил Савелий.

– Да она не только меня любит, – ушёл от прямого ответа Аркадий. – Характер у неё хороший. Она добрая, отзывчивая, заботливая. Хоть и ходит на работе в министерстве большим начальником, а посмотри, как к ней люди относятся, как тянутся к ней. Она очень любит своих друзей. Кстати, Савелий, и тебя, и твою семью любит.

– Она меня за муки полюбила, а я её за состраданье к ним, – приглушённо и как бы про себя продекламировал Шекспира Савелий.

– А вот это уже самоедство, – прозвучал за спиной Савелия бархатный баритон Евгения.

И Савелий, и Аркадий, увлечённые беседой, не заметили, как к ним подошёл высокий красивый брюнет под руку со своей женой Тамарой.

– Самоедство, говоришь? – обернулся Савелий и невольно залюбовался красивой супружеской парой. – Самоедство, самоедство... А ведь ещё совсем недавно на планете Земля существовало самоедство, то бишь людоедство, причём зажаривали не только убитого в бою противника, но и умершего своего соплеменника. Самым вкусным считался головной мозг, а сверхизысканным блюдом – глаза. Их подавали либо вождю племени, либо очень отличившемуся в бою или на охоте бойцу-мужчине. А вот головной мозг умершего имела право съесть только его семья. Считалось, что таким

путём члены семьи будут посвящены в его тайные мысли и приобретённый при жизни опыт.

– Ой, как это было давно, – любуясь голубиной небой и яркой белизной мощных кучевых облаков, мечтательно произнесла Тамара.

– Вы знаете, я тоже так думал, – оживился Савелий, – но, как оказалось, такие обычаи существовали ещё в XX веке в глубинке огромного острова Новая Гвинея в Тихом океане. И там же, впервые для цивилизованных людей, патрульный офицер района увидел у костра дрожащую маленькую девочку, страдавшую болезнью папуасов – «куру». Заметьте, что это случилось по историческим меркам совсем недавно, в 1953 году!

– А что означает куру? – поинтересовался Евгений. – Сиж у костра и куру? – шутливо добавил он.

– Нет, всё гораздо серьёзней, – ответил Савелий. – На языке папуасов слово «куру» означает дрожание от холода или от страха. А европейцы назвали это заболевание «хохочущая смерть». Страшное заболевание, заканчивающееся всегда мучительной смертью заболевшего. Долгое время его природа была туманной – что-то вроде порчи, наведённой колдуном. Расшифровал причину заболевания эмигрировавший в Америку из Чехословакии бывший детский врач, а потом вирусолог Гайдусек. Оказалось, что болезнь вызывает теплоустойчивый и длительно, годами не проявляющий себя вирус, который накапливается у человека в клетках нервной ткани, причём больше всего в головном мозге и в глазных яблоках, то есть в самых деликатесных с точки зрения папуасов органах. Приготовление мяса на костре не прогревает кусок внутри выше 80 градусов, а такое нагревание вирус выдерживает, не инактивируется.

– Так как же спастись от этой страшной болезни? – спросил Аркадий.

– Человечество в лице Организации Объединённых Наций специальным вердиктом запретило на Земле людоедство. Но знаете, когда это было сделано?

– Когда? – спросил сын Аркадия Витя, глядя на Савелия округлившимися от ужаса глазами. Он, оказывается, очень внимательно прислушивался к репликам отца и гостей и впитывал в себя всё услышанное как губка.

– В 57-м году двадцатого века.

– Ой, – заметил Витя, – и первую ракету в космос мы запустили в этом же году.

– Интересное сопоставление получается, – заулыбался Аркадий. Блуждающая улыбка на его восторженном лице в эту минуту роднила его с учёным, только что сделавшим выдающееся открытие.

– Действительно, интересное, – подтвердил Евгений. – С одной стороны, люди уже устремились в космос, а с другой стороны, может быть, и рано? Что нам, вроде бы цивилизованным людям, делать в космосе, когда со своей планеты ещё по-хозяйски не разобрались? Как на Земле, так и в космосе, обжигаясь, начнём, как папуасы, рвать друг у друга куски плохо прожаренного мяса? Да, тогда войн не миновать. И это будет похлеще, чем куру. Последствия будут похуже, чем «Последний день Помпеи».

– А мы с Савелием, – сказал Аркадий, – только что вспоминали автора этой картины, Карла Брюллова. Савелий, ты не помнишь, когда Брюллов её написал?

– Брюллов писал эту картину три года, с 1830 по 1833, когда жил в Италии.

– То есть закончил он её на десятом году жизни в этой стране? – уточнил для себя Аркадий.

– Да, – усмехнулся Савелий, отметив про себя математический склад ума Аркадия Владиславовича.

– А чему ты усмехнулся? – спросил Аркадий.

– Тому, как чётко и безотказно работает твой «компьютер», – пошутил Савелий.

– Ой, у папы компьютеры дома работают, как часы, – вставил реплику Витя. – Он в них здорово разбирается. И меня научил, – не без гордости выпалил Витя.

– Скажите, Савелий Викентьевич, а Брюллов был женат? – неожиданно поинтересовалась Тамара. – Были у него дети?

– Браки Карла – это довольно запутанные истории уже петербургского периода его жизни, и мне бы не хотелось о них распространяться. Детей у Брюллова не было. А в молодости, во время итальянского периода своей жизни, он был холостяком.

– Вообще-то странно, – произнесла Тамара несколько разочарованно.

– Действительно, немного странно, что... – начал Савелий.

– Витюша, – перебил его своей репликой Аркадий. – Беги к маме и скажи, что нужны три блюда под шашлык. Да прихвати ещё вилку, ложку и острый нож – тот, что на кухне, в левом верхнем ящике стола.

– Папа, – взмолился Витя. – Ну почему всегда я?

– Потому что ты мой постоянный и лучший помощник. И сегодня, на мамин день, и на всю оставшуюся жизнь.

Такое доверие отца Вите понравилось. Он улыбнулся, гордо расправил плечи, но, подчёркнуто не торопясь и как бы впечатывая свои худые и большие ноги, пошёл к дому.

Савелий уловил, что отец сознательно удаляет своего шестнадцатилетнего первокурсника подальше от соблазнительных разговоров взрослых.

– Савелий Викентьевич, а сколько Карлу Брюллову было лет, когда он приехал в Италию? – задала вопрос Тамара, возвращая всех к прерванной теме разговора.

– Двадцать четыре, – снова быстрее всех подсчитал в уме Аркадий.

– Может быть, он был слишком робким, нерешительным или имел какой-нибудь дефект в фигуре, в характере, в поведении? – настойчиво расспрашивала Тамара.

– Он был невысок ростом, поэтому всю жизнь носил туфли на высокой подошве, – начал Савелий. – Но это был очень красивый молодой человек, лицо и причёску которого сравнивали с классическим образом Аполлона. Волосы у него были светлые и длинные, слегка вились, он их зачёсывал немного вперёд. И женщины, и мужчины считали его красивым. Держался он независимо, был начитан, хорошо образован, свободно говорил по-немецки и по-французски, карандашом и кистью владел виртуозно, имел актёрский талант, был весёлым, остроумным, всегда становился душой компании. Кроме того, был он хорошо воспитан и семьёй, и академией. Хорошенькими и красивыми женщинами восхищался и обходился с ними подчёркнуто галантно.

– А как его принимали в среде художников? – спросил Евгений.

– Замечательно. Уже в академии он быстро начал выделяться среди воспитанников. Даже старшие товарищи по учёбе (старшеклассники, как мы бы сейчас сказали) сразу оценили его талант, смотрели на него, как на маленькое чудо, и в порядке озорства таскали его на собственных плечах в столовую и обратно.

– Скажи, Савелий, в Италии было так же? – поинтересовался Аркадий.

– За границей Брюлловы попали в Риме в колонию приглашённых в Италию на учёбу стипендиатов. Колония снимала Виллу Медичи. Там царил атмосфера свободы и вольности.

– И какие же вольности позволяли себе молодые художники? – живо откликнулся Евгений.

– Да такие же, какие позволяют себе современные молодые люди, – ответил Савелий. – Так вот... Прибыли братья Брюлловы в Рим, поселились в «артистических» кварталах Рима вокруг площади Испании на улице Систина, познакомились со своими коллегами. В обед все сходились в недорогой трактир «Лепре» («Заяц»), чрезвычайно популярный у иностранных художников, а вечером встречались в «Кафе Греко» – интернациональном клубе людей искусства, обитавших в Риме. Потом они стали посещать достопримечательности знаменитого города и, конечно, вдохновлённые увиденным, принялись за работу. Примерно в это же время в колонии появилась миловидная француженка Аделаида Демюлен, которая сначала добывала хлеб насущный, работая экономкой в доме русской княгини. Случилось так, что с ней познакомился один из русских художников и пригласил её попозировать. Получилось удачно, хорошо. Потом с такой же просьбой обратился к ней второй художник, третий. Так она из экономки превратилась в модель и, оставив дом княгини, прибилась к художникам. Царившие в их среде вольные нравы и, конечно, внимание мужчин ей быстро понравились, а хлеб натурщицы оказался более лёгким и весомым, чем хлеб экономки. Она быстро стала «временной подружкой» многих художников и «любила их страстно», но особое предпочтение отдавала красивому великану Сильвестру Щедрину. Когда в 1825 году пейзажист покинул Рим, отбыв в милый его сердцу Неаполь, Аделаида неутешно страдала, но недолго.

– Вот видишь, Тамара, женщины, окружённые мужчинами и пользующиеся их вниманием, долго не страдают, – торжествующе заявил Евгений.

– Где бы сейчас найти такой коллектив, – мечтательно вздохнула Тамара. – А то в редакциях – одни женщины, в поликлиниках, школах, магазинах, фирмах, банках, даже в банях и парикмахерских – ну сплошь женский пол! Извините, Савелий Викентьевич, это у нас старый и бесконечный спор, затеянный друзьями Евгения по работе. Простите, я перебила вас. Так что же произошло дальше с этой француженкой?

– Аделаидой Демюлен?

– Да, да...

– В один из дней ей довелось ознакомиться в мастерской Карла с его работами. Она была потрясена тем, как рисовал и писал Брюллов. В конце концов она влюбилась в его талант и как-то быстро и незаметно для себя перешла на роль «временной подружки жизни». Карл Брюллов, как мы уже знаем, не отличался богатырским сложением Щедрина, но женщинам тоже нравился, некоторым даже очень. Вот и любвеобильной Аделаиде он сумел-таки внушить такую же страстную привязанность, что и атлетического сложения его предшественник. Карл был полон творческих замыслов, и для их воплощения в его мастерской бывали самые разные натурщицы. Страстно влюблённая в художника Аделаида никак не могла с этим смириться. В её воспалённом воображении Брюллов во время сеансов не только рисовал свои модели. Постепенно чувства этой женщины к Карлу Брюллому обострились до такой степени, что она стала одолевать его бурными и весьма надоедливыми приступами

ревности. Непостоянство Аделаиды не было секретом для Карла, поэтому, не веря в глубину её чувств, он стал слегка её поддразнивать. По вечерам, наверняка зная, что Аделаида постоянно следит за его окнами, он начал проделывать определённые шуточки. Карл брал в руки манекен женщины и изображал, что ласкает другую. Доведённая до умопомрачения Аделаида при каждой очередной встрече с Брюлловым обрушивала на него град упреков в жестокосердии и неверности. А когда ей долго не удавалось увидеть его, забрасывала молодого художника страстными письмами, угрожая покончить с собой, если он к ней не вернётся. Конечно, угрозы легкомысленной и взбалмошной француженки Карл всерьёз не принимал и ещё больше подсмеивался над бедной женщиной.

О, мужчины! Если бы вы понимали, как страстно и самоотверженно может любить женщина даже самого лёгкого поведения! И как глубоко она может страдать! Теряя любовь, женщина теряет всё.

Получив в очередной раз письмо Аделаиды, Брюллов не стал его читать и, не распечатывая, отбросил в сторону. Между тем уже на следующий день по Риму разнеслась весть, что какая-то иностранка рано утром наняла на площади Испании карету, приказав остановиться на берегу Тибра. Там она отпустила извозчика и долго стояла, пока карета не скрылась из виду. Ощувив своё полное одиночество на земле и в предрассветном, ещё тихом и спящем Риме, женщина всё стояла и смотрела на тёмную воду, потом подняла глаза к небу, безмолвно перекрестилась и, отбросив шляпку и меховую накидку, теперь уже окончательно решившись, бросилась с крутого берега Понте-Молле вниз в глубокие волны. Когда утопленницу достали из воды, полиция опознала в ней девицу Аделаиду Демюлен. И только узнав обо всём случившемся, Карл схватил письмо, вскрыл его дрожащими пальцами и прильнул к такому знакомому почерку. Аделаида в самом отчаянном тоне умоляла своего неверного возлюбленного вернуться к ней. Исчерпав все нежные и ласковые слова, Аделаида сообщала, что в противном случае она покончит с собой, и смерть её всю жизнь будет терзать совесть и сердце Карла. Ответ художника должен был последовать незамедлительно, в тот же вечер.

Последнее письмо Аделаиды, дошедшее до Карла как бы с того света, повергло Брюллова в страшное смятение. Не в силах взяться за кисть, он долго бродил как потерянный.

– Ничего себе происшествие, – с очень сочувственной интонацией произнёс Аркадий.

Все примолкли. И именно молчание было самым искренним выражением сочувствия и несчастной женщине, и тому потрясению, которое пережил художник.

– Вот ведь как устроен человек, – размышлял про себя Савелий. – К трагедии, происходящей в чужой человеческой душе сейчас, сегодня, может не прислушаться, не понять её, может даже посмеяться над ней. А вот событие почти двухсотлетней давности способно даже самому чёрствому разбередить душу...

– Тамара, – вдруг лукаво обратился к жене Евгений, – а ты могла бы из-за меня броситься в воду?

– В Москву-реку – конечно, – произнесла Тамара очень серьёзным тоном. Дружный мужской хохот был одобрением её очень удачного ответа.

В прошлый приезд был жаркий летний день, и все с удовольствием ездили купаться. Высокой Тамаре даже в самом глубоком месте вода едва

скрывала грудь, поэтому, бросившись в реку, утонуть в ней было невозможно.

Когда мужчины отсмеялись и успокоились, Тамара спросила: «Так что же помогло Брюллову выйти из такого подавленного состояния?»

– Из подавленного состояния Брюллова вывела лишь неожиданная встреча, – ответил Савелий. – В один из дней 1827 года Брюллов был в гостях у богатого и знатного русского аристократа. Вдруг в разгар вечера распахнулась дверь, и в гостиную стремительно вошла бледнолицая двадцатичетырёхлетняя женщина с широко расставленными глазами, обрамлёнными тугими чёрными локонами. Взглянув на новую гостью, художник замер: перед ним во плоти явился его, брюлловский, идеал красоты – красоты зрелой, в расцвете сил. Это была графиня Юлия Павловна Самойлова (1803–1875).

– Савелий, – спросил Аркадий. – Это она изображена вместе с девочкой на фоне красивого алого занавеса?

– Да, да. Она, – подтвердил Савелий. – Эта картина Брюллова называется «Маскарад», или «Портрет графини Самойловой с приёмной дочерью Амацилией Пачини». В кругу самых близких друзей Брюллов называл это полотно «Маскарад жизни». Поскольку картина начата в 1839 году, Юлии Павловне, изображённой на ней, не более 36 лет. Но и на этой картине красота и достоинство Самойловой и вместе с тем настоящее женское изящество приковывают внимание.

– А Брюллов не увековечил её совсем молодой? – поинтересовался Евгений.

– К счастью, как вы говорите, «увековечил». Например, у Брюллова есть более ранний портрет Самойловой, отражающий впечатление пронзительно-го восхищения этой женщиной уже при самой первой встрече с ней. Эта его картина называется «Ю.П. Самойлова с Джованиной Пачини и арапчонком». Брюллов писал это произведение в 1832–1834 годах, а сейчас оно принадлежит музею Сан-Диего, находящемуся в американском штате Калифорния. Как оно туда попало, я не знаю. Воспроизведения этой картины в цвете я не встречал.

(Уже дома Савелий Ямщиков вспомнил, что в его архиве есть страничка то ли из «Работницы», то ли из «Крестьянки», где на 25-й странице была помещена статья Вл. Порудоминского «Взгляд, душа, характер». К этой же статье в уменьшенном виде прилагалась чёрно-белая фотография картины. Ямщиков не поленился и выписал из статьи для себя слова автора: «Молодая женщина, возвратившись с прогулки, вбегает в свои покои. Её радостно встречают старшая воспитанница Джованина и слуга-арапчонок, который подхватывает сброшенную небрежным движением шаль. Её глаза, лицо, волосы, голубое атласное платье, алмазная диадема на голове – всё излучает свет и озаряет всё вокруг. Движение Самойловой не просто стремительно – оно безостановочно: она будто ослепительная комета, захватывающая своим притяжением всех, кто оказался поблизости. Прильнувшая к ней девочка и арап движутся вместе с ней. По внешним приметам это парадный портрет, по сюжету, композиции – портрет-картина, по чувству – “сердечный портрет”, как называл сам Брюллов некоторые свои работы»).

– А что-нибудь из биографии Самойловой известно? – уже теперь явно заинтересованно спросил Евгений.

– Кое-что да. Есть сведения, что Юлия родилась в 1803 году, то есть она была на четыре года моложе Брюллова.

Дед Самойловой по линии матери, граф Скавронский, приходился внучатым племянником императрице Екатерине I, поэтому в зрелом возрасте Самойлова считала себя «царских кровей».

Её же бабка по линии матери, графиня Екатерина Васильевна Энгельгардт, была племянницей всесильного фаворита Екатерины II – графа Потёмкина Таврического.

Девочка, рождённая в браке Скавронского с Энгельгардт, совсем юной сбежала из дома и против воли родителей и без их благословения вышла замуж за кавалерийского генерала графа Палена. Она повсюду следовала за своим мужем и вела военно-походный образ жизни. От брака Палена со Скавронской, который довольно быстро потом распался, и родилась Юлия Пален. Её воспитывала бабушка, Екатерина Васильевна. Отец Юлии – кавалерийский генерал граф Павел Пален участвовал в заговоре против императора Павла.

Бабушка Юлии, Екатерина Васильевна Энгельгардт (в первом браке Скавронская) через некоторое время овдовела. Довольно скоро она вышла замуж вторым браком, тоже за вдовца, адмирала флота графа Литта, выходца из Италии, которого в России с чьей-то лёгкой руки называли Юлий Помпеевич. Он был сказочно богат и не имел собственных детей. К Юлии он относился очень хорошо, баловал её. Известен случай, когда граф Литта забыл сделать Юлии подарок ко дню рождения. Попав в деликатную ситуацию, граф Литта быстро и довольно легко вышел из неё, вручив девушке конверт со ста тысячами рублей и предложением выбрать подарок себе самой.

Таким образом, Юлия Пален принадлежала к очень богатому и знатному роду. И ещё следует отметить, что Юлия в юности как-то быстро повзрослела и расцвела, превратившись в очень красивую девушку. Не заметить её красоту аристократический свет не мог. И молодую графиню взяли фрейлиной ко двору, а потом довольно скоро выдали замуж за флигель-адъютанта и тоже графа, Николая Александровича Самойлова. Есть сведения, что женить сына на Самойловой очень хотела его мать, и сын из уважения к ней не посмел её ослушаться, хотя сам в это время был влюблён в другую женщину.

Юлии Павловне придворная светская жизнь сразу пришлась по вкусу. От молодых, знатных и красивых поклонников не было отбоя. И скоро в свете заговорили об успехах и победах графини Самойловой и даже с убеждением начали произносить фамилии и имена тех счастливых, которые всё-таки добились своего. Кроме того, и муж Юлии Павловны вёл себя бретёром и повесой. Брак Юлии, как и брак её родителей, оказался непрочным. Юлия оставила своего мужа.

Однако, по отзывам современников, граф Самойлов был человеком крепким, сильным и храбрым. После разрыва с Юлией Павловной он избрал своим поприщем военную карьеру и дослужился до генеральского чина. Во 2-й главе «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкину принадлежат следующие строки: «Тифлис находится на берегах Куры, в долине, окружённой каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветров и, раскаляясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижимый воздух».

Вот причина нестерпимых жаров, царствующих в Тифлисе, несмотря на то, что город находится только под 41-м градусом широты. Самое его название (Тбилис-калак) значит «Жаркий город». Большая часть города выстроена по-азиатски: дома низкие, кровли плоские. В северной части возвышаются дома европейской архитектуры, и около них начинают образоваться правильные площади. Базар разделяется на несколько рядов; лавки полны турецких и

персидских товаров, довольно дешёвых, если принять в рассуждение всеобщую дороговизну. Оружие тифлисское дорого ценится на всём Востоке. Граф Самойлов и В., прославившие здесь богатствами, обыкновенно пробовали свои новые пашки, с одного маху перерубая надвое барана или отсекая голову быку».

Супруг Самойловой был человеком атлетического сложения и недюжинной физической силы, военная косточка, но успех в свете вскружил голову его молодой жене, утончённой графине.

Расставшись с супругом, Самойлова поселилась в имении Графская Славянка, неподалёку от Петербурга. Имение это, благодаря красивой, гостеприимной и хлебосольной хозяйке, быстро завоевало популярность у молодых столичных аристократов. Здесь царило вольнодумство во всём, и об этом довольно скоро стало известно властям. В подробностях доложили и Николаю I. То, что он узнал, было неслыханной вольностью. Поскольку о собраниях молодёжи в Славянке царю докладывали не один раз, это вызвало его раздражение. И тогда до сведения Юлии было доведено высочайшее неудовольствие царя и его совет покинуть имение. Юлия Павловна была, несмотря на молодость, женщиной независимой и гордой. Унизительный совет царя затрагивал честь графини Самойловой, но не выполнить волю царя в ту пору не посмел бы ни один подданный. Покинуть Славянку, но остаться в России означало бы подвергнуться насмешкам аристократов своего круга. Выход был только один – уехать за границу. Рассерженная Самойлова добилась разрешения на выезд в Италию. И здесь вокруг графини закружилась «новая Славянка» – композиторы, художники, скульпторы, музыканты, друзья, поклонники. Поселилась она в Милане, но наезжала в Рим, Неаполь, Болонью, знакомилась с другими достопримечательными местами Италии. У неё бывали директор театра «Итальян» композитор Джоаккино Россини, оперный композитор Винченцо Беллини, композитор и музыковед Джованни Пачини, композитор Гаэтано Доницетти, маркиз и писатель Массимо д'Адзельо и многие другие незаурядные личности. В те времена золотого века искусства вокруг личности человека, посвятившего себя поэзии, музыке, скульптуре, живописи, создавался некий ореол творца, достойного стоять на недостижимом пьедестале. По всей Европе прокатилось поветрие подлинно дружеских связей представителей аристократии и людей искусства.

Известно, что, обладая отменным художественным вкусом, Самойлова с восхищением оценила талант Карла Брюллова и искала дружбы с ним. Своим друзьям она потом говорила: «Хочу весь кабинет свой украсить его чудесами!»

– А какую роль Юлия Павловна сыграла в жизни Брюллова? – спросила Тамара.

– Очень большую, – убеждённо ответил Савелий. – Настолько большую, что именно после встречи с ней с его губ как-то сорвалось: «Только женщиной могло увенчаться мироздание!» Брюллов влюбился в Самойлову с первой встречи, с первого взгляда. И надо сказать, что это большое чувство к Юлии Павловне он пронёс через всю свою жизнь. Можно смело утверждать, что графиня была единственной настоящей любовью Брюллова.

Конечно, такая утончённая аристократка, как Юлия Павловна, мгновенно уловила это. А уж когда она познакомилась с его произведениями, Брюллов заинтересовал её как личность. Самойлова пригласила Брюллова погостить у неё в Милане. Приглашение было принято. С этого момента Карл стал часто

и подолгу бывать в Милане, гостить у Самойловой, неоднократно писать её. Юлия Павловна в свою очередь стала сопровождать его в поездках по Италии.

Какое счастливое было время!

Присмотритесь внимательнее к работам Карла Брюллова. В них обо всём этом рассказано. А некоторые его работы – это, по сути, дневник состояния его души.

В Третьяковской галерее хранится акварельная картина Брюллова 1827 года под названием «Праздник сбора винограда». Размеры её очень невелики: 16,7 x 22,5 см. Это размеры книги или альбома. И в наше время излюбленный размер издаваемой книги, монографии, учебника – 17 x 24 см. Это очень удобный формат и для альбома – рисунков, акварелей, а в наше время ещё открыток и фотографий. Стало быть, эта картинка рисовалась не для экспонирования на выставке, а, как говорят медики, *ad usum internum* (для внутреннего употребления). Я бы предложил более точное название этой картинке: «Праздник окончания сбора винограда». Дело в том, что сбор винограда – это тяжёлая физическая крестьянская работа, которая должна быть выполнена аккуратно и в довольно короткий срок. Иначе виноград перезреет, начнёт киснуть на ветвях, лопаться. Из такого винограда хорошего молодого вина уже не получить. Никакой крестьянин не станет устраивать праздник в страду – это же ущерб собственным доходам! А вот когда виноград уже собран, перед тем как начать давить его ногами для получения сока, который, перебродив, станет потом вином, самое время передохнуть, слегка взбодрить себя вином прошлогоднего урожая и обязательно потанцевать босиком в предвкушении начала создания вина этого года.

Что же мы видим на картинке? Обыкновенный крестьянский дом, имеющий на втором этаже террасу, которую удерживают прямоугольные колонны, сложенные из больших, грубых, но тщательно подогнанных друг к другу камней. Пол террасы второго этажа является одновременно потолком над не имеющей ограждения террасой первого этажа, где в тёплом климате Италии семья может собраться на свежем воздухе, укрывшись от жгучего яркого солнца, может быть, даже принять гостей или угостить вином и фруктами проезжающих перед их домом редких путешественников. Вероятно, дом этот знают и часто посещают, потому что площадка перед домом очень ровная, из жёлтого песка, утрамбованного временем и ногами в довольно твёрдый песчаник. Одна из колонн обвита многолетней виноградной лозой, достигающей террасы второго этажа дома. Праздник в самом разгаре. Слева, на переднем плане, стоит ослик, на котором к известному всей округе дому прибыла крестьянская семья: муж, жена и маленький ребёнок. Уже подвыпивший муж, широко расставив ноги, чтобы не упасть, но не догадывающийся опереться на деревянные ухват и грабли, вливает вино из бутылки в виде колбы прямо в рот жене, откинувшей голову назад. Простой, типично крестьянский способ угощения «без церемоний». На заднем плане крестьянин в шляпе пытается с помощью ухвата и палки снять высоко висящую небольшую гроздь винограда. Ещё шестеро крестьян уже основательно подвыпили. Один, с красным платком на голове, опершись головой и спиной о седло, уже валяется. Он хорошо выпил, поэтому не стесняется своей позы перед танцующей дамой (лёжа, с широко раскинутыми руками и откровенно раздвинутыми ногами). Пьяненькая крестьянка, расположившаяся за танцующими, лежит на животе, подняла голову и любит себя ими. То, что она пьяненькая, выдаёт блеск глаз

и особый румянец на щеках. Но лежащая крестьянка ещё контролирует себя, потому что придерживает руками широкий вырез рубашки. Хозяин дома и хозяйка уже очень хорошо выпили, но они не могут позволить себе окончательно расслабиться и принять участие в пляске, им ещё принимать и принимать гостей. Они на картинке не босые, а в обуви и чулках. Но вино сморило и мужчину, и женщину. Только хозяин блаженно спит, опершись о колонну, а хозяйка подрёмывает, облокотившись на собственную руку и навалившись грудью на бедро молодой девушки. Хозяин устал и выпил значительно больше, чем хозяйка. Он, как бы теперь сказали, «отключился полностью», поэтому глаза его сомкнуты, лицо бледно, руки и ноги свисают безжизненно, как плети. Хозяйка же разругалась, веки её отяжелели, но она не спит, а явно подрёмывает. За хозяйкой на заднем плане видна молодая пара – вероятно, её дочь и зять. Зять тоже не будет плясать, потому что ему как молодому мужчине предстоит помогать тестю и тётце. Он тоже в обуви и чулках. Поскольку он ещё молодой и трезвый, ему хочется побаловать себя виноградом прямо с лозы, для чего он приподнял голову и протянул к винограду руку. А вот его молодая жёнка помогает танцующим: она бьёт в бубен и звенит колокольцами. А теперь приглядитесь к центральной группе. Посередине картины пляшут молодой мужчина, чем-то похожий на крестьянина, и молодая женщина, жакет, платье, передник, шляпка, причёска, золотое украшение на шее которой выдают в ней аристократку. Да, и мужчина, и женщина танцуют босиком – так, как и нужно на празднике по поводу окончания сбора винограда, но приглядитесь к их движениям. Как легко подпрыгивает, прищёлкивает пальцами, как кастаньетами, мужчина, как настойчиво, но не грубо, лишь на пальчиках он наступает на даму, выставив чуть вперёд своё правое колено. И как же пленительно изящна женщина в пляске! Недаром именно ею любит себя крестьянка – она сама так не умеет. Чуть склонённая голова и тонкая шея с аристократическим изгибом, красиво изогнутые холёные ручки, слегка подхватившие и кокетливо чуть приподнявшие передник, и маленькие изящные босые ножки, семенящие в такт танцу мелкими шажками. Не знаю, как у вас, а у меня сомнений нет – так ведь это пляшут Брюллов и Самойлова! Круглая шляпа с большими полями, конечно, скрывает голову танцующего мужчины, но он явно тёмный блондин, волосы у него вьются и профиль у него, как у античного Аполлона. А если сравнить пляшущую аристократку с портретом Самойловой, уехавшим в Америку, сомнений уже просто не остаётся – причёска из тугих чёрных локонов, обрамляющих бледное лицо, форма головы, шея с обязательным украшением на ней, тонкий, извивающийся стан, выразительные руки, длинные ноги, завершающиеся маленькими изящными стопами с крутым подъёмом, и какая-то общая неопишуемая грация – это Юлия, божественная Юлия Павловна Самойлова. Я думаю, что именно после этого замечательного народного праздника, участниками которого они стали, ни Карл, ни Юлия уже не могли противиться взаимному глубокому чувству. Представляю, какими они были безмятежно-счастливыми в эту пору! Ему – 28, а ей – всего 24...

– Савелий Викентьевич, – спросила Тамара, – вот встретились молодые, красивые мужчина и женщина, поняли, что любят друг друга, что им вместе хорошо. А попытку закрепить свои отношения они не делали? Иными словами, не делал ли Брюллов предложения руки и сердца Самойловой?

– Вы правы, Тамара, – ответил Ямщиков. – Карл мечтал построить семейное счастье с Юлией. И этому тоже есть доказательства в его творчестве.

У Брюллова есть ещё две картины, отражающие эту мечту художника. Обе они хранятся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге, и обе написаны в 1831 году, то есть на четвёртом году знакомства Брюллова с Самойловой.

Одна называется «Семья итальянца». Размеры акварели опять-таки альбомные – 18,8 x 22,4 см. Зритель находится как бы внутри скромного жилища на втором этаже дома. По-видимому, семья живёт где-нибудь в окрестностях Неаполя, так как в открытую дверь виден морской залив, крутой лесистый берег, стена монастыря и монастырская башня, за ним вдалеке просматривается цепь довольно крутых гор. У перил лестницы, ведущей на веранду, растёт простирающаяся до крыши изогнутая виноградная лоза. Вероятно, уже ранняя осень, так как гроздьев спелого винограда не видно, их уже сняли, да и листья виноградника все пожелтели и свисают вниз. Однако ещё тепло, дверь на веранду и окно комнаты раскрыты настежь. На веранду и в комнату проникает ровный ласковый солнечный свет. Слева на веранде уютно, на правом боку растянулась собака, вытянув лапы и подставляя себя солнечным лучам. По диагонали расположены приближенные друг к другу два стула. На том, что ближе к зрителю, висит белый чепчик, белый атласный дамский пояс, лежит скомканное тёмно-голубое атласное платье и довольно больших размеров то ли кошелёк, то ли с закруглёнными углами коробочка, в которой женщины обычно хранят личные драгоценности. На втором стуле сидит красивая молодая чёрноволосая женщина в белой атласной рубашке с широкими вырезами на груди и для рукавов. На ней песочно-красная юбка, украшенная внизу, ближе к подолу, двумя синими атласными лентами. Юбка несколько приподнялась, из-под неё слегка выступает белая нижняя рубашка и обнажённые до щиколоток стройные и аккуратные босые женские ножки с крутым подъёмом стоп и маленькими пальчиками. Левую стопу женщина ещё не освободила из плоских открытых домашних тапочек красного цвета, а правая уже опирается пальчиками на середину плоской подошвы. Поверх юбки изображён белый передник, отороченный кружевами. Слегка опустив голову, женщина внимательно рассматривает белую детскую рубашечку размерами для новорождённого ребёнка, которую любовно за края маленьких рукавчиков удерживают её грациозно изогнутые руки. Это занятие доставляет женщине явное удовольствие – настолько большое и интимное, что она зарделась ярким румянцем, и даже ушко её покраснело. То, что женщина в положении, подчёркнуто Брюлловым очень тонкими и точными наблюдениями. Вся фигура женщины округлилась и как бы налита свежими соками, как у созревшего плода или ягоды. Под передником выступает её явно большой, как спелый арбуз, округлый живот, несколько нависающий к бёдрам. Нижняя часть голени и верх её стоп чуть-чуть отёчны. Под рубашкой просматриваются увеличившиеся, округлившиеся, отяжелевшие, свисающие груди. Справа на картинке видна жилая комната, видимо, спальня. Об этом можно судить по высокой кровати, заправленной голубым с рисунком, стёганым одеялом, отороченным сверху белой простыней. Над одеялом возвышаются две большие подушки с розово-белым клетчатым рисунком, заключённые в наволочки, завязанные сбоку тесёмками в виде бантов. На стене перед кроватью, вероятно, прибита иконка, а с потолка свисает на длинной цепочке лампада. Перед кроватью облокотился на левое колено сильный молодой мужчина, склонившийся над люлькой и прибивающий молотком изогнутую ручку. Он будущий отец, поэтому торопится выполнить нужную мужскую работу вовремя. До родов жены осталось совсем немного времени.

А теперь взгляды и в мужскую, и в женскую фигуру. Хотя голова мужчины почти скрыта его мощным плечом и согнутым локтём, не узнать его нельзя. Это блондин с вьющимися волосами, зачесанными вперёд, как у Аполлона. Нос, губы, подбородок, профиль лица не оставляют сомнений, что эту так называемую итальянскую семью возглавляет не кто иной, как сам Карл Брюллов. И последнее доказательство. Несмотря на коренастую фигуру и мощные руки, у этого человека не очень длинные ноги с довольно небольшим размером стопы. Кроме того, видны туфли с толстой подошвой и большим каблуком – точь-в-точь такие, какие из-за своего небольшого роста любил носить Карл.

Теперь пристальнее взгляды в итальянку. У неё тёмные тугие волосы, с избытком собранные на затылке и поддерживаемые украшенным золотой гирляндой тёмно-красным обручем. В сочетании с белым кружевным украшением головы он напоминает царскую корону. Сим знаком Брюллов подчеркнул и знатное происхождение женщины – графини, бывшей фрейлины при царском дворе, и вероятно, своё восхищение и любовь к ней (помните? – «И будешь ты царицей мира...»). А теперь оцените овал лица женщины, широко поставленные и слегка выпуклые её тёмно-карие глаза, плавную округлую линию бровей, уходящих далеко за глазные впадины, красивый прямой нос, две аккуратные складочки кожи над верхней губой, маленький рот с губами, заканчивающимися восхитительными ямочками перед крупными атласными щеками, впервые обнажённую и слегка оттопыренную левую ушную раковину, тонкую лебединую шею и красивый овал налитых плеч, изящные и грациозные руки аристократки, увенчанные кольцами, и, конечно, совсем незнакомые с грубым физическим трудом итальянских крестьянок её длинные и стройные ноги, только подчёркнутые юбкой до щиколоток, её нежные пальчики рук и ног с совсем небольшими и ухоженными овальными ноготками, наконец, её изящную посадку на краешке стула. Теперь вы всё поняли? Конечно, никакая это не итальянка и тем более не крестьянская женщина. Я убеждён, что это тоже портрет графини Юлии Павловны Самойловой, которая, как мечталось Брюллову, могла бы стать не только его женой, но и матерью его ребёнка...

– Да, Савелий, – вновь присоединился к разговору Аркадий, – в умении убеждать и убедить тебе не откажешь.

– Как это вам удаётся, видеть больше, чем видят другие? – заинтересовалась Тамара.

– Знаете, Тамара, – сказал Ямщиков, – я и сам иногда задаю себе этот вопрос. Вероятно, мне помогает то, что я медик, а врач всегда начинает общение с больным с расспроса об истории его жизни и истории заболевания. У нас это называется *anamnesis vite* и *anamnesis morbi*. И чем разностороннее собран такой анамнез, тем легче потом выявлять у больного отдельные признаки заболевания, они как бы сами выскакивают, объединяются и суммируются в твоей голове, что позволяет потом правильно оценить значение каждого из них и, объединив, прийти к осознанной клинической картине, которая у нас, медиков, носит название диагноз. А ещё помогают книги. В них столько зафиксировано опыта прошлых поколений, что иногда кажется – читай и читай – столько узнаешь из прошлого, что и современное станет понятнее. Поскольку огромное количество картин, рисунков, графических работ написано на мифологические, библейские и евангельские сюжеты, очень важно познакомиться и с ними. Помню, что в школьные годы мы с одним из моих

друзей часто ходили в музей изящных искусств имени Пушкина – тот, что на Волхонке. Мама моего друга, египтолог, работала в этом музее и частенько приглашала нас на интересные выставки. Помню, как стою я как-то у большой красивой картины. Судя по ландшафту, дело происходит в одной из южных стран. Деревья сомкнули свои кроны над рекой, а на берегу женщины в лёгких белых одеждах склонились над корзинкой с младенцем, образовав над ним заинтересованную живописную группу. Руки женщин протянуты к младенцу, но в их позах и выражениях лиц этакая озабоченность и даже тревога. Такое впечатление, что женщины хотят помочь ребёнку, укрыть его, спасти от кого-то, но одновременно чего-то остерегаются. Я долго смотрел на картину, но так и не понял, то ли они хотят уберечь ребёнка и спасти его, то ли собираются его украсть с какой-то непонятной мне целью. И только когда я познакомился с библейскими сюжетами, суть событий стала мне ясна. Женщины, движимые своим искренним и естественным материнским инстинктом, действительно хотели спасти и уберечь крошечного малыша, но открыли для себя, что ребёнок мужского пола. А царь Ирод, поверив предсказанию, что именно мальчик, родившийся в самые последние дни, станет впоследствии тем взрослым человеком, от которого он погибнет, издал приказ умерщвлять всех новорождённых младенцев мужского пола. Ослушникам и ослушницам грозила смертная казнь. Вот, оказывается, какой детектив древности содержала эта картина. А, кроме того, какой великий и гуманный смысл прославления любви женщин к детям содержит эта картина. Да, мужчина, хоть он и царь, ослеплённый яростью и трусостью, может поднять руку даже на детей своего народа. А вот женщина и под страхом смерти не допустит такого никогда! Вот вам и опыт прошлых поколений – из книг и даже из картин...

– Да, интересный и глубокий вывод вытекает из ваших рассуждений, Савелий Викентьевич, – произнесла Тамара.

По тому, как она произнесла эти слова, Савелий понял, что её женскому сердцу это польстило.

– А про какую ещё дневниковую картинку Брюллова вы хотели рассказать нам? – вмешался муж Тамары, Евгений.

– Да, да, извините, я уклонился от темы, – сказал Савелий Викентьевич. Картинка называется «Мать, просыпающаяся от плача ребёнка». Размеры её также невелики, всего 22,5 x 28 см, написана она на картоне сепией – такой серо-коричневой краской, растворимой в воде. Ею пишут графические работы, имеющие характерный коричневато-серый тон, местами тёмно-коричневый настолько, что напоминает чёрный. Такие работы в честь используемой краски художники называют «сепиями». Если очень внимательно приглядеться к этой работе, то на ней изображена та же спальня, что и в акварели «Семья итальянца». Только мы, зрители, уже вошли в спальню и незаметно в ней присутствуем. Тот же стул, на который небрежно брошен тёмный женский халат. Та же высокая кровать с пышными высокими подушками с прямоугольным рисунком ткани, выглядывающей из наволочки. Поскольку угол комнаты затемнён, иконки не видно, но, если сильно всмотреться, можно различить подвеску лампы. Слева уже знакомое нам, но прикрытое окно. Перед окном маленький письменный столик с одним выдвигающимся ящиком посередине. На столе стоит овальная керамическая подставка, а на ней прозрачный круглый стакан, в который вставлена толстая зажжённая свеча. Пламя свечи как раз и является единственным источником света, подчёркивающим, что на дворе ночь. Рядом с кроватью стоит та самая люлька, к которой на предыдущей

картинке итальянец прибавал округлую ручку. Только теперь люлька повернута так, что ручка располагается с другой её стороны. В люльке на подушке покоится голова ребёнка, который чем-то встревожился в ночное время, начал громко плакать (ротик его капризен и открыт), беспокоиться, согнул маленькие пухлые ручонки и трёт ими закрытые, ещё не проснувшиеся глаза, согнул левую ногу и отбросил от себя лёгкую накидку, служащую одеялом. На младенце та самая белая рубашечка, которой любовалась итальянка из прошлой картинке. Встревоженная детским плачем, мать сама ещё не успела проснуться (глаза её полностью закрыты, спят), но уже почти вскочила с кровати к ребёнку. Брюллов в статическом изображении мастерски передаёт стремительное движение. Современные фотографии назвали бы это «стоп-кадром». Женщина как бы повисла в воздухе, потому что единственной и совсем непрочной точкой опоры является её правая рука, которая ещё касается постели, но уже не способна удерживать её тело. Левая рука стремительно откинула покрывало и только соприкасается с ним. От этого и само покрывало двигается, летит. Левая нога согнута в колене и отведена в сторону, не касаясь постели, как это делают современные бегуны, преодолевая препятствия. Это просматривается отчётливо, несмотря на то, что нижняя часть левой голени и стопа ещё под складкой откинутого покрывала. Правая нога ещё не обрела точки опоры, так как женщина только-только коснулась пола вытянутыми и раздвинутыми в стороны первым и вторым пальчиками стопы. Но торс женщины уже над люлькой и, если она мгновенно не проснётся и не откроет глаза, то может рухнуть на люльку или больно ушибить правую ногу. Поза женщины и почти не имеющие точек опоры торс, обе руки и обе ноги воспринимаются зрителями с ощущением её стремительного движения, почти полёта. Это подчеркивает и ночная, с большим вырезом, белая прозрачная развевающаяся рубашка, не успевающая за стремительным движением женщины. Кажется, что женщина выпрыгивает из неё. И тут уж Брюллов позволяет и зрителю любоваться и восхищаться прелестями молодой матери. Наряду с утончёнными чертами красивого лица, обрамлённого закрученными в тугое кольцо густыми тёмными волосами, изящными и грациозными оголёнными руками, просвечивающими через прозрачную рубашку стройными длинными ногами с чуть полноватыми и округлыми бёдрами, мы вместе с Карлом заворожённо любуемся её длинной тонкой шеей, округлыми плечами и изысканной формой её сравнительно небольших грудей с маленькими сосочками и небольшими тёмными овальными ареолами вокруг них. И возраст спящего почти годовалого ребёнка, и восстановившаяся изысканная форма грудей женщины свидетельствуют о том, что мать уже не кормит ребёнка своим молоком. Написанное Брюлловым всего одной краской произведение воспринимается как гимн женской красоте и материнству. А если мы сопоставим женский портрет на этой сепии с многоцветным акварельным портретом беременной женщины на картинке «Семья итальянца», то поймём, что Брюлловым написана одна и та же модель – графиня Юлия Павловна Самойлова – только в разные периоды предполагавшегося семейного счастья.

А где же глава семьи, где отец? При тусклом свете ночной свечи мы его как-то и не заметили. А он присутствует. Только, как и все мужчины, он предоставил почётное право просыпаться среди ночи и кидаться к плачущему ребёнку его матери, а сам забился на кровати к стеночке и преспокойно отдыхает на животе, уткнувшись головой в подушку. Та же мощная спина и сильные руки, и та же завитая кольцами из волос крупная голова тёмного

блондина, которую мы наблюдали и на картине «Семья итальянца». Это сам художник – Карл Павлович Брюллов, или «Бришка драгоценный», как потом всю жизнь называла его Юлия Павловна.

– Да, довольно тонкий анализ ты провёл, Савелий, – задумчиво произнёс Аркадий. – Но почему ты считаешь, что разобранные тобой картины отражают лишь мечту Брюллова?

– Во-первых, потому, что, оставаясь в душе и в творчестве романтиком, Брюллов, с моей точки зрения, по мастерству написанных им работ является величайшим художником-реалистом. То, что изображено им, до мельчайших деталей понятно и самому неподготовленному зрителю. Его художественный язык не требует перевода ни на один язык мира. Даже ребёнок расскажет в подробностях, что изобразил художник. Конечно, взрослый человек, обладающий знанием эпохи, истории, секретами взаимоотношений изображённых им людей, поймёт увиденное тоньше, но это уже зависит от восприятия зрителя, а не от мастерства художника. Уже более 157 лет прошло, как художника нет в живых, а мы и сейчас ещё воспринимаем его работы так, как будто только вчера вернулись с его прижизненной выставки. И только такому мастеру оказалось по плечу воспроизвести свою мечту в строгой реалистической манере, а не так, как это зачастую делали и делают все эти новомодные многочисленные художники-бездари, которые просто не умеют хорошо рисовать. Им бы с детства пройти такую школу, какую Карл прошёл под руководством своего отца!

– А что во-вторых? – спросила Тамара.

– А во-вторых, вот что. Мы знаем, что Карл предлагал руку и сердце Юлии, мечтал стать её мужем, но она ему отказала.

– Отказала? – недоумённо спросил Аркадий. – Но почему? Ты же сам рассказывал, что любовь была взаимной, что не только Брюллов любил Самойлову, но и она его?

– Я, кажется, догадываюсь, – произнесла Тамара. – Любовь и брак – это далеко не одно и то же.

– Совершенно с вами согласен, – ответил Ямщиков. – По обоюдной молодости с разницей в летах всего в четыре года, восприятию жизни, общей любви к искусству, наконец, по внешним данным это могла бы быть просто идеальная пара. Такая, Тамара, как вы с Евгением, – шутливо добавил Савелий.

– Ой, спасибо, Савелий Викентьевич, – радостно захлопала в ладоши Тамара. – Знали бы вы, чего это мне стоило!

– А мне и теперь стоит, – невозмутимо вставил Евгений.

– А вот об этом рассказывать не стоит, – мягко, но решительно произнесла каламбур Тамара, обласкав мужа влюблёнными глазами и прижимаясь к его плечу.

– Так что же всё-таки воспрепятствовало браку Брюллова и Самойловой? – спросил Аркадий.

– Что помешало?.. – задумчиво произнёс Ямщиков. – Что воспрепятствовало? Давайте подумаем вместе. Наверное, будет правильно, если мы попытаемся охарактеризовать влюблённых молодых людей каждого в отдельности. Кто такая Юлия Павловна Самойлова? Графиня по происхождению, из очень знатного и богатого дворянского рода, неоднократно входившего в круг царских приближённых. Бывшая фрейлина царского двора. Графиня, выданная замуж за графа. Даже после разрыва с мужем она осталась очень богатой женщиной. Одно поместье «Славянка» под Петербургом чего стоило!

Владелица нескольких тысяч крепостных душ, семейной недвижимости и драгоценностей, потенциальная наследница ещё больших богатств. Она уже обожглась один раз. Муж показался ей мелким по своим душевным качествам человеком, хотя тоже был ей ровня, являлся графом. Вероятно, близостью с Юлией он довольно быстро пресытился, а её возвышенная, тонкая, романтическая любовь была ему непонятна, недоступна, а может быть, и смешна. «Да и о чём толковать с женой? – вероятно, примерно так рассуждал Самойлов. – Баба – она и есть баба, хотя и графиня. Её дело быть азартной наложницей, да и то тогда, когда вспыхнет желание у мужа, и рожать детей». А всё другое в семейной жизни стало ему быстро надоедать. То ли дело проводить время в кругу друзей, красоваться перед ними, задирая слабых, вызывая их на дуэль, играть сутками в карты, делать большие ставки, выигрывать, проигрывать сумасшедшие суммы, кутить и пьянствовать до изнеможения, заводить романы на стороне – вот это для настоящего, богатого и знатного мужчины! А ахи и вздохи молодой и красивой жены – как это мелко и пресно! Несмотря на свою молодость, Юлия очень быстро ощутила одиночество, пустоту и полное отторжение от мелкотравчатых интересов мужа. Её счастье, что она была гордой, независимой, богатой и красивой женщиной. Ей было не страшно потерять мужа. Разорвав отношения с Самойловым и поселившись в «Славянке», она сменила свой добровольный арест в браке на полную свободу. Побывав замужем, она могла строить отношения и с мужчинами, и с женщинами своего аристократического круга так, как ей этого хотелось, совершенно не боясь запятнать свою репутацию. Но вот теперь на её пути встретился Карл Брюллов. Конечно, красивый человек, молодой, энергичный, художник величайшего таланта от Бога. А что же он мог предложить ей как муж? Происхождения он был не аристократического, не знатного, не дворянского. В Италии он жил на пенсией Общества поощрения художников (этакий современный аспирант со своей жалкой стипендией). Деньги часто запаздывали, это унижало и злило Карла, и весной 1828 года он от пенсией отказался. Никакого собственного дома ни в России, ни в Италии у него не было. Никакими постоянными доходами от поместья и крепостных душ он не располагал – просто потому, что их у него не было. Все его доходы зависели от желания и капризов знатных заказчиков, которые могли одобрить его работу, а могли и раскритиковать, как это уже случилось с написанной им в 1827 году картиной «Итальянский полдень», не понравившейся ни царю, ни Обществу поощрения художников, ни петербургским аристократам, ни профессорам Императорской Академии художеств. А ведь надо было иметь деньги на квартиру, на мастерскую, холст, кисти, краски, платить натурщицам, расходоваться на экскурсии и путешествия, наконец, надо было на что-то пить и есть, хотя бы и скромно, но не впроголодь, – иначе просто не хватит физических сил осуществить собственные замыслы. Значит, в их предполагаемом семейном союзе Самойловой отводилась роль безвозмездного дарителя, донора (в случае гражданского брака) или добровольного жертвователя драгоценностей, доходов и недвижимости в виде приданого мужу (в случае законного религиозного и юридического брака). Кроме того, незамужняя аристократка Самойлова, вырвавшись из России, уже в полной мере дистанцировалась от произвола императора. Имея немалые доходы, она как аристократка могла жить в любой европейской стране – где угодно и сколько угодно. Только денежные и наследственные дела могли побудить её снова приехать в Россию. Став официальной женой Брюллова, она переставала быть аристократкой Самойловой и

теряла все свои привилегии. Брюллов в качестве подданного российского императора выехал в Италию по высочайшей милости царя только с целью усовершенствования своего мастерства. В любой непредсказуемый момент царь мог решить, что художнику пора вернуться на родину, так как в интересах России использовать его талант в Императорской Академии художеств. Напомню, что в те времена даже президент этой академии не избирался коллегами-академиками, а назначался по высочайшему повелению царя. И если бы такое предписание последовало (а оно, как мы знаем, последовало в 1835 году и застало Брюллова в Константинополе), вернуться в Россию была бы обязана и Самойлова, законная супруга художника, но уже не в качестве богатой, знатной и независимой аристократки, а, простите, в качестве обыкновенной мещанки Брюлловой. И уж если ровесника Брюллова, гениального Пушкина, его враги презрительно называли «мещанином во дворянстве», какое же высокомерие и презрение аристократов свалилось бы на мещанку Юлию Павловну Брюллову!

А теперь перейдём к личности Брюллова. Да, он был молод и красив, его лицо, профиль и причёска заставляли современников вспоминать классическую скульптуру Аполлона, но ростом он был маловат, даже носил специальную обувь, чтобы казаться выше. По характеру был он независим, горяч и вспыльчив, иногда необуздан до грубости (не было в нём аристократического лоска, умения быть дипломатом). Несмотря на начитанность, образованность, оригинальность мышления, свободное владение иностранными языками (немецким, французским, а потом и итальянским), общался-то он с колонией художников (этакой свободной богемной братией), где устраивались вечеринки и попойки, куда приглашались натурщицы, «временные верные подруги» и где праздничное веселье легко переходило в форменные вакханалии, в светском аристократическом обществе хотя и случавшиеся среди лиц своего круга, но осуждавшиеся, если в них вовлекались люди более низкого звания. Вместе с друзьями Брюллов иногда бражничал и мог вести себя не совсем пристойно. При малых деньгах и недостатки малые. Как говорится, «по мощам и елей». Но Юлии из опыта своего первого брака уже хорошо было известно, что при больших доходах и недостатки человека могут разрастись до больших и даже очень больших размеров. Стоило ли загонять себя в ловушку вторично? Думаю, что именно это и было тем самым, из-за чего графиня Юлия Павловна Самойлова решила не испытывать судьбу во второй раз. Но общаться с талантливым художником Самойловой было очень интересно, участвовать в зарождении замыслов его картин, обсуждать, советовать, помогать, сознавая свою личную причастность к гению, доставляло ей большую радость и удовольствие.

– А правда, что Самойлова подсказала Брюллову замысел его самой знаменитой картины «Последний день Помпеи»? – спросила Тамара.

– Такая точка зрения существует, – ответил Ямщиков, – но она не совсем верна. Замысел у Брюллова возник ещё до знакомства с Юлией Павловной. Напомню, что в Италию из России Карл приехал вместе со своим братом, архитектором Александром Брюлловым в 1823 году, а археологи открыли засыпанную пеплом Помпею ещё в 1748 году, и десятилетие за десятилетием раскопки продолжались. Конечно, об открытиях археологов оба брата слышали ещё во время учёбы в Академии художеств. Известно, что по территории Италии в I веке нашей эры прокатилась целая серия очень сильных землетрясений, сопровождавшихся одновременно извержениями вулкана

Везувия с выделением большого количества вулканического пепла и магмы. И землетрясения, и вулканические извержения погубили много цветущих городов, располагавшихся у подножия этого вулкана, – скажем, таких, как Геркуланум и Стабин. А за два дня, 23 и 24 августа 79-го года нашей эры, страшная участь постигла город Помпею. Лава, погубившая Геркуланум и Стабин, до Помпеи не дошла. Помпея была разрушена землетрясением и засыпана огромной массой вулканического пепла, достигавшей семи- и даже девятиметровой толщины. Жизнь горожан оборвалась трагически разом. Из почти 30 тыс. жителей Помпеи погибло около 2 тыс. Это были люди, которые не смогли выбраться из домов, засыпаемых пеплом, а также те, кто падали на улицах, заблудившись в полном мраке. Они задохнулись или утопали в пепле и мелких кусках пемзы... Но за 75 лет с момента начала раскопок археологи открыли людям современной цивилизации хорошо сохранившийся под пеплом почти первозданный мир человеческой цивилизации двухтысячелетней давности. Если в Греции, Италии жизнь той эпохи была представлена с большими разрушениями, зачастую в обломках, то в Помпее очень многое сохранилось нетронутым. Большинство образованных путешественников, посещавших Италию в то же время, когда туда попали братья Брюлловы, стремились стать обязательными участниками «гранд тура», в который входило и посещение Помпеи. И можно представить, как было интересно побывать в этом заново открытом городе архитектору Александру и художнику Карлу Брюлловым. Случилось так, что первым в Помпею попал Александр. Его восторженные впечатления о раскопках Помпеи и Геркуланума ещё более разожгли интерес к ним Карла. И ещё до посещения Помпеи Карл обдумывал, как он сможет запечатлеть этот город на своих картинах и какие сюжеты сумеет воплотить. А сама поездка Карла к раскопкам этого города произошла в июле-августе 1827 года, и сопровождала его в этом путешествии графиня Юлия Павловна Самойлова. После посещения Помпеи в жизни Брюллова произошло ещё одно очень важное событие. В Миланском театре Ла Скала в это же время была поставлена опера Джованни Пачини «Последний день Помпеи» в декорациях художника Санквирико. Известно, что Брюллов вместе с Самойловой посетил один из спектаклей. Опера имела грандиозный успех у публики и произвела сильное впечатление и на Карла, и на Юлию. Более того, оперный спектакль довёл состояние творческой души Брюллова до точки кипения и послужил той отправной точкой большого замысла художника, после которой не приняться за работу Карл просто не мог.

Первый набросок предполагаемой картины Брюллов сделал в 1827 году. Этот эскиз сохранился до наших дней. Он находится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге. Обращаю ваше внимание, что в этом эскизе общий план картины, расположение домов и групп людей Брюллов уже решил. Далее последовала огромная работа, связанная с изучением исторических источников, произведений литературы, памятников архитектуры, работ итальянских скульпторов и художников. Приступить к осуществлению живописного замысла Карл Брюллов позволил себе лишь через три года, в 1830 году, а завершил он эту работу лишь в 1833 году. Слава, пришедшая к Карлу Брюллову после написания этой картины, общеизвестна. Но мне хочется заострить ваше внимание на одной очень интересной детали, которая имеет самое прямое отношение к теме нашего разговора.

– Вы нам ещё про одну картину Брюллова расскажете? – съязвил Евгений.

– Нет, картина всё та же – «Последний день Помпеи», – спокойно отреагировал Ямщиков.

– Савелий Викентьевич, миленький, а это как-то связано с взаимоотношениями Брюллова и Самойловой? – почти просительно заявила Тамара.

Ямщиков понял, что эта тема ей интереснее других.

– Связана, связана, – благодарно улыбнулся Ямщиков.

Рассказчику всегда приятно, когда у него есть заинтересованный и благодарный слушатель.

– Я не очень злоупотребляю вашим вниманием? – обратился Ямщиков к мужчинам.

– Нет, нет, – с готовностью поддержал Тамару Аркадий.

– Тогда терпите ещё. Итак, о детали картины «Последний день Помпеи». Если сравнить первоначальный эскиз картины и её завершённый вариант, нам сразу же бросится в глаза, что на эскизе ещё нет фигуры лежащей на переднем плане женщины с обнажённой грудью, широко раскинувшей руки и обращённой затылком к зрителю, а ногами вглубь пространства картины. Известно, что Брюллов писал эту свою работу тщательно и долго, мучительно уставал от постоянного сосредоточения на ней. Для того чтобы несколько отдохнуть от постоянного напряжения, Брюллов применял такой приём. Он переключался с одной своей работы на другую. Ему хотелось окунуться в работу, которая бы отразила тот замечательный миг первой встречи с Юлией Павловной, зажжённой в его душе самую первую искру удивления, восхищения, поклонения, заставившей его полюбить женщину с первого взгляда. Это должно было быть несколько аллегорическое, символическое объяснение в любви Юлии. В качестве сюжета, переключившегося с его ощущением и, может быть, способным без слов донести любимому человеку всю правду о том, как это произошло с ним, он избрал сюжет о Вирсавии. Известно, что, случайно подсмотрев, как Вирсавия купается, царь Давид был мгновенно сражён её красотой, влюбился в неё, обольстил и потом взял её в жёны. В течение всей жизни Давида она была самой любимой женой царя и самым преданным его другом. Представляете, какой многозначительный смысл вложил в это произведение Брюллов? Для создания этой картины Карл выбрал 19-летнюю натурщицу, молодую итальянскую девушку, которая выглядела несколько старше своих лет и строением своего тела и внешностью была чем-то похожа на Юлию Павловну. Разве что кисти её рук и стопы были длиннее и несколько массивнее, чем у Самойловой. Работа была начата и закончена в 1832 году, то есть за два – полтора года до окончания работы над картиной «Последний день Помпеи», но позже акварелей «Праздник сбора винограда», «Семья итальянца» и сепии «Мать, просыпающаяся от плача ребёнка». Вероятно, у Брюллова была, как бы теперь сказали, «фотографическая память», потому что и лёгкий наклон головы натурщицы, и её взгляд исподлобья, её густые чёрные волосы, расчёсанные на пробор и украшенные обручем с драгоценностями, её брови, глаза, нос, рот, щёки, шея, полноватые плечи, грудь, закинутые назад руки, занятые причёской, подчёркнуто изящное расположение пальцев рук, специально затенённых, чтобы их величина не бросалась в глаза, её торс и живот, бедра, голени и стопы с высоким подъёмом и даже её аристократическая посадка на краешке бордюра водоёма – всё очень напоминало Юлию Павловну. Аристократизм модели Брюллов подчеркнул тем, что в купании Вирсавии принимает участие чернокожая девушка-служанка, положившая свою ладонь на правое бедро Вирсавии чуть выше её колена и

откровенно любующаяся красотой своей госпожи. Атласная простыня, снятые одежды и туфли по своей форме, цвету и отделке также принадлежат явно очень знатной женщине.

Позируя для картины, итальянка попала в мастерскую Карла, увидела его работы и как он работает, длительно общалась с красивым молодым и удивительно талантливым художником и влюбилась в него. В отличие от француженки, о которой я вам рассказывал, итальянка была тихой и скромной девушкой, хотя и очень темпераментной, как все южанки. Она тщательно прятала своё чувство, маскировала его, боялась выдать себя нечаянно обронённым словом или многозначительным поступком, мучилась, страдала и тихо обожала Карла. Работа по «Вирсавии» стремительно катилась к своему завершению, а у простой итальянской девушки так и не хватило смелости дать понять гению, как она его любит. Оставались буквально последние два сеанса, в которые Брюллов уже не писал, а практически наносил последние, но такие важные, решающие мазки. Девушка пришла в мастерскую и практически приготовилась позировать, ожидая, что вот-вот в мастерской появится Брюллов. Вдруг неожиданно шумно раскрылась дверь, и в мастерскую стремительно влетела молодая красивая знатная аристократка, которая тут же повела себя как хозяйка. Она быстро окинула взглядом последние работы Брюллова и остановилась перед большой картиной, занавешенной белым холстом. Надо сказать, что Карл не любил показывать свои незаконченные работы. Обернувшись к натурщице, аристократка, указывая на холст, спросила властным тоном, не терпящим возражения: «Что это?»

– Помпея, – очень робко ответила натурщица.

– О, – сказала аристократка, – вот её-то я как раз и не видела. Оказывается, Карл прячет её от меня!

После этих слов дама принялась освобождать картину от закрывающего её холста.

– Это не можно, – пыталась возразить словами девушка, сидящая в позе Вирсавии.

– Мне здесь всё можно, – многозначительно улыбнулась незнакомка и раскрыла незаконченную картину полностью. Она некоторое время рассматривала картину и вдруг неожиданно выпалила: «Интересно, а почему это Карл не изобразил на картине меня?» Дама ловко придвинула к картине диванчик, быстро разделась, обнажила плечи и груди, раскинула руки и чуть прикрыла свой торс и ноги покрывалом.

Когда в мастерскую явился Карл Брюллов, он увидел свою раскрытую незаконченную «Помпею» и лежащую под картиной Самойлову точь-в-точь в такой позе, которую Юлия приняла ещё до его прихода. Сначала он нахмурился и уже хотел было закричать, но разве можно было сердиться на женщину, которую ты боготворишь? Карл подошёл к диванчику, нежно приложил свои ладони к щекам дамы и поцеловал её прямо в губы.

В окончательном варианте картины «Последний день Помпеи» он изобразил на ней раскинувшую руки итальянку, лежащую точно в такой позе, в которой он застал в мастерской Самойлову. Итальянка на картине и Самойлова в жизни похожи друг на друга, как две капли воды.

А, кроме того, присмотритесь внимательнее к женщинам, изображённым на этой картине. Да ведь там всюду в разных ракурсах и позах изображена Юлия Павловна.

Слева, на переднем плане, испуганная мать обхватила руками двух своих дочерей – Самойлова. Ближе к центру, под плащом мужа женщина с перекошенным от страха лицом прижала к себе младенца и прикрыла рукой мальчика постарше – снова Самойлова. В самом центре картины упала, раскинув руки, и лежит почти бездыханная женщина с обнажённой грудью, к которой протянул ручонку малыш-блондин – опять Самойлова. Справа на переднем плане упала в обморок в руки жениха девушка с венком на голове – это тоже Самойлова. На втором плане, рядом с художником (известно, что это Брюллов изобразил себя), испуганная молнией и громом молодая женщина развела руки в стороны и от этого ваза с её головы вот-вот упадёт и разобьётся – и это Самойлова. Рядом с головой художника рыдает от страха молодая женщина с обнажёнными плечами – присмотритесь, это тоже Самойлова. За плащом семейной пары белая от страха с выпученными глазами кричит женщина в белом наряде – и это Самойлова! Наконец, на третьем плане согнула руку в локте в розовом платье черноволосая женщина, изображённая затылком к зрителям, – да ведь и это Самойлова! А если внимательно приглядеться к старшей дочери, прикрытой ярко-красным покрывалом, так и это – Самойлова.

Девять изображений любимой женщины в одной картине – это ли не признание в любви? Но всё это оформилось в окончательном варианте, потом...

...А в тот миг, увидев, как нежно и страстно Брюллов поцеловал взбалмошную незнакомку, несчастная модель, позировавшая для «Вирсавии», всё поняла. Оказывается, Брюллов способен любить и влюблён, но любит-то он не её, а другую – красивую и молодую аристократку. Ей ли с ней тягаться?

Когда работа над «Вирсавией» была окончена и Брюллов вновь испил чашу признания, славы и торжества, итальянская девушка тихо и скромно удалилась из мастерской и уже никогда в неё не вернулась. Она не смогла больше жить с этим страшным чувством неразделённой любви и ревности. Через некоторое время Брюллов узнал, что молодая натурщица-итальянка повесилась.

...И опять среди слушателей рассказа Ямщикова воцарилось молчание. Каждый думал о своём, но от комментариев воздерживался. Бывают у людей минуты просветлённой грусти, когда впускать в свои мысли и переживания не хочется никого.

Ямщиков заметил, как Тамара аккуратно смахнула со своей щеки непрощенную слезинку.

Снова помолчали, и, когда мужчины потянулись за сигаретами и зажигалками, она первая прервала эту явно затянувшуюся паузу.

– Савелий Викентьевич, – произнесла она всё ещё взволнованным голосом. – А что последовало дальше во взаимоотношениях Брюллова и Самойловой?

– Что дальше? – переспросил Тамару Ямщиков. – Брюллову нужно было много и интенсивно работать. Картина «Последний день Помпеи» была ещё не окончена, а её заказчиком и финансистом был богатейший потомок владельцев уральских железодельных заводов, заложенных ещё при Петре I, некто А.Н. Демидов, купивший себе в Италии титул князя Сан-Донато и уже прославившийся как богатейший коллекционер и щедрый меценат. К заказам людей такого ранга и капитала нужно было относиться вдумчиво и серьёзно, а как раз в этот момент Брюллов, говоря современным языком, оказывается «выбитым из колеи». Да и с окончательным цветовым решением

полотна что-то не получается. Как совместить красное багряное небо, закрытое тучей пепла, со вспышками молний? Как в надвигающейся мгле осветить отдельные группы людей, чтобы было правдиво, но не затерялись позы людей, их лица, детали одежды? И так, и эдак пробует Брюллов, но не получается. И тогда Брюллов принимает решение ехать сначала в Болонью, а потом в Венецию, чтобы поучиться у старых мастеров – таких, как Тинторетто и Тициан. На этот раз он уезжает один. Ему нужно сосредоточиться и ни на что легкомысленное не отвлекаться.

А Самойлова укатила к себе в Милан. Там она в свой стихии в окружении композиторов, музыкантов, писателей, художников, там – театр, оперные спектакли, там все уделяют ей внимание, ухаживают за ней, восхищаются и поклоняются. А надо сказать, что, несмотря на то, что Юлия до гроба была привержена Брюллову, она ничего не признавала в единственном числе: не умела жить в одном месте, не умела быть одна, не умела любить одного.

Пока Брюллов был мучительно сконцентрирован на воплощении замысла «Последнего дня Помпеи» и отсутствовал, в Милане Самойлову покорила красивый, скромный, элегантный, хорошо образованный теоретик музыки и композитор Джованни Пачини (1796–1867). Он был старше её на 7 лет, был обеспечен, имел свою виллу. К тому же он рано овдовел, оставшись с двумя маленькими, но очаровательными девочками – Джованиной и Амацилией, которые с первого знакомства сразу же потянулись к яркой, красивой, весёлой и доброй Юлии. Искренняя любовь детей покорила Юлию Павловну. Да и какая женщина, тем более уже побывавшая замужем, не мечтает о детях к концу третьего десятилетия своей жизни?

Так в одночасье в её жизнь вошли серьёзная музыка, композитор и две девочки-воспитанницы. Вероятно, именно встреча с Юлией Павловной вдохновила композитора на создание двух самых знаменитых своих опер. Так, написанная Пачини опера «Сафо» была потом поставлена в Неаполе в 1840 году, а в 1843 году, в Палермо, на оперной сцене увидела свет его «Медея».

Через некоторое время Брюллов и Самойлова встретились в Риме. Брюллов уже знал, что Самойлова вышла замуж. Юлия Павловна попросила Брюллова написать ей на память маленький кабинетный вариант картины «Итальянский полдень», которая, как известно, уехала в Петербург и была подарена Обществу поощрения художников царю Николаю I. Самойловой действительно нравилась эта работа Брюллова, но не нужно забывать, что она к тому же была женщина, которую царь в своё время унизил. И вот теперь она могла взять реванш. Работа, подаренная царю, могла в уменьшенном варианте украсить её личный кабинет. То-то будет пересудов в аристократическом свете! Но в этом она, конечно, не призналась Карлу.

Брюллов выполнил её просьбу и нарисовал уменьшенный вариант картины на холсте маслом размерами всего 27 x 22 см. Почему-то искусствоведы называют эту картину 1831 года повторением «Итальянского полдня», написанным Брюлловым в 1827 году. Но возьмите и сопоставьте эти картины. Никакое это не повторение. Недаром Брюллов назвал эту картину иначе: «Итальянка, снимающая виноград». На более поздней картине виноград снимает не пухлая дородная итальянская крестьянка, а красивая аристократка с выхоленным лицом и нежными, изящными руками. У неё нет стойкого южного загара крестьянки, непрерывно работающей под жарким итальянским солнцем. Под её бледной кожей не выступают сильные мышцы. Её ладони и пальцы не толсты и не испещрены морщинами, как у человека, постоянно

занимающегося физическим трудом. На её левом плече покоится не массивная и старая от частого употребления в хозяйстве корзина, а лёгкая, почти новая небольшая плетёная корзиночка. Гроздь винограда, которую снимет крестьянка, огромная, массивная, но у крестьянки хватит сил переломить пальцами толстую ветку, на которой эта кисть висит. Она сделает это именно так, чтобы не повредить ни одной ягоды в грозди. Аристократка нацелилась на тонкую и узкую гроздь спелого золотистого винограда, висящего на совсем тоненькой веточке, но по тому, как она обхватила ветвь только большим и указательным пальчиками, можно понять, что она не будет ломать даже эту совсем тоненькую веточку, а постарается снять отдельные ягоды лёгким соскальзывающим движением вниз. Так собирают ягоды не для того, чтобы сохранить их все вместе в грозди, а чтобы собрать их в руку и тут же отправить в рот. Иными словами, крестьянка действительно снимает урожай винограда, а аристократка только пробует отдельные спелые ягоды. Крестьянка твёрдо стоит на лестнице, опирается на неё, прилагает усилие, пытается достать и сорвать гроздь винограда, из-за чего у неё несколько сползла свободная крестьянская рубашка, обнажив две массивные груди, глубокую впадину между ними, левое плечо. Мышечное напряжение крестьянки выразилось и в том, как у неё высунулись массивная металлическая заколка на затылке, простая скрепка над ухом, как отклонилась назад её массивная металлическая серьга под влиянием сокращения трапециевидной мышцы. Аристократка стоит на земле, слегка прикоснувшись к лестнице и положив на неё свою нежную левую ручку, – так легче удерживать висящую на руке корзинку. Крестьянка изображена по пояс, вероятно, нижняя часть её тела довольно массивна, и художнику не хотелось изображать то, что не эстетично. Аристократка изображена ниже пояса и скрытая юбкой линия у неё соскальзывающая, а не выступающая плотной дугой. Крестьянка одета в простую белую рубашку, уже потерявшую первоначальную белизну и свежесть. Для того чтобы её левой руке не было больно от массивной ручки увесистой корзины, крестьянка просто задрала подол своей вишнёво-красной юбки, подложив его под ручку корзины. Аристократка не могла позволить себе воспользоваться таким нехитрым крестьянским приёмом. Юбка у неё серо-зелёного цвета, поэтому можно смело утверждать, что под ручку корзинки аристократка подложила не подол собственной юбки, а не связанную с её костюмом красивую и чистую ткань алого цвета. Рубашка аристократки белая, атласная, совсем свежая, она вошла в виноградник не работать в нём, а полакомиться спелыми ягодами. Это же подтверждают тщательно уложенные в причёску волосы и, как бы сказали теперь, «утончённый макияж» лица, бровей, глаз и ресниц, щёк. Даже губы её красиво очерченного рта слегка накрашены нежной розовой помадой.

Думаю, что Брюллов слегка отомстил Самойловой этим портретом. Одно название чего стоит: «Итальянка, снимающая виноград». Вполне вероятно, что Брюллов хотел слегка уколоть Самойлову: своим замужеством она как бы снимает всё готовое и самое сладкое, что было посажено и возвращено отнюдь не ею самою. Алая ткань, размещённая в самом центре картины, приковывает внимание зрителя. Алый цвет всегда был символом власти и цветом царского одеяния. Может быть, это напоминание Самойловой, что она была фрейлиной при дворе, что она графиня, знатная аристократка, а не простая итальянская женщина? С другой стороны, красный цвет всегда символизировал любовь. И тогда в этом есть определённое воспоминание о замечательном празднике по поводу окончания сбора винограда, на котором они, влюблённая пара, ещё

совсем недавно так лихо отплясывали вместе и с которого, собственно, и началась их взаимная любовь. Присутствует в этой картине и ядовитое напоминание знаменитой басни Эзопа «Лиса и виноград». Прямо перед носом у лисы висела виноградная гроздь, она очень хотела её сорвать и полакомиться спелыми ягодами, но не дотянулась. Тогда она отошла, презрительно фыркнула, что виноград зелёный, ни одной спелой ягодки – тотчас набьёшь оскомину. Так вот, на картине Брюллова виноград спелый, очень сладкий, каждая ягодка налита и просвечивает медово-жёлтым цветом. Это как бы предостережение Самойловой: не вздумай, как лиса, говорить потом, что виноград был зелёным. Просто ты не сумела его сорвать. Так пеняй на себя, а не на виноград.

Есть в этой картине и другие колкости художника. Портретное сходство итальянки с Юлией Павловной Самойловой доказывать не нужно. Весь детальный разбор, почему это не безымянная модель, а Самойлова, я уже приводил, когда рассказывал о картинах Брюллова «Семья итальянца» и «Мать, просыпающаяся от плача ребёнка», которые, повторяю, написаны в том же 1831 году, что и «Итальянка, снимающая виноград». Какие же колкости позволил себе художник? Он намекает, что хорошо знает свою модель, хотя она и аристократка. Брюллов позволил себе опустить на женщине рубашку чуть ниже, чем она опущена у крестьянки с картины 1827 года. Это позволило Брюллову обнажить грудь женщины до самых допустимых пределов и выписать её до тонкостей почти всю. У Самойловой была красивая, но небольшая грудь и пространство между правой и левой грудью было достаточно широким. Спущенная с левого плеча рубашка приоткрывает красивую линию плеча, спины и интимного подмышечного пространства, из которого грудь как бы и вырастает. Тем самым Брюллов, несомненно, подчёркивает, что и ему были знакомы самые интимные места модели, что и он имел счастье любоваться ими и даже ласкать их. Наконец, самая острая колкость Брюллова. Вероятно, у Самойловой были довольно большие ушные раковины, особенно левая, которая к тому же ещё и оттопыривалась, придавая Юлии Павловне вид «лопоухой» женщины. На всех её портретах, где она выступает под именем Самойловой, а не безымянной итальянки, уши Самойловой тщательно спрятаны и укрыты причёской, обрамляющей её лицо. Когда Брюллов писал левое ухо итальянки в картине «Семья итальянца», он изобразил это ухо реалистично большим, но не оттопыривающимся, не «лопоухим». А на картине «Итальянка, снимающая виноград» левое ухо модели изображено принципиально реалистично. И ушная раковина некрасивая – какая-то сжатая и вытянутая, и ухо оттопыренное, «лопоухое». Другими словами, как ни аристократична женщина, как ни красива она и изящна, а уши у неё длинные и оттопыренные, из-под причёски растут, как у мула. И хотя мул одно из самых трудолюбивых и умных существ в мире, его своенравность и упрямство сделали его в восприятии людей определённым синонимом совершенно другого характера. «Упрямая, своенравная и недалёкая ты, Самойлова, – так, вероятно, рассуждал Брюллов, когда писал этот её портрет в виде «Итальянки, снимающей виноград». – И всё потому, что отрёклась от меня. А я-то вот помню тебя всю и люблю каждый интимный кусочек твоего тела, украшает он тебя, или приземляет, и пронесу благодарное восхищение тобой в своей памяти через всю свою жизнь»...

– Савелий Викентьевич, – обратилась к Ямщикову Тамара, – вы это где-нибудь читали?

– Нет, нигде не читал.

– Неужели, додумались сами?

– Будем считать, что так.

– Вы явно равнодушны к Брюллову.

– Пожалуй, да. Я уже признался в этом Аркадию, когда рассказывал о картине «Вирсавия», которую ещё в школьные годы впервые увидел в Третьяковской галерее.

– А правда, что Брюллов не очень ценил это своё произведение и даже как-то запустил сапог в это полотно?

– Ловлю вас на слове. Значит, Брюллов вам тоже очень нравится – раз вы так равнодушны к сиюминутному проявлению его мятущейся души. Об этом происшествии писали, но, по-моему, осветили этот эпизод поверхностно, лишь по внешнему проявлению. Чтобы было понятно, к чему я клоню, я расскажу вам одну короткую историю. Знаю я одного хирурга, который прожил со своей единственной женой много лет. И он её любил и любит безмерно, и она относилась и относится к нему так же. У них прекрасная семья, двое взрослых детей. Они прожили вместе много долгих и трудных дней, извелили нужду, даже откровенную бедность, но всегда поддерживали друг друга, помогали, никогда не предавали. Но, как и большинство хирургов, этот сильный и мощный человек иногда выпивал – то после трудной операции, то по поводу дня рождения коллеги, большого праздника, защиты диссертации. И была у этого мужчины одна слабость: он никогда не мог вовремя остановиться, поэтому всегда выпивал лишнее и домой являлся сильно «на бровях». Жена терпеть этого не могла, устраивала скандалы, грозила пожаловаться начальству, написать заявление в партийную организацию – всё не помогало. После одного такого застолья хирург не появлялся на работе два дня. Когда же он вышел на работу, над его левым глазом красовалась внушительная корка из запекшейся крови над раной, окружённой обширным кровоизлиянием. Коллегам он признался, что оступился на лестнице. А через некоторое время все шёпотом передавали друг другу, что это жена запустила в него утюгом. Представляете? Любимая и любящая женщина не совладала со своими эмоциями и чуть не убила своего благоверного!

Я думаю, что и в эпизоде с «Вирсавией» у Брюллова случилось нечто подобное. Было это в Петербурге, уже после возвращения Карла из Италии. Брюллова уже избрали академиком живописи, он был назначен профессором в Академию художеств, много писал, преподавал ученикам. Но его личная жизнь была не устроена, он по-прежнему был холостяком. В этот период жизни Брюллов тесно сошёлся с композитором Михаилом Глинкой и писателем Нестором Кукольником. Они были неразлучны и, как свидетельствуют современники, «пили жестоко». Эта братия на какое-то время удовлетворяла так ярко выраженную у Брюллова жажду дружбы, но с годами всё острее приходило ощущение полного одиночества. Карл мечтал о «парной душе». Он не раз высказывался, что «душа без души парной ни цены, ни цели не имеет». В это же время в его творческой жизни не всё давалось ему легко, были и откровенные неудачи, как это случилось с его огромным историческим полотном (482 x 675 см) «Осада Пскова польским королём Стефаном Баторием в 1581 году», которое Брюллов безуспешно пытался закончить в 1839–1843 годах. В это же время, в 1839 году, друзья Брюллова пригласили его на концерт молодой одарённой пианистки Эмилии Тимм, дочери бургомистра города Риги, ученицы самого Шопена. Тимм играла блистательно, виртуозно и вместе с тем с такой пронзительной нежностью. Музыка, как и живопись,

способна рассказать о человеке напрямую, без слов, так много и так красиво. После нескольких концертов Карл уже не мог представить свою жизнь без этой стройной очаровательной девушки, способной лёгким прикосновением к инструменту удлинённых пальцев своих худеньких рук вызвать волшебное чувство восторга и поклонения. Брюллов понял, что ему выпало счастье влюбиться. После одного из концертов Брюллов преподнёс Эмилии большой букет алых роз и, взглянув исподлобья в её красивые и такие счастливые глаза, без обиняков произнёс: «Я люблю вас, Эмилия. Будьте моей женой». Она засмушалась, но ответила согласием.

Если бы Карл знал, что ему предстоит пережить!

Их брак был очень недолгим и уже через два месяца распался.

Этот период был очень тяжёлым для Брюллова. Семейная ситуация, совершенно случайно приоткрывшаяся внимательному и зоркому художнику и подтверждённая Эмилией в первую же брачную ночь, оказалась настолько редкой, парадоксальной и морально постылой, что я опушу её подробности, хотя они мне и известны. Развод был долгим, шумным, скандальным. Эмилия и её отец вместе с людьми своего круга оклеветали и очернили Брюллова. Ему пришлось по поводу сугубо личного дела письменно изъясняться с высокими чиновниками министерства внутренних дел. Глубоко возмущённый лицемерием, наглостью, несправедливостью, наведённой на него напраслиной, Карл запил.

В этом же году в Петербург на короткий срок возвратилась Юлия Павловна Самойлова. Возвращение было связано с делами по оставленному ей графом Ю.П. Литта большому наследству. Тогда же выяснилось довольно необычное обстоятельство. Оказалось, что в своё время мать Юлии выскочила скоропалительно замуж за кавалерийского генерала Палена без благословения родителей и против их воли не случайно. Перед замужеством у неё был серьёзный, но короткий роман с графом Ю.П. Литта, который в ту пору был большим любителем русских красавиц (потом насчитали, по крайней мере, трёх его незаконнорождённых детей). Отцом Юлии, как выяснилось, был не Пален, а итальянский граф и сказочный богач Ю.П. Литта. С возрастом он остепенился, и, когда бабушка Юлии, Екатерина Васильевна Скавронская (в девичестве Энгельгардт), овдовела (а воспитывала Юлию она), бездетный Ю.П. Литта сделал ей предложение и женился на ней. Это позволило ему хотя бы во вторую половину жизни оказаться рядом со своей дочерью, заботиться о ней и завещать ей всё своё несметное богатство.

Ещё до возвращения в Петербург Юлия продолжала переписку с Брюлловым. В одном из своих писем ему она писала так: «Я поручаю себя твоей дружбе, которая для меня более чем драгоценна, и повторяю тебе, что никто в мире не восхищается тобой и не любит тебя так, как твоя верная подруга Юлия Самойлова».

Юлия Павловна застала Брюллова в состоянии творческой депрессии и какой-то личной раздавленности. Пренебрегая мнением света, Самойлова проявила к Брюллову нежную дружескую заботу и увезла его в своё имение Графская Славянка под Петербургом. Желая помочь Карлу и материально, Самойлова заказала ему ещё один свой портрет – тот самый «Маскарад» (портрет графини Ю.П. Самойловой с приёмной дочерью Амацилией Пачини), который Карл закончил не позднее 1842 года.

В Третьяковской галерее хранится ещё эскиз картины Брюллова «Спящая Юнона и Парка с младенцем Геркулесом». Эскиз написан в 1839–1843

годах на холсте маслом и имеет совсем небольшие размеры – 52,5 x 67 см. Замечу, что этот эскиз также начат в 1839 году, то есть в год, когда Самойлова приехала из Италии в Петербург, чтобы вступить в наследство, завещанное ей графом Ю.П. Литта.

Присмотритесь внимательно к эскизу и сопоставьте возлежащую спящую обнажённую женщину с портретом Самойловой в картине «Маскарад». (Попутно замечу, что сам Брюллов в кругу своих близких учеников называл картину не одним словом «Маскарад», а двумя – «Маскарад жизни»). Никаких сомнений у меня нет, что «Спящая Юнона» – это тоже портрет Самойловой, великолепной 36-летней женщины со всеми признаками классической красоты. Такой живописный гимн восхищения и поклонения мог создать лишь человек, страстно влюблённый в свою модель. Напомню, что именно в этот год Самойлова увезла Брюллова в свою Графскую Славянку, где уже никто не мог помешать ей позировать Карлу даже полностью обнажённой. Но обратите внимание, с каким восхищением и одновременно тактом написана спящая Юнона. Брюллов нигде не позволил себе перейти ту грань, за которой заканчивается искусство и начинается скабрёзность, эротизм и всё то, что так смакуется в современной порноиндустрии. Такт Брюллова сказался и в том, что он не позволил себе слишком уж тщательно выписать черты лица модели, кисти рук и пальцы, тыл стопы и пальцы ног. Как чрезвычайно реалистичный художник, он знал, как индивидуальны эти детали у каждого человека, и не хотел, чтобы те, кто будут любоваться его полотном, смогли бы безошибочно установить, чью красоту воспел художник в позировавшей ему модели. Думаю, что Брюллов не писал этот эскиз 4 года. Может быть, через 4 года он и прикоснулся к холсту несколькими мазками кисти, но даты написания эскиза также могли быть специально растянуты, чтобы подкинуть искусствоведам заведомо ложный след. Ведь очень многие «знатоки» творчества Брюллова подмечали, как многие его модели были похожи на Самойлову, но исторические даты исключали категорическое заключение, что это изображена именно она сама. Задумаемся и над самой темой эскиза. Брюллов очень тщательно всегда продумывал не только внешний, живописный материал картины, но и сюжет, который во многих его произведениях достигал символа, аллегории, обобщения, скрытого обращения и к модели, и к зрителю. Так вот, темой спящей Юноны была выбрана легенда о происхождении сына бога Юпитера и смертной женщины Алкмены. Как только обыкновенная земная женщина Алкмена произвела на свет Геркулеса, сына бога Юпитера, мальчишку подхватил бог Меркурий, отнёс его на Олимп и передал старухе Парке, чтобы она положила младенца на ложе Юноны – жены Юпитера. Парка со всеми предосторожностями, чтобы не разбудить спящую Юнону, осторожно проникла в опочивальню Юноны и незаметно подложила ей младенца. Однако голодный Геркулес с такой силой укусил Юнону за сосок, что из хлынувшего из её груди молока на небе образовался Млечный путь. От причинённой ей боли Юнона мгновенно проснулась и с гневом оттолкнула от себя Геркулеса, всё-таки успевшего испить её молоко – напиток бессмертия. Греческие и римские скульпторы изображали ревнивую покровительницу браков Юнону в покрывале, закрывавшем её фигуру. Но Карл Брюллов отказался от этого канона и поместил на первом плане полностью обнажённую женщину, погружённую в сладостный сон. Может быть, в этом тоже было объяснение в любви и поклонении женщине, которая своей необыкновенной красотой и взаимным чувством напоила его, как Геркулеса, напитком бессмертия и была соучастницей

того, что позволило ему стать художником вселенского масштаба и оставить в живописи свой бессмертный творческий млечный путь?

...Через несколько лет Самойлова вновь приехала в Петербург. На этот раз она носила траур по своему внезапно скончавшемуся первому мужу – графу Николаю Александровичу Самойлову. Ей предстояло наследовать знаменитое поместье Графская Славянка. Брюллов и Самойлова вновь увиделись на короткий срок. Пренебрегая мнением света, Юлия Павловна вновь увезла Брюллова к себе, в Славянку, но ненадолго. По существовавшим тогда законам в России Юлия Павловна не имела права владеть недвижимостью на всей территории империи и была обязана продать это поместье. Большой интерес к поместью проявил сам царь Николай I. В результате он и стал его владельцем, а Юлия Павловна получила за Славянку 150 тыс. рублей серебром.

...Но и этот период жизни закончился. А потом пошли потери. Уехал в Италию Глинка, умер Крылов, трагически погиб художник Венецианов, навсегда из жизни Брюллова ушла Юлия Павловна Самойлова, которая уладила дела по наследству и уехала из России. Сколько трагических потерь и расставаний, какое одиночество и тоска...

Так вот и случилось однажды, что на реплику одного из своих учеников, искренне восхитившегося картиной «Вирсавия», Брюллов в гневе, тоске и досаде, что так многое безвозвратно ушло из его жизни, что его молодость, восхищение и поклонение женщине уже в прошлом, что Вирсавия способна лишь напомнить ему трагедию искренне любившей его итальянки, вскипел и запустил в полотно сапог. Уверен, что не низкой оценкой собственного мастерства был этот жест. Это был жест отчаяния, жест непоправимости судьбы, рока. Но это мог разгадать лишь тот, кто прошёл вместе с Брюлловым весь его жизненный путь – от самого начала и до того злосчастного момента, когда восхищение ученика всколыхнуло в его душе прекрасное, но мучительно невозвратимое прошлое и причинило художнику нестерпимую физическую боль...

Рассказы

Тёзка

Компания тем летом собралась почти случайная, но добродушная: Владимир Дугин, мой приятель, художник, человек весьма серьёзный в деле, но в обыденной обстановке лёгкий и весёлый; я – человек не злой от природы и к тому же любитель не чопорного общения; Ирина и Наташа, подруги, медсёстры из Калуги.

Володя и я поселились в старом бревенчатом доме на берегу Оки – даче моего двоюродного брата Валентина, подруги жили по соседству в кирпичном особнячке, который был сооружён недавно мужем Натальи, кажется, главврачом больницы.

Сосуществовали мы нешумно, неспешно и вполне пристойно. Женщины – полненькая золотозубая Наталья, ласково прозванная Володей белокурой бестией, и Ирина, коротко стриженная худенькая шатенка, – по известному русскому добросердечию взяли нас под своё крыло в смысле приготовления пищи. Продуктов у нас в доме было вдоволь, но корпеть над приготовлением борща, окрошки и прочей серьёзной пищи – удел редких мужчин. К их числу ни Володя, ни я, увы, не принадлежали.

Деньков через пять-шесть после нашего життя в Анненках и начала соседской дружбы в нашу компанию неожиданно, но – как ни странно – совершенно естественно влился пятый.

Как-то солнечным утром, когда Володя и я, робкий его ученик, переносили акварелью на свои листы реку, подёрнутую туманцем, заречные холмы и прочие местные красоты, у садовой калитки появился он, наш будущий пятый. Мужчина неопределённого возраста перегнулся через калитку, ловко открыл её запор и уверенным шагом направился к нам. Отложив в сторону мокрые кисточки, мы с удивлением рассматривали нежданного пришельца. Высок. Худощав. Короткие седые волосы чуть взлохмачены. Одет в чёрный или тёмно-синий линялый костюм. Брюки заправлены в

Иван ТЕРТЫЧНЫЙ

Иван Алексеевич Тертыйный (1955–2017) – автор шести книг стихотворений («И было утро», «Рядом», «Подорожная», «Когда-нибудь», «Лунный снег», «Живая даль») и нескольких книг прозы («Чёрная бабочка с белой оторочкой», «Зоосад» и др). Известен также как переводчик с языков народов России и ближнего зарубежья. Лауреат премии им. Николая Гумилёва (2012), Междунородных конкурсов «Ак Торна – Белый журавль» (2011) и им. А.Н. Толстого (2012).

запылённые кирзовые сапоги. Та-а-к... Старик лет семидесяти. Чуть выцветшие голубые с зеленцой глаза. Ввалившиеся небритые щёки. Загорелое лицо, загорелые руки.

– Вы чьи будете? – Ни «здравствуйте», ни хотя бы приветственного кивка или жеста. А сразу вот так, по-хозяйски: «Вы чьи будете?»

Я встал.

– Это – Дугин Владимир. Художник. А я – Иван Звонцов. Вот... немножко рисую. Я – брат двоюродный Валентина.

– Иван?.. А я – Иван Алексеевич. Значит, мы тёзки... Валентина я знаю. А живу вон там, – старик махнул рукой в сторону Заполя, деревеньки, окружённой пышными ракетами. – Живу со своей старухой и сыном. Тоже, как его, художника, Володькой зовут. А что рисуете?..

Глянул на наши листы. Сначала – на дугинский, потом – на мой. На утреннюю реку с туманцем, на зелёные холмы.

– Ндравятся, значит, наши места?

– Нравятся. – Встал Дугин. – Очень, Иван Алексеевич, нравятся. Старик улыбнулся мягко, по-детски, беззубым ртом.

– Значит, вы – наши. Русские.

Иван Алексеевич ещё раз бегло сверил дугинскую акварель с натурой и сказал:

– Ну, я пойду.

И, так же ловко закрыв калитку снаружи, уверенно зашагал через неширокое поле в сторону леса.

Вновь появился он в саду в самый раз к началу обеденного застолья. Будто поглядывал в нашу сторону из леса через окуляры бинокля. Поставил чёрный полиэтиленовый пакет на траву и пояснил:

– Грибы.

Все встали и, любопытствуя, заглянули по очереди в пакет. Десятка два крепконогих подосиновиков ало посвечивали своими шляпками из его принахмуренного нутра.

– Вот это да!

Вчера мы были в лесу, и добыча наша оказалась невелика: две чернушки да несколько сыроежек.

Оценив наше неподдельное удивление, Иван Алексеевич пояснил: – Места знаю. Сколько годов тут живу...

Когда старик сполоснул руки, женщины пригласили его к столу. Назвали по имени-отчеству. Видимо, хорошо знали. Тарелка борща и стопка холодной водки привели Ивана Алексеевича в состояние блаженства. Это было видно по его лицу, глазам – они заголубели ярко, по-молодому. Он положил пачку «Примы» на стол и неторопливо закурил. Я предложил ему «Мальборо», старик вяло отмахнулся.

– Курил я трофейные немецкие. Такие же... Не забирают.

Когда гость дожевал неторопливо куриную котлету, Ирина спросила, понравился ли ему обед.

Иван Алексеевич вытер мятым платочком губы и ответил коротко:

– Очень отлично!

Это «очень отлично» мы с Володей потом частенько будем вспоминать в Москве.

Вот так в нашей компании появился пятый участник.

Когда бывал по утрам, то сразу и запросто спрашивал:

- Что у нас на завтрак?
- Овсяная каша.
- Очень отлично!
- Клубника со сметаной.
- Очень отлично!

И никогда не приходил с пустыми руками. Бутылка водки или самогона?.. «Пензию» получил. Сумка огурцов?.. Старухе соседке травы для козы накопил. А пакет грибов – ясное дело, из леса. Нас с собой на грибную охоту не брал. «Все ноги со мной стопчете. Я-то привычный». Раз-другой приглашали с собой на купание в Оке. Махал рукой, куда, мол, мне с вами, женщин перепугаю своей худобой; кожа да кости.

Как-то пришел смущенный чем-то и опечаленный.

– Что-то случилось?

– Вчера пенсию получил, а сын отнял. Мне, говорит, деньги нужнее. А потом напился пьяный и на мать с кулаками полез. Он и отдубасил меня. Откормил бугая на свою шею. Был бы щуплее, может, не так бы... Да и годы... Иди, говорит, сено для коровы косить! И чтоб стог, говорит, был во! Ты сам без дела болтаешься, отвечаю, молодой ты, не то, что я, старик. Он опять кулаки – в ход. Вот домой и нет пути.

Видимо, заметив мой взгляд, смахнул ладонью сухие травинки с седой головы.

– Ночевал под террасой... Там вон бывший начальник милиции дом строит. Спросил у него, он разрешил. Натаскал я туда сенца, укрылся пинжаком – милое дело! Сухо, тепло. Опять же – воздух чистый. А то, случалось, прошлым летом в лесу спал.

– А не страшно, Иван Алексеевич? – спросил Володя. – Зверьё всякое бродит...

– Не. Я перед сном прочитаю молитву мамину – и сплю как у Христа за пазухой. Вижу, там вон лось прошёл, там – кабан. А меня оне не трогают.

– Какая же это молитва?

– А слушайте...

«... Спать ложусь, крестом крещусь, молитвой одеваюсь. Крест над нами, крест перед нами, вся сила Божественная с нами. Ангелы в окошке, Иисус Христос – в дверях – держит распятие в руках».

– Прочитаю её – и вся недолга. Я думаю, и на фронте спасала она меня. Живой вернулся.

О фронте рассказывал обычно по вечерам, когда мы после ужина усаживались на длинных и широких ступенях деревянного крыльца нашего дома. Сидим-посиживаем под живым навесом старой черёмухи, глядим на Оку, на закат, на заречное село Свечурино, а Иван Алексеевич неспешно толкует нам о военном житье-бытье...

Потом предлагает:

– А хотите, я вам спою военную песню?

– Мы подпоём!

Старик гасит о камушек сигарету.

– Не получится.

– Почему? – удивляются женщины.

– А песня эта – наша, ротная. Сами ребята придумали. А из роты в живых остались я да ещё один, в Сибири живёт.

– Ну, слушайте...

– Эх, окопное наше житьишко...

Голос у Ивана Алексеевича слабый, с хрипотцой, но приятный. Наверняка в молодые годы хорошо пел. Умел петь.

Иван Алексеевич поёт, а мы глядим в закатную сторонку, туда, куда ушли миллионы и миллионы живых...

Наталья идёт к себе домой – «Я сейчас!» – и вот уже несёт поднос, уставленный бокалами с красным вином. Угощение певцу и нам всем – заодно.

– За тебя, дядя Ваня, и за Победу! – говорит Ирина.

– ... и за Победу! – подхватывают остальные. Душевно и тепло нам на крыльце под старой черёмухой.

А полгода назад Володе позвонила одна из наших милых соседок – то ли Ирина, то ли Наталья, – не помню, и среди прочих местных известий сообщила печальное: умер Иван Алексеевич. Эх, тэзка, тэзка... Не сидеть нам более полным составом в ночном саду под густыми кронами яблонь со свечой на столе, не вечерничать на тёплом деревянном крыльце... Эх, тэзка!

Стали с Володей вспоминать его военную песню, но у меня осталась в памяти только первая её строка:

Эх, окопное житьишко...

А Володя усвоил лишь коротенький припев:

*Есть не будем, пить не будем,
А победу мы добудем!*

Космонавт Павлов

– **В**ы когда-нибудь видели шторм в океане?

– Нет. Не приходилось.

– А извержение вулкана, скажем, на Камчатке? Когда земля под ногами ходуном ходит?..

– Не посчастливилось.

– Не посчастливилось... – Космонавт Павлов, крепкий телом мужчина лет пятидесяти пяти в чёрном пиджаке и чёрной же водолазке, крупнолицый, чуть курносый, усмехается и крутит в загорелых пальцах рюмку с водкой. – Не посчастливилось... Не видели – и, думаю, не стоит о том жалеть. Беспомощной пылинкой или травинкой себе кажешься.

Полутёмный зал Нижнего буфета ЦДЛ (Центрального Дома литераторов) тих и прохладен. И всего-то здесь три живые души: он, я да средних лет буфетчица-блондинка за освещённой стойкой.

– Когда мы с Егорычем в первый раз на орбиту поехали, я, знаете, всё видел, ощущал, как, наверное, все побывавшие там. Ракурс небывалый, конечно! Но, как говорится, экскурсия закончилась, началась плановая работа. Детали, думаю, не нужны?.. А вот в следующий раз...

Павлов нервно постукивает пальцами левой руки по столешнице.

– Выпьём?

– Ваше здоровье!

Долька лимона настолько кисла, что я невольно морщусь.

– Небось, покрепче водки показалось? – Павлов по-свойски подмигивает, откидывается на спинку стула и смеётся. – А?..

– Точно.

Павлов снова опирается локтями на стол.

– А в следующий раз... Опять же с Егорычем... Просыпаюсь я – как будто кто-то так легонько толкнул внезапно и – мурашки по коже... Не вижу, чувю: на меня – не Егорыч же! – или сквозь меня, или вокруг меня? – кто-то смотрит. Не в иллюминатор, а – вообще, отовсюду. И я, человек сугубо атеистически-коммунистического воспитания, мысленно и, наверное, помимо воли, вопрошаю: «Это Ты, Господи?» И через секунду-другую по рукам, по спине, по ногам разливается такое тепло!.. Я цветком себя почувствовал!.. Бабочкой!..

Тихонько наполняю Павлову рюмку.

– Так вот – о штормах и вулканах... Мне казалось когда-то, что от них, от их грозной силы должны дрожать степи, пустыни, леса и реки! Вся Земля-матушка! А тут, знаете, плывёт она в необъятном просторе космоса этакой круглой невеличкой, с её океанами и штормами, с исхоженной-неисхоженной тайгой, Гоби и Сахарой, с шумящими белыми берёзами, плывёт, несётся... Куда? Зачем? Несётся под чьим-то великим приглядом. И я понял, что я маленький, что мне хочется, как хочется порой большущему дяде, стоящему у своей старой колыбельки, прилечь в неё, укутаться её теплом, так мне захотелось вернуться в мой привычный мир, ступить ногами на твердь земную, вернуться и сказать: «Благодарствуй, Господи! Благодарствуй. За этот маленький, великий мир».

– Поднимем?

– Поднимем.

Павлов стремительным росчерком надписывает мне свою книгу «Свет», и мы выходим на улицу, где во всю ширь сияют синева и золото.

Сентябрь!

Зелёное мерцание

1

Увы, немало среди нас людей, которые опасливо глядят на живое мерцание леса.

Я говорю сейчас не о сибирской и дальневосточной тайге (это не море даже, а целый океан) и не о женщинах и детях (современное воспитание делает своё дело), я имею в виду живые пышные царства Подмосковья или, скажем, Брянщины, а также, скорее, мужчин среднего возраста – и частенько – «при должностях». Люди же постарше и попроще, захватив на всякий случай лукошко, входят в лес, словно в дом родной – без настороженности, без шума, без суеты.

Похоже, к их числу принадлежу и я.

Моё детство и юность прошли в лесостепном краю, и мне одинаково близки и открытые холмистые просторы, и тихие тенистые тропы, и потому я, с малых лет естественно сроднившись с ними, шагаю всякий раз без оглядки туда, куда мне надобно, – днём ли, ночью ли, на закате... «Не больно ли расхрабрился?» – усмехнётся кто-то. Да какой я храбрец! Обычный человек. Просто я не боюсь себя, не опасаясь остаться наедине с собой; наедине с деревом

или кустом в лесу; наедине с лесом; наедине со степью или полем. Вот и вся моя храбрость. «Да почти все такие...» – вновь усмехнётся кто-то. Не скажите. Есть у меня сосед, милый, отзывчивый человек (легко назову ещё двух-трёх, в чём-то похожих на него). Стоит его жене уехать на недельку к родственникам, он начинает дико пить; и не потому ему вовсе удержу нет, что не мог при своей половине (да ещё пребывая в заслуженном трудом отпуске) изрядно выпить... всегда, пожалуйста!.. А тайна проста: «Я не могу быть один». Упомянутые мною «два-три знакомых» – при схожих обстоятельствах – судорожно мечутся по городу, посещая полузабытых товарищей, дальних родственников, нелюбимых тёщ и прочая. Вот вам и «все»! И вот ещё: боясь невольного уединения, мой сосед, будучи на даче, почему-то робеет и перед лесом, хотя на людях время от времени признаётся, нежно вздыхая: лес для него – отрада, единственное отдохновение!.. Но, насколько мне известно, лет за двадцать нашего знакомства он редко бывает на опушке недалевого бора. А войти вглубь, шагов на двести, духу не хватает, что ли... Вот такая вот у него отрада.

2

Куда, кажется, ни пойдёшь, ни поедешь – встретишь Серёжу-горбуна: то он вертит лохматой головой на автобусной остановке в Карповке, то выбредает на дорогу из зелёного пшеничного поля у калгановской церкви, то солидно восседает с кружкой пива за столиком на автозаправке у шоссе.

Появился Серёга в Тягунках лет пять-семь назад. Вроде бы приехал издалека, чуть ли не с Урала, погостить у тётки, да так тут и застрял. Серьёзное занятие у него всего-то одно – чтение книг. Раз в неделю он ставил на багажник велосипеда старую хозяйственную сумку со стопкой книг и ехал в библиотеку; потом, так же мерно крутя пыльные педали, возвращался домой с обновлённым содержимым сумки. Когда соседки, прищурив глаза, спрашивали, что читает племянник, Дашута отвечал не хитря, как есть: «Гастрономию изучает, про космос тоись...» Днём, в подходящую погоду, он куда-то уходил, а по ночам на веранде дома Дашуты долго светилась белая занавеска...

Как-то, тихо ступая по утренней тропе, я увидел Серёгу на лесной полянке. Горбун, широко крестясь и шевеля губами, молился. Его несоразмерные телу длинные крепкие руки, пришибленная недугом фигурка производили странное впечатление. И если бы не строгий светлый профиль, то его можно было бы принять за некоего большого жука или что-то вроде того. Но лицо... наполненное вдохновением лицо всё искупало: и неловкость сложения, и тонкоголосое бормотание, и непонятность его нахождения в минуты молитвы – не в доме перед образами в красном углу, не в храме, а тут, в нелюдимом лесу. Хотя, ясное дело, человек молится там, где его душа возжелала; но был-то горбун не середь пустыни широкой, а близ приютившего его крова. Пришёл же сюда... И были, выходит, этот лес, эта усыпанная солнечным сиянием поляна неким живым храмом, окружённым птичьим щебетом, мягким движением воздуха...

Я, стараясь быть не видимым и не слышимым ему, проскользнул мимо.

Эта нечаянная встреча напомнила мне о другой – в Дивееве.

Наш автобус остался на ночь на стоянке близ стен Серафимо-Дивеевской обители, а мы отправились в сопровождении знающего человека куда-то на окраину селения. В сумерках нашли гостиницу для паломников – несколько приземистых деревянных строений – и устроились на ночлег.

Несмотря на усталость, спал я некрепко и встал довольно рано, едва солнце глянуло в окно. Я вышел на улицу, чтобы осмотреться. Трава густо темнела под тяжёлой росой; с поля тянуло знобящим ветерком. Я свернул за угол гостиницы и... замер. Шагах в двадцати от меня, стоя на коленях, молились четверо. Справа был, судя по виду, отец семейства, крепкий мужчина с седой окладистой бородой, рядом с ним, похоже, жена, пониже мужа ростом, крепенькая, в тёмном платке, и два подростка лет четырнадцати-шестнадцати. И смотрел я на эту семью секунд всего несколько, но запомнил их моление на годы. И то, как истово, размашисто накладывал на себя крест мужчина, и как он бил поклоны, как ровно гудел его приглушенный голос, и полные жаркой веры поклоны его жены, и её воздыхания, и отточенные взмахи рук их сыновей, и освещённые восходящим солнцем лица... Все четверо были охвачены одним живым, слитным порывом. Окликни, пальни из ружья – не услышат.

Что привело эту сплочённую семью в Дивеево? – подумал я в ту минуту. – Переполюющая сердца благодарность за нечаянную радость? Внезапная беда? Выпавшая возможность приложиться к мощам Преподобного? Бог весть...

3

Оторвав взгляд от раскрытой книги, увидел в окно семяющего Серёгу-горбуна. Вот свернул с края поля на опушку – и остановился. Видно, решает, куда направить свои стопы. Что он ищет? Зачем нужны ему эти ежедневные походы? Ищет метеорит («гастрономию изучает») или целебные коренья? Изучает окрестный мир? Спросил бы, понятно, давно, да неловко. А вдвойне неловко потому, что у него, сами понимаете, о с о б а я с т а т ь я в этой жизни. И ничего тут не поделаешь.

Горбун замысловато взмахнул рукой, словно нарисовал в воздухе знак бесконечности, и ступил под сень орешника...

И я продолжил чтение.

«... А сегодня утром я вышел из кордона часа в четыре. Свет ещё чуть брезжил в той стороне, где наметился во мгле восток дня, и лишь высоко над горизонтом, там, где кудрявились серым рукавом небольшие клочковатые облака, тёплые густо-розовые лучи ещё запредельного солнца окрасили облачные волны снизу. Не счесть было этих поднебесных волн, океан надвигающегося на землю света был, наверное, велик и прекрасен, но я шёл, спотыкаясь, в предрассветной полумгле, и мне было не холодно, не одиноко, не страшно...»

– Эй! Ну, иди, иди! – Два мальчугана, схватив козу за рога, тащат её по улочке на выпас. Коза, сделав два-три шажка, упирается копытцами в землю и поматывает головой. – Иди, дурочка, иди!

И почему бы ей, дурёхе, не бежать вприпрыжку на зелёный лужок? Не знает своего счастья? А ведь будет скоро щипать сочную траву и трясти от удовольствия бородкой...

«... Но тут я услышал пронзительные переливчатые звуки, внезапно наполнившие пустоты лесной тишины, признал в них журавлиный крик и, напрямик проследовав к нему, вскоре вышел из полумрака леса на край залитого зелёным солнцем широкого поля. Два журавля снялись и полетели прочь, по широкой дуге огибая видневшуюся вдали деревню. Их было два...»

4

У колодца встречаю Михайловну, соседку. Она ставит ведро с водой на траву, убирает руки под передник и рассказывает о своих очередных заботах: какие грядки поливала, какие полола...

– А, видишь, горбунок идёт! – прерывает Михайловна свой отчёт и показывает рукой на проулок.

– Постой, поговори с нами, Серёженька! – машет она. Серёга замедляет свои скорые шажки и останавливается рядом. – И куда это ты всё торопишься? – прищуривается Михайловна. – То – туда, то – сюда... Ногам своим пока не даёшь. Посидел бы, отдохнул...

– На том свете отдохнём, – серьёзно, по-стариковски отвечает Серёга, приглаживая широкой ладонью вихры. – Движение – жизнь, покой – смерть.

– О Господи! Да что ты говоришь! Какая смерть... Жить да жить ещё... И горя не знать.

– Люди боятся жить. Разучились... Хотят улететь... То водки дай, то наркотиков, то телевизор... Какая тут жизнь? – возражает Серёга.

– Дурак ты, Серёжка, – говорит Михайловна. – Так ведь? – Она оборачивается ко мне, ища поддержки. – Надо жить. Только умеючи.

– Если умеючи, то, конечно... – соглашается Серёга. И, помахивая сорванным на ходу стебельком, идёт своим путём.

5

Редкостное лето выдалось в нынешнем году. Дождей – в меру, жары нещадной нет, ветерок гуляет по зелёным просторам... Чего ещё желать человеку – и трудящемуся, и отдыхающему? Большого-большого счастья? Неохватной свободы? Мне, допустим, хватает и счастья моего, и свободы моей, и дела моего. Одного мне сейчас не хватает – запаха горькой степной полыни. Не водится она в тихом лесном краю. Шагнуть бы, щурясь от солнца, с вагонной подножки на низенькую платформу станции, к примеру, Поньри или Ржава, да выйти на полевую дорогу, да по дороге той, где над обочиной пыльный жаркий дух... Да разве отпустят из зелёных объятий неоконченные дела? В конце лета или ранней прозрачной осенью, разве что...

6

Глядя из окна городской квартиры на заснеженный двор, я вспомнил кстати ещё одну встречу, ещё одного человека, дядю Васю.

Лет столько-то назад волею счастливого случая оказался я в Забайкалье, на берегах реки Онон, где, как уверял меня местный краевед В.К., и появился на свет «потрясатель вселенной» Чингисхан. А чтобы усилить своё утверждение и окончательно убедить меня в достоверности сего факта, повёл меня в местный краеведческий музей. Когда же я с немалым интересом познакомился с экспозициями, посвященными истории и жизни коренных жителей бурят, а также узнал новые странички из былого – о забайкальском казачестве, например, В.К. увлёк меня в соседнюю комнату (зал); там разместились работы местных художников.

– Вот! – указал он на исполненный в тёмных тонах портрет. – «Мать Чингисхана».

Картина и вправду завораживала. Женщина в чёрном... степной простор... Лицо и глаза полны и решимости, и нежности, и скорби...

– Это мать «потрясателя вселенной» ...

Когда мы вышли из уютной притенённости музея на яркий хрустящий снег под сияющим небом, мой спутник В.К., мельком глянув на меня, вдруг заулыбался и сказал совсем неожиданное:

– Да ладно! Степь степью... Ещё время раннее, может, махнём в тайгу? Позвоню-ка я Виктору Баировичу, другу...

– А тайга-то откуда? – Я повёл рукой перед собой, указывая на припорошенные сопки, на вьющиеся между ними распадки и речную долину. – Тут же степь да степь кругом...

– Да, да, да... Степь, степь... – радостно кивнул В.К. – Да, да... – И почему-то добавил: – А снег... снег ветром уносит...

7

За изгибом речной долины взгляду открылась реденькая роща из десятка раскидистых сосен. Это была приятная неожиданность. Я не мог оторвать от деревьев глаз. Ещё бы! За сотни три километров – от железнодорожной станции до Онона – я не видел ни одного дерева по пути следования (или плохо посматривал через затуманенные морозом стёкла автобуса?). А тут такие вольные красавицы!

И всё же я не удержался от колкости:

– Как ни фантазируй, а всё-таки это не тайга...

– Не тайга, не тайга... Да, да, да...

Это повторение слов «степь, степь...», «не тайга, не тайга...», эти «да, да, да...» показались мне издёвкой, и я коротко глянул на спутника-краеведа. Но нет, он улыбался, глаза искрились радостью; он просто радовался как ребёнок. Чему? Может, кстати случившейся поездке или, может быть, ясному синему небу, а может, тому, что показал мне картину, и она произвела заметное впечатление...

Виктор тоже улыбался-усмехался, приоткрыв сахарно-белые зубы.

Много ли нужно для радости человеку степей?

А человеку лесов и полей?..

8

И вот мы втянулись в длинный распадок (большой лог), а когда наконец повернули, появились заросли краснотала и... путь машине преградил чуть присыпанный снегом ручей. Виктор остановил «уазик», включил передний мост, и машина, покачиваясь, выползла на другой берег. Впереди замелькал кустарник, потом он перешёл в поросль вроде подлеска, и вот глазам широко открылся лес! Тайга!

И сколько же мы отмахали? Да километров тридцать-сорок всего, наверное. Вот тебе и «степь да степь кругом»... Неужели я в самом деле боялся розыгрыша или чего-то ещё в подобном роде?

Петляющая в чаще дорога привела нас к поляне, на которой и стоял дом лесника дяди Васи.

Он встретил нас на крыльце в накинутом на плечи полушубке, в высоких валенках и шапке-ушанке, словом, как и положено выходить на мороз

основательному человеку. Роста он оказался совсем невысокого; когда мы пожимали друг другу руки, то я увидел, что он смотрит на меня синими большими глазами снизу вверх. Неловко как-то, но что поделаешь... Он, думаю, почувствовал моё неловкое положение и по-свойски хлопнул по спине:

– Заходи, заходи...

После обеда дядя Вася встал первым из-за стола. Натянул на себя серый свитер ручной вязки, надел полушубок, прижал ладонью тёмные вихры и уверенным баском прогудел:

– Ну чо, пойдём в тайгу на погляд?

Мы тоже оделись в предложенные хозяином ношенные валенки и полушубки (то ли из его запасов, то ли охотниками оставленные до случая) и отправились в недолгий путь. Впереди, по-хозяйски уверенно ступая, шёл лесник, ну а следом брели мы, его гости. Не знаю, часто ли к нему приезжали, но, видимо, он был рад приветить гостей прошенных, но и нам, непрошенным, чувствовалось, был рад.

То там, то сям с лап больших сосен срывались комочки мягкого снега и, рассыпаясь в полёте, искрясь, сеяли в воздухе невесомое серебро...

Впереди, за кустарником, закрубились что-то тёмное, непонятное – и через тропу, взмывая над двухметровым подлеском, птицами – поочерёдно – перепорхнули пять-шесть косуль... Вот это прыжки!.. Я думал, что дядя Вася вскинет ружьё и... Дядя Вася, будто почувствовал, что я мысленно помянул его, и, не оборачиваясь, перевёл моё внимание на другое:

– Это у вас там, на Западе, охотнички ружьё дулом вниз носят, а тут ухо надо остро держать. Рысь часто ходит... Если кинется на плечи, мне так ловчей пальнуть... Так?

– Ого-го-го!.. – неожиданно для меня гаркнул дядя Вася.

Прошло мгновение, другое... И, погружённая в белые сны, чаща откликнулась звучно и молодо:

– О-о-о! О! О!..

– Ба-и-рыч! Как твои девки? Не плодятся ишшо?

– Учатся. Школу кончают.

– Ну а твои как дела? – Лесник обернулся ко мне. – Ты ж из Москвы? Или?..

– Да. А как?..

– А просто... Наши парни – как всегда. Им всё привычно. А ты глядишь, будто запомнить надо.

– Дела мои... Ну, более-менее...

– А ты молодец. Не жалуешься. Кто жалуется, тому и дело не сделать, и счастья не видать. Так?

– Вроде так.

– Ого-го-го! – снова, запрокинув голову, прокричал дядя Вася. И, шутливо кося глазом, приставил ладонь к уху: услышу, мол, ответ или нет.

– О-о-о! – отозвалась тайга. – О! О!..

– Порядок, – сказал лесник. – Гут. Поговорили.

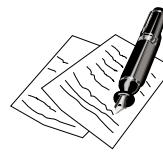
Дядя Вася убавил шаг, и я поравнялся с ним. Наши спутники ушли вперёд.

– Как вам тут, дядя Вася? Безлюдно и...

– И не страшно, и не скучно, и не плохо. Бабка у меня золотая... А тайга – чо? Я её понимаю, и она меня понимает вроде... Люди приезжают человеческие... Хорошо мне, друг, хорошо...

А хотел включить в комнате свет, но передумал и снова подошёл к окну. В сумерках во дворе носились друг за другом две чёрные собачонки. Их хозяйки, молодые женщины, стояли в середине протоптанного собачками круга и курили. Одна, повыше ростом, стояла неподвижно, а другая то приближала своё лицо к лицу собеседницы, то резко отшатывалась и грозила пальцем не видимому в морозном пространстве виновнику её бед или неурядиц. И вдруг почти явственно увиделась мне жена лесника дяди Васи – Клавдия Васильевна. Вспомнил, как он объявил ещё на крыльце, что, мол, бабушка хворает, отлёживается... Но Клавдия Васильевна, бледная, в тёмном платке, вышла к нечаянным гостям, накрыла стол, а потом всё охала да ахала над нами... «А отец жив?.. Ну, слава Богу! А мама?.. Слава, слава Богу!.. А бабушка и дедушка?.. И давно?.. Царство им Небесное... Ах, детки-детки...» А когда прощались, совала нам банки с грибами, вареньем, голубицей целебной... Будто детей своих в путь-дорогу провожала и рукою с крыльца махала, махала... И улыбалась.

Бледная, в тёмном платке...

ПАМЯТЬ

«ЖИТЬ В ПОЛНУЮ СИЛУ...»

В Иркутске увидело свет уникальное издание. Это книга неповторимых воспоминаний об удивительной, светлой женщине. Не успев выйти в свет, книга «Жить в полную силу...» уже стала библиографической редкостью. В ней собраны воспоминания о супруге великого русского классика Валентина Распутина – Светлане Распутиной.

Я счастливый человек, что передо мной лежит эта книга, подписанная сразу двумя её авторами – сестрой Светланы Распутиной – Евгенией Молчановой и известным русским поэтом, мужем Евгении Молчановой – Владимиром Скифом.

Вот автограф на книге Евгении Ивановны Молчановой:

«Дорогому Эдуарду Константиновичу Анашкину на добрую память о моей любимой сестре Светлане Распутиной, верной жене и спутнице Валентина Распутина. Надеюсь, что эти воспоминания ещё более полно раскроют её образ.»

Евгения Ивановна Молчанова.

Р.С. Сегодня день её рождения, ей исполнилось бы 80 лет

23 июля 2019 года»

В книге с любовью+, болью и тщанием собраны воспоминания тех, кто лично знал жену и верную спутницу Валентина Распутина, прожившую с ним полвека.

Авторами идеи и составителями этой книги стали Евгения Молчанова (младшая сестра Светланы) и Екатерина Николаева (племянница).

Сын Распутиных Сергей и внучка Антонина предоставили для издания дневники Светланы Ивановны и фотографии.

Начинается книга с повествования Евгении Молчановой «Моя старшая сестра». Она рассказывает о семье Виктории Станиславовны и Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского, в которой росли и воспитывались шестеро детей, о необычайной

Эдуард АНАШКИН

Эдуард Константинович Анашкин – член Союза писателей России, прозаик и эссеист. Родился в 1946 г. в Читинской области. Автор книг «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплёт», «Под крылом Пегаса», вышедших в Самаре и Москве. Печатался во многих московских, всероссийских и областных изданиях – «Роман-журнал XXI век» (Москва), «Русское эхо» (Самара), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Сура» (Пенза), «Балтика», «Наша улица» (Москва), «Парламентская газета» (Москва) и др. Лауреат Самарской региональной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат Всероссийской премии «Имперская культура». Награждён почётной грамотой Министерства культуры России (2012 г.).

Живёт в Самарской области.

духовной близости отца и дочери. Автор приводит выдержки из юношеских дневников Светланы, в которых она пишет о своём папе.

Следующие воспоминания «Всегда рядом, всегда вместе» написаны племянницей Светланы – Екатериной Николаевой. Она с большой теплотой вспоминает о своей бабушке – Виктории Станиславовне Молчановой, об отношениях со Светланой на протяжении всей жизни.

«Мы жили по соседству» – материал Галины Барановой (Седых), дочери известного писателя, автора книг «Даурия» и «Отчий край» Константина Седых. Её рассказы полны достоверных историй про детские и школьные годы Светланы, про увлекательную поездку в знаменитый пионерский лагерь «Артек».

А воспоминания Галины Николаевой, близкой Светланиной подруги – «По волнам моей памяти» – это уже рассказ о их студенческой жизни. Они обе увлекались литературой, вели жаркие споры о прочитанных книгах, ходили вместе на спектакли в театры, на концерты в филармонию. А летом работали вместе на археологических раскопках на берегу Байкала.

Филолог Наталья Дулова в своих воспоминаниях «Молчановы и Распутины в моей жизни» пишет о том, как будучи ещё совсем маленькой, она часто бывала в доме известного писателя И.И. Молчанова-Сибирского, отца Светланы и Евгении. Одним из знаковых событий детства будущий филолог Наталья Дулова считает тот день, когда писатель Иван Иванович Молчанов-Сибирский подарил ей свою книгу с автографом. Позже дружба с Молчановыми переросла у неё в дружбу с Распутиными. Наталья Дулова часто гостила у Распутиных на даче, имела счастье общения с классиком и его супругой.

О московском периоде жизни рассказывает нам главный редактор журнала «Литература в школе» Надежда Леонидовна Крупина. Вот как пишет она в своём очерке «О Светлане Распутиной с любовью: живём и помним»: «Светлана была достойна Валентина во всём. Внешне и внутренне красивая, с чувством достоинства, глубокая, разносторонняя, со своими убеждениями и взглядами, она всегда оставалась другом и единомышленником мужа».

Ещё одним автором воспоминаний, которые называются «Любовь и опора писателя Распутина», является известный московский писатель и журналист, многие годы сотрудничавший с Валентином Распутиным – Виктор Стефанович Кожемяко. Большой общественный отклик получили правдивые до сердечной обнажённости беседы, которые Распутин и Кожемяко вели с 1993 года. Это были размышления о трагической эпохе нашей страны, публиковавшиеся в газетах «Правда», «Советская Россия», а позже вышедшие отдельными книжными изданиями: «Диалоги о России» (М., 2006), «Боль души» (М., 2007) и «Эти двадцать убийственных лет» (М., 2011).

Завершает книгу «Жить в полную силу...» своими поэтическими воспоминаниями, посвящёнными Светлане Распутиной, известный поэт и шурин Валентина Григорьевича Распутина – Владимир Петрович Скиф...

Быть женой великого писателя – разве семейный статус? Это призвание и, если угодно, – миссия. Для многих женщин такая миссия – жить рядом с огромной личностью и не путать в будничной чередке мужа с писателем – оказывается невыполнимой. Для многих. Но не для Светланы Ивановны Распутиной. Если посмотреть на биографию этой незаурядной женщины, словно сама судьба её с молодых лет готовила к этой миссии. Родилась Светлана Молчанова в семье сибирского писателя. А потому литература стала ей родной средой жизни и понимания этого непростого мира – с детства.

Уже с детства ей, видимо, на роду было написано стать музой и ангелом-хранителем своего будущего гениального мужа. Отец Светланы был настолько известный писатель, что ныне в Иркутске его имя носит главная Областная научная библиотека!

К слову сказать, Светлана Ивановна всегда старалась находиться в тени своего великого мужа. А потому я считаю своим долгом хотя бы вкратце описать её биографические вехи... Познакомил Валентина и Светлану Иркутский университет, где оба учились в годы хрущёвской оттепели. Светлана Молчанова была студенткой физико-математического факультета. Казалось бы, профессия у будущей жены Распутина была далека от изящной словесности. Но, тем не менее, молодые люди оказались столь созвучны друг другу, что в 1961 году поженились... В 1962 году молодые супруги переехали в Красноярск, жили в общежитии Сибирского технологического института, где Светлане как молодому специалисту дали комнату. В 1966 году семья Распутиных вернулась в Иркутск, где Светлана Ивановна долгие годы преподавала на кафедре математики Иркутского института народного хозяйства.

«Кто бы я был без Светланы...», – полушутя, а на самом деле очень серьёзно частенько говорил Валентин Распутин. Литературному вкусу Светланы Ивановны доверяли многие выдающиеся писатели, коллеги её мужа, видя в ней не только хранительницу семейного очага, не только музу и помощницу Распутина: она была первым и, быть может, главным читателем его произведений. Она же перепечатывала и вычитывала его тексты. Друзья-писатели её мужа видели в ней человека с тонким литературным вкусом на слово, доверяли её мнению... Конечно! Уж если сам Распутин доверял литературному вкусу жены, то... «Она для меня всё!» – говорил Распутин о Светлане Ивановне. И так оно и было на самом деле.

Как видим, Светлана Ивановна обладала талантом совмещать самые разные ипостаси. Она была мужу помощницей и соратницей, другом и единомышленником. Она сопровождала Валентина Григорьевича в его творческих командировках. Она радушно и хлебосольно встречала многочисленных гостей и коллег своего именитого мужа. По воспоминаниям общих друзей, была не только прекрасной хозяйкой, умудрявшейся приготовить гостям красивый, вкусный и обильный стол. Накрывая на стол, она попутно принимала самое живое участие в беседах писателей. Распутины были счастливая пара, они даже ссориться не умели, настолько без слов понимали друг друга! Прожив в любви и согласии почти полвека, Распутины обвенчались в 2010 году, выбрав для таинства венчания тихую церковь за городом – Храм в честь иконы Божией Матери, именуемой «Касперовская». Ведь ни Валентин Григорьевич, ни Светлана Ивановна не любили публичности!

Скромная, умная, тактичная, гостеприимная, улыбкающая, светлая... Таими словами характеризуют эту удивительную женщину. Но она была удивительна ещё и в том, что была человеком твёрдых моральных норм, за которые могла постоять с не женской твёрдостью. Вот лишь один эпизод, о котором рассказывает в своих воспоминаниях Виктор Кожемяко: «Многие сегодня, наверное, и не знают, что Распутиных в то время (имеются в виду лихие девяностые годы – прим. Э.А.) решили даже вышвырнуть из их московской квартиры. (Независть столичной либеральной камарильи к Распутину была столь велика, что на всё шли – прим. Э.А.) И вышвырнули бы, если бы на защиту мужа... не поднялась Светлана Ивановна. Удивляться не стоит, что главным защитником дома от гонителей стала она, а не всемирно известный

писатель. Валентин Григорьевич мог упорно постоять (*и действительно стоял!*) за других, только не за себя. Между тем выселение грозило серьёзными сложностями не только им обоим, но и жившей с ними дочери Марии, которая недавно поступила в московскую консерваторию и делала здесь первые успешные шаги. А сам Валентин Григорьевич был остро необходим в столице, где всё чаще по просьбам людей приходилось ему выступать в самых разных аудиториях...»

Словом, от Светланы Ивановны потребовались немалые усилия, чтобы отстоять квартиру. Хотя в обычной жизни, как признают знающие её люди, никакой пробивной силой и предприимчивостью она никогда не отличалась. Я полностью соглашусь с высказанной Виктором Кожемяко мыслью, что лучшие женские образы в повестях и рассказах Распутина (*а они все лучшие!*) вобрали в себя и отразили прекрасный образ жены Распутина, все лучшие её качества характера...

...Отпевали эту удивительную женщину, скончавшуюся в возрасте 72 лет, в прекрасном большом храме Богоявления в Иркутске. Когда у Светланы Ивановны обнаружили онкологическое заболевание, она стала угасать на глазах, и никакие медикаментозные средства не помогали. Люди, даже самые лучшие, увы, не бессмертны, но зато бессмертна наша любовь к ним. Вспоминается мне мистический случай, происшедший во время нашего посещения кладбища, где была похоронена жена Распутина. Быть может, я поступил тогда чересчур настойчиво, хотя знал, что Валентин Григорьевич тяжело переживает смерть жены и неважно себя чувствует. Но желание отдать дань памяти этой удивительной женщине, постоять у её могилы, оказалось для меня непреодолимым. И только ли для меня? Твёрдое намерение отдать дань памяти Светлане Распутиной собрало тогда в небольшую делегацию и писателей, и режиссёра, и знаменитого телеоператора Анатолия Заболоцкого...

Мы решили не напрягать Валентина Григорьевича просьбой сопроводить нас на могилу его недавно умершей жены. Однако, сев в машину, поняли, что без Распутина всё равно никак не обойдёмся: не сможем найти могилу его супруги. Чего мне стоило тогда набрать номер сотового телефона Распутина и покаянно попросить его объяснить, как попасть на могилу его жены. Распутин выслушал мою сбивчивую от волнения просьбу. Помолчал минуту, которая показалась мне вечностью. И принял решение, что поедет с нами, потому что одни мы, несмотря на его пояснения, могилу Светланы Ивановны не найдём. На душе у меня было беспокойно от осознания, что придётся Валентину Григорьевичу на кладбище лишний раз переживать утрату любимой жены...

Но тяжело на сердце было лишь до тех пор, пока мы, стоя у могилы Светланы Ивановны, не увидели... белочку. Красивая светленькая белочка спрыгнула вдруг с дерева и стала крутиться вокруг нас, стоявших недалеко от могилы Светланы Ивановны. Оператор Анатолий Заболоцкий снимал эту пушистую красавицу в разных ракурсах, а я буквально обомлел и сказал молчаливому, как всегда, Распутину: «А ведь это душа Светланы Ивановны нас увидела и к нам спустилась!». Сказал и – осёкся, боясь, что брякнул лишнее. Но увидев мгновенно просветлевшее лицо Валентина Григорьевича, я понял – он согласен со мной.

В такие удивительные моменты так ясно понимаешь, что любовь бессмертна!.. Светлана, светлая... Рядом с Распутиным только и должна была быть такая светлая добрая жена. Его думы о будущем России становились

всё грустнее по мере того, как он становился старше и понимал всё больше и больше из того, что обычному человеку, слава Богу, понимать не всегда дано. Гении платят за свои прозрения болью сердца! Светлана Ивановна светом своего жизнелюбия и понимания по мере сил рассеивала неизбежную печаль классика. Она была солнечным лучом во мраке современной России, который согревал Распутина, освещал ему путь во мраке его предвидений и провидений... Когда её не стало, этот мрак сгустился чернее ночи! Ушла светлая и Богом данная нашему великому писателю спутница жизни, лучшие черты которой увековечены Валентином Григорьевичем в его ярких женских образах России.

Закончить мои размышления хочется на поэтической высокой ноте, которой отмечены завершающие книгу стихотворения Владимира Скифа, посвящённые чете Распутиных и лично светлой Светлане Ивановне:

*Смотри, как время шлюзы растворило:
Потоки жизни катятся стремглав.
И ты идёшь, хватаясь за перила
Среди обвалов и церковных глав.*

*Святых церквей сияет позолота,
Трубит Архангел в знойной вышине.
Тебе вернуться в прошлое охота,
Увидеть тополь мартовский в окне*

*И яркие неоновые буквы,
Что кажутся волшебными со сна.
Московскою засахаренной клюквой
Полакомиться, стоя у окна.*

*Мерцает сумрак звёздною слюдою,
Взирает с неба Всемогущий Бог,
А на земле, засеянной бедою,
Уносит время почву из-под ног.*

*Но всё ещё не умирают нивы,
Цветут сады и зеленеет лес,
И, может быть, поэтому мы живы,
И ждём прощенья Божьего с небес.*

К трагическим и одновременно таким светлым строчкам добавить нечего. Разве что вспомнить слова русского классика Василия Андреевича Жуковского, сказанные о таких светоносных людях, какой была Светлана Ивановна Распутина: «Не говори с тоской “ИХ НЕТ!”», но с благодарностью – “БЫЛИ!”».

ПОЭЗИЯ

Таисия Владимировна Гуськова – родилась в белорусском городе Слониме. Автор пяти книг стихов и прозы. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2011-2013». Награждена медалью им. А.С. Грибоедова, дипломант литературной премии «Серебряный крест». Член Союза писателей России.
Живёт в Москве.

Таисия ГУСЬКОВА

«Ты помнишь, как...»

Пойду куплю авоську апельсинов...
Авоська есть, лежит с времён застоя.
Но вот звонит моя подруга Зоя, –
Разрушена дневная исихия.
«Пойду куплю авоську апельсинов,
Уже сняла авоську с антресолей.
Пока-пока, привет братишке Толе» –
А в Слониме, я знаю, исихия.
Пойду! Куплю! Авоську апельсинов!
Раскрашу день февральский тёмно-синий.
И все раздам прохожим апельсины
Я за улыбку лишь, за исихию.

Скучаю, Слоним! Скоро ль будем вместе?
Жду встречи, как певец ждёт встречи с песней.
Как ждёт своей единственной любимой
Тот юноша, достойный и красивый.
Как ждёт моя земля зерна пшеницы,
Как смерти ждёт зерно, чтобы родиться,
Как ждёт художник жертвенной природы,
Как скульптора ждёт мрамора кусок,
Как мать ждёт сына, глядя на Восток...

По холодному льду? – Нет, по сердцу
Прокатились слова твои.

– Боже Правый, помилосердствуй! –
И подарком – дождей струи.
Мебельщик! Не добавляй красок
Тусклых в кресло – ни сесть, ни встать.
Слышишь, в рожок подпасок
Песням дарует власть!
Вот бы слушала денно и ночью,
До когда петухи пропоют.
От заутрени до всеобщей
Нашла б думушкам-думам уют.
Мебельщик! Князе мой! Мастер!
Верю, молюсь и пою
И, задыхаясь от счастья,
Улыбку целую твою!

Ты помнишь, как тогда, во время оно...
Скажу попроще: я ещё жива.
И на Аничковом, как прежде, пляшут кони,
Воспоминанья живы и слова.
От коих я, бледна, как мраморная Лето,
Запрятала слова твои в тулуп.
Грешна, ответила строкою Фета, –
В такой момент всегда иного ждут.
...Потом брела одна вечерним Невским
(Простите, вру, метель была подругой мне),
И оглянулась: кони в снежном блеске,
А рядом с ними – Клодт и Фальконе.

Улетаю на север
Я из тёплого края.
И печалится веер –
Символ солнца и рая.
...Привыкать вновь к дождям
И колючему снегу,
И к искусным вождям
Вновь испытывать негу.
Привыкать к холодам
И морозам за тридцать...
Мой попутчик летит в Магадан
Сквозь меня, сквозь дожди, сквозь столицу.
И ни слова о нужных словах,
Их забыл, к ним уже не причастен...
– Я бы кофе, а вам? –
И уже хорошо. И похоже на счастье.

Расплата за счастье

Неприятности следовали одна за другой. Но они не так бы больно ранили, если бы не эта тля. Тля просто! Вша в коросте, как помнится бабка-соседка, когда они ещё в посёлке жили, где отец директором комбината был, говорила про особо вредных. Иннокентий вот даже забыл, когда в последний раз улыбался, а эта тварь всё время весёлая. Хиханьки да хаханьки. Хоть всё прова-лись сквозь землю, она ржать будет. Иннокентий, Инок, как его ещё со школы звали, даже к духовнику, в храм возле их дачного посёлка, ходил. Мол, не могу злобу в себе побороть. Тот его под-держал. Себя, дескать, не вини, это одалиска, и честный человек, как ты, не может равнодушно таких воспринимать, тем более когда вокруг люд-ские беды, а то и горе неодолимое, она веселится. Равнодушие зачерстило её душу.

Ведь несправедливо, говорил Инок, что бо-гатому, словно в ушко, не пролезть, а эта, полу-чается, без мыла, смеясь, и уже там, в Царствии Небесном?! С какой это стати? Должна же быть высшая справедливость! И в этом батюшка под-держал, что да, это несправедливо, но поскольку Господь справедлив, он и есть правда, то ты попа-дёшь. А она за свои грехи, за равнодушие будет в геенне огненной. Хорошо бы: он – в раю, а эта шваль – жарится. Смейся, смейся. Хорошо смеёт-ся тот...

А не сглазила ли именно она его, Иннокентия? Настоящая сатана в юбке. Чего вдруг через пень колоду у него всё пошло? Вот купил две кварти-ры на площадке, именно в этот дом захотел все-литься, вид шикарный на Москва-реку. Мог себе позволить. Здесь квартиры в своё время Сталин раздавал всяким учёным, народным артистам, пи-сателям, которые, слава Богу, обнищали, и квар-тиры распродавались бойко. Инок две соединил – пианиста какого-то, говорят, известный был, и учёного. Тоже – лауреат-разлауреат. Получилась почти в двести метров квартирка. Казалось бы, хо-рошо. Но вдруг какой-то дурацкий закон приняли,

Екатерина Фёдоров-на Глушик – родилась в Ижевске, закончила фило-логический факультет Удмуртского государ-ственного университета, работала учителем рус-ского языка и литерату-ры в школах родного го-рода и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за кни-гу рассказов «Простые разговоры». Лауреат пре-мии «Лучшая книга года» (2006) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толсто-го, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.

и столько нервов стоило перепланировку сделать! Так ужесточили всё! Про-рабы не брались даже за ремонт, мол, лицензии лишат. Все за свои шкуры трясутся. Самому пришлось всем заниматься, разруливать... Вот тогда он эту девку или бабу, не поймёшь, сколько и лет ей, заметил. Вернее, услышал: вы-шел на балкон покурить, а она на соседнем – в соседнем подъезде её кварти-ра – стоит, ржёт. У Иннокентия всё на нервах – сказали, что жилищный ин-спектор несговорчивый, вполне могут в суд подать на то, что стену несущую снесли, он всех матом кроет, а эта – ржёт! Смешно ей. Да ещё на него глянула, когда он орал на прораба, и ушла с балкона. Не понравилось! А ему её ржанье понравилось?

Бизнес у Иннокентия сразу хорошо пошёл. Успел вскочить в нужный ва-гон, папа подсадил, так сказать. Просто завод на себя переписал. И всё! Юри-дические всякие закорюки – и вот уже всё в ажуре. Не промышленный гигант, не нефтяные прииски, но на всё и на всех хватало. Папу в Швейцарию отпра-вил, пусть поживёт на старости лет, заслужил. Мама выкинула фортель – в Белоруссию уехала, на родину. К школьной любви! Обалдеть. Отец подозре-вал, что она просто хотела в Советском Союзе остаться, а Лукашенко у себя его, Союз, собственно, сохранил. Детей Инок в частную школу в Англию от-буксировал, жена тоже там, при детях. Самому можно гулять. Дача, кварти-ры, любовницы, горные лыжи, брендовые вещи, деликатесы... Всё катилось в гору и в гору! Не олигарх, но в «Одноклассниках» светился. Выходило, что из его однокашников и институтских друзей-приятелей лучше всех устроился.

И вдруг на заводы (а Инок ещё два смежных схавал) проверка за провер-кой! Сначала было непонятно, старые схемы «договориться» не работали. По-том прошил: новый губер и команду новую привёл, там силовики – все в оли-гархи хотят. И стали безбожно отжимать всё! Инок яхту сыну на окончание школы обещал, а тут давай счёта морозить, яхта под вопросом, сын (и вполне справедливо) скандалы устраивает: он обещал на выпускной загрузить дру-зей на яхту и в круиз отправиться. Ситуацию удалось разрулить: пришлось переуступить один завод почти задарма. Зарплаты полгода не выплачивал, но это мелочи, не впервой. Вот завода лишился – это да! И каких нервов это всё стоило! Сын звонит, ноет, отец к казино пристрастился, всё, что можно, продул, даже дом заложил. Жена непонятно как себя ведёт, очень подозри-тельно.

Ко всему прочему, когда рулил из сигарного клуба, где коньячку набрал-ся, сбил тётку какую-то на переходе! От неё тут же откупился, от гаишников еле отмазался, но самое противное, что красавца «Ройл-Ройса» коллекцион-ного покалечил. Еле восстановил. И без того не лучшие в финансовом отноше-нии времена, а тут траты некстати. Всё на нервах! Было опасение, и с каждым днём сомнения были более и более обоснованными, что жена на развод может подать. В Лондоне адвокаты откровенно пасут русских баб. Подстрекают на разводы, зная, что на них всё и оформлено. Целая индустрия! Сколько уже таких трагедий у мужиков, что семьи в Англию перевезли! Бабы подают на развод и обнуляют! Приходится порой с земли всё начинать, а в России по-ляны все уже объели, на Западе же тебя вообще ни к чему не подпускают, что может прибыль принести. И если заходишь на второй передел, то смертельно рискуешь! Хуже, чем в девяностые! Тогда было, что отжимать и где урвать, не получилось – отскочил. А сейчас? Только бюджет. Но там таким частокол-ом наставлено «интересантов»! И вот Инок, как лист, вынужден дрожать, что у него всё уполовинится в лучшем случае. А Зинка почти и не скрывает,

что по мужикам шляется. Он как-то сказал, что этим кобелям не ты, штопаная-перештопанная операциями, нужна, а мои деньги. Она нагло так: а думаешь, ты кому-то нужен? Даже мне уже не нужен. А деньги у меня свои, и у меня их больше, чем у тебя.

И это действительно так! На неё почти всё переписано...

У Инока от всех этих переживаний волосы даже в носу и в ушах поседали. А эта тварь – всё хохочет. То, что она уличная, и к бабке не ходи. И не стесняется: без зазрения совести выйдет на балкон и договаривается, когда, на чём к клиенту поедет. То машину за ней присылают, то она на метро, мол, пробки. Но сама чтобы, видимо, сэкономить, на метро добирается. Они же хабалки, эта публика. Удавятся. Кто-кто, а Инок это сообщество знает. И ой как хорошо! Обговаривала то и дело, что с ночевой не может, если только поздно вечером приедет, а рано утром – назад... Сколько раз Инок видел, как её на разных машинах привозят! Как-то сам ранним утром приехал, привёз друга-архитектора, чтобы оценил, всё ли правильно в квартире делают. И эта выпархивает из «Майбаха». Бросает мужику: звоните, если что, всегда готова. Пłasz не застёгнут, и под ним светится белый халат. Видимо, ролевые игры практикует, как медсестра к клиенту приезжает. Тьфу! Надо какой-нибудь совет дома создать и потребовать выселить такого рода дамочек. Дискредитация порядочных людей, бизнесменов, надежду России, если уж на то пошло!

И точно, он правильно догадался: стоит как-то на балконе, кому-то дудит в трубку: мол, приятно, что вам меня рекомендовали как профессионала (!!!). Но у меня столько клиентов (!!!), и я не могу моим постоянным отказывать. Извините, не смогу.

Во как! Нормальные бизнесмены и клиентов ищут, и заказы, а у этой – избыток, копаются! Чего бы ей не хохотать, с такой-то жизнью?

Шмотки дорогие у неё. Инок в этом разбирается, его на рыночном шмотье не проведёшь. И меняет эта фря наряды так, что не всякая шоу-звезда, если у неё с бутиками нет договора об использовании брендов, может себе позволить. А как-то столкнулся во дворе: идёт эта заноза с парнем совсем молодым под руку. Повисла на нём. Лет за 10 моложе пацан. И тоже – хохот русалочий, улыбка до ушей. Развратит парня!..

Иннокентия злило то, что он на ней зациклился. Чего она ему? Плевка не стоит, а он о ней всё время думал. И всегда – с раздражением и злобой. И только её на балконе дурачком замечал (могла бы не шмотки дорогие покупать, а отремонтировать балкон по-человечески) или слышал смех – вскипал! Кровь к лицу!

Однажды поймал себя на том, что хочет от неё избавиться. Ничего другого не оставалось. Не переезжать же самому из-за этой дряни, что жизнь ему портит. Ведь даже если он переедет, она-то останется, и он будет её рожу смеющуюся вспоминать, смех в ушах будет стоять. Он не мог переносить этого абсолютного счастья и беззаботности. Не может никто ему жизнь своей радостью портить! Ему вся школа, весь институт завидует, а он – этой уличной! Надо точку поставить!

И когда решил, что так и сделает, сразу всё в ином виде представало. Вот когда уезжал к семье, наведать-проведать, прозондировать, там хватало расстройств. Его Зина из магазина (она до свадьбы в овощном работала) с ним обращалась так, что можно было не сомневаться: готовится его кинуть. Ему приходилось с ней заискивать, лихорадочно ища варианты, как бы на себя

всё, что пока возможно, перевести. Не удавалось. Зина мегерой всегда была, а оказалась ещё и ушлой! И этих дур, что мужей обидают, потом подхватывают английские аферисты. Год-два, и она на улице без всего! А этот некогда обедневший сэръ уже – разбогатевший сэръ.

Инок нервы сжигал, как солому, в этом своём английском поместье. Пока своём! Но когда приезжал в Москву, приходил в эту квартиру, где его опять доставал смех девки, он уже не свирепел, а улыбался: недолго осталось.

Конечно, чего ей не ржать, забот-то никаких! Ни с родителями не видел её, ни с детьми. Таким вообще зачем семья? Они только о себе и своих удовольствиях думают. Дети им мешают. Вон на Иннокентии сколько забот: и родителей содержи, и семью. Ещё одна на стороне родила! От него, не от него, неизвестно, а скандала боится: если что вдруг всплывёт, Зина вмиг подаст на развод. И он будет виновником распада семьи, суды вообще могут без штанов оставить. Так что ту с ребёнком тоже приходится содержать. Одни заботы и проблемы, одним словом. Так что – решено!

...Инна Викторовна открыла участковому. Тот был с каким-то мужчиной. Жила она в этом доме давно, ещё отцу, молодому тогда композитору, квартиру дали. Уже во всём доме и осталось-то пара человек из прежних жильцов. Так что участкового своего Инна Викторовна знала хорошо, он её тоже. Она из дома выходила редко: к ней приходили ученики, она им «руку ставила» на фортепиано. И здоровье не очень, чтобы разгуливать, да и не радовало ничто на улице. Всё изменилось даже во дворе! Кто только не понаехал! Из старых осталась Ольга Евгеньевна, вдова настройщика супер-класса, для которого в Союзе композиторов музыканты квартиру выхлопотали – такой был бесценный специалист. Саму Ольгу Евгеньевну парализовало. И её дочка, прекрасная пианистка, отказалась от работы музыканта, прошла спецкурсы медсестёр, чтобы за мамой ухаживать. Вот дети Инны Викторовны в Америку укатили, и за ней тоже Ирусюшка приглядывает: уколы, массаж, капельницы – золотые руки, ангельское терпение! Всё с улыбкой, всё со смехом. Посмотришь, будто и забот у той никаких нет. Инна Викторовна как-то спросила: чего ты, Ируся, замуж не выходишь? А та слёз не смогла сдержать, мол, ведь ни в дом не приведёшь кавалера, ни сама не уйдёшь от мамы, а к ним ещё и золовка – сестра мужа-покойника переехала из деревни. Сын пьяница, ещё и поколачивал. И вот Ируся поехала и привезла себе на шею ещё одну лежачую. Двоих обихаживает. И не может домашним ничем выдать, что ей тяжело или грустно, надо маме и тёте показывать, что у неё всё хорошо, ей всё легко даётся.

Зарабатывает на уколах-массажах. Её, как драгоценность, из рук в руки передают: так всё хорошо делает, такое настроение в дом приносит – в любой. И даже безнадежные хорохориться начинают. Какая-то у неё врождённая деликатность. Она не с наигранным оптимизмом что-нибудь ляпнет, а мягко, умеет ко всем подход найти. Инна Викторовна то и дело видит: порхает-бежит на очередной заказ к клиенту, будто на свидание или на праздник. Как-то увидела – в белом халате из машины выходила, спросила, ты что, в халате к клиентам ходишь? Ируся говорит: да мой пациент в больницу лёг, но внутривенный укол никому не позволяет делать, я к нему езжу, так что одеваюсь по форме.

Похвалила Инна Викторовна как-то её пальто: красивое, видно, что дорогое, а Иручка ей: да мне же клиенты свои вещи отдают. Они поносили, новое покупают. А мне, как тому подлецу – всё к лицу. Так что с клиентского плеча

у меня всё. Донашиваю! И об этом, в общем-то, довольно неудобном обстоятельстве, весело, шуткой говорит.

Похвалилась: её бывший ученик, кому она уроки на дому музыки давала, конкурс выиграл. К ней с букетом пришёл, потом сводил её в кафе, отметили. Даже прослезилась: то ли от радости за мальчишку, то ли от сожаления, что музыка – в прошлом. Сама ведь тоже лауреатом становилась.

И вот – участковый со следователем в дверях, с опросом пришли: ничего подозрительного не видели, не слышали? А что такое? Иру из 49 квартиры убили.

Чем-то тяжёлым по голове – размозжили буквально. Накануне вечером. В слепой зоне – в арке соседнего дома. И уличные камеры, где они есть, ничего не дают: там проходной двор, вечером видно, что до неё пятнадцать минут никто не проходил в арку. И вот идёт Ирина, сворачивает в арку, но со двора камера не фиксирует, что выходит. Через пять минут в арку заходит женщина и выбегает обратно с криком – на труп наткнулась. Но никто не выходил, не заходил ни до, ни после убийства. В арке в стенах есть входы в служебные помещения, типа дворничих. Замок одной из дверей легко открывается, и из помещения на две стороны окна – убийца мог выпрыгнуть. И на чердак есть ход по чёрной лестнице. А крыши и верхние этажи камеры не захватывают. И это значит, что человек ждал именно Иру и убивал целенаправленно именно её.

Инна Викторовна в себя прийти не могла. Её окна на улицу, она и не увидит ничего. Но это убийство Ирочки не укладывалось, не укладывалось! Такая девочка хорошая! Её все любили. Чудесная девочка. За что? Горе какое! А две старые беспомощные женщины как же?

Дверь в их квартиру открыли Ириным ключом – лежащие женщины не могли даже откликнуться на звонок. У Иры в сумочке был паспорт, по нему определили личность и прописку. Лицо так размозжено, что не узнать было бы. На звонки в квартиру участковый услышал крики, открыл дверь ключом и даже не мог сказать старым больным женщинам о случившемся. Когда всё-таки сообщил о трагедии, у обеих – сердечный приступ. Их увезли в тяжелейшем состоянии в больницу.

...Он всё продумал! Идеально! Его захватило: обдумывание, подготовка. Иннокентий вспомнил детство, как по крышам с пацанами лазили, как в казачьи-разбойники играли, продумывая, как не попасться взрослым, в то время активно делавшим замечания ребятам в процессе «коллективного воспитания». Долго готовился. Одна рекогносцировка чего стоила! Как прийти, как отойти, где камеры, где нету...

Эта тварь, разговаривая по телефону, то и дело наводки на себя давала: вернись тогда-то, поеду на метро. Или: меня подвезут. Вот и в тот день стоит на балконе, докладывает кому-то: вернись в десять, сразу вам фотографии вышлю. А из метро она идёт через эту арку, которая вечером совершенно безлюдна. Несколько часов у Инока в запасе. Когда клеил усы и бороду, шпионом себя чувствовал. Вот это драйв!

Иннокентий залез через крышу соседнего, примыкающего к дому с аркой, здания, с чердака спустился по лестнице, отпер дверь служебного помещения, прикрыл её, чтобы распахнуть в нужный момент было легко, и через запылённое окно, выходящее на улицу, следил. Вот показалась одалиска. Делает последние в её жизни шаги. Он резко открывает дверь, со всей силы бьёт битой, потом мозжит харю, убеждается, что нет дыхания, запирает дверь,

бежит на чердак, там переодевается в заранее подготовленную одежду, всё складывает в сумку, забирает с собой, перебирается на соседнюю крышу, через чердак выходит в подъезд, оказывается на другой улице, дворами, где нет видеокамер, проходит к оживлённой улице, тормозит такси, добирается до вокзала и уезжает во Владимир.

Раньше надо бы додуматься, а не мучиться от издевательств смехом и беззаботностью.

Вернулся через неделю, вышел на балкон и наслаждался пустотой соседнего балкона и тишиной. Буквально гробовой! Счастье – это когда поблизости нет никого, кто был бы радостнее тебя!

А ведь и сосед по даче раздражает. Тоже всё у него хорошо. Живёт с одной и той же женой, она уже – без слёз не взглянешь, а всё сидят, за ручки держатся. Инок хотел участок прикупить – ни за что не продали. У них тут, видишь ли, дети росли. Мало ли у кого где кто рос?! Инок вон в занюханном посёлке рос, и что?! Пусть там хоть кто селится в бараке, где они, семья директора комбината, жили пару лет, пока не построили для них дом. Не борзо ли живёт? Нет, так продолжаться не может.

Сосед – консультант какой-то выдающийся. Два раза в неделю (сам за чаем делился) ездит в концерт, консультирует, под него селектор собирают. Сам за рулём. На одном участке дороги к их дачам никаких камер нет. Через лес с другой стороны можно выйти, просматривается трасса далеко, по мобильнику отслеживать, разовый купить, чтобы самому-то не засветиться...

Да, Инок уже принял решение.

Спорт

Некоторые ребята, с которыми я когда-то тренировался, достигли неплохих результатов и даже входили в сборную Советского Союза по лёгкой атлетике. Одним из них был Володя Абрамов, с которым мы не только несколько лет жили в одной палатке в летнем спортивном лагере под Бронницами, но даже два года учились в старших классах 632-й школы Калининского района г. Москвы с 1964 по 1966 год. За это время мы стали чемпионами района и завоевали 3-е общекомандное место среди школ г. Москвы по лёгкой атлетике. А в январе 1965 года во время зимних каникул победили в соревнованиях на кубок Валерия Брумеля в манеже старого института физкультуры. Тогда мы впервые увидели нашего прославленного прыгуна в высоту. Затем наши дороги разошлись. Я начал работать, учился на вечернем отделении в МВТУ им. Н.Э. Баумана и периодически, в зависимости от свободного времени, занимался судейством соревнований по лёгкой атлетике, т.к. закончив 9-й класс и получив паспорт, успешно отучился летом в школе спортивных судей в Лужниках. На этот шаг я решился с лёгкой руки старшего тренера нашей спортшколы «Серп и Молот» (СиМ), олимпийского чемпиона Мельбуерна в ходьбе на 20 км Леонида Васильевича Спирина. Он же подарил мне тогда свой экземпляр «Правил судейства в лёгкой атлетике» с дарственной надписью. Поэтому до сих пор я считаю, что именно Спирин и дружный коллектив остальных тренеров помогают мне уверенно идти по жизни и, несмотря на пенсионный возраст, продолжать с удовольствием участвовать в различных соревнованиях среди ветеранов.

Володя же посвятил себя спорту, становился призёром Спартакиады народов СССР, первенства Советского Союза и других крупных соревнований. Позже он даже стал мастером спорта международного класса по прыжкам в высоту.

На очередном первенстве Москвы я попадаю на судейство в сектор для прыжков в высоту.

Александр КУЩ

Александр Андреевич Куш – родился в 1949 г. в Москве. Окончил МВТУ им. Баумана. Трудовая деятельность была связана с вычислительной техникой, ветеран труда. По итогам 1989 г. был признан лучшим по профессии Министерства радиоэлектронной промышленности СССР и награждён Почётным дипломом. Победитель и призёр конкурсов профессионального мастерства Минрадиопрома СССР. Член МГО СП России. Награждён дипломами за участие в конкурсах МГО СП России, регулярно печатается в газете «Московский литератор». Участник IV Фестиваля славянской поэзии в Варшаве в 2011 г. Лауреат конкурсов МГО СП России «Лучшая книга 2011–2013, 2012–2014» (книги «Такая жизнь», «Перестал удивляться плохому», «Его Величество Случай»). Живёт в Москве.

Подготовили и проверили наше судейское оборудование, ждём спортсменов. А затем – немая сцена, я не верю своим глазам. Один из подошедших в сектор – В. Абрамов. Понятно, что первый вопрос, прозвучавший с его стороны после приветствия, был: «А что ты тут делаешь?». Объясняю, и в короткие перерывы между попытками мы продолжаем общение. Я уже не помню, какую высоту он тогда взял (а прыгал Володя тогда уже за 210 см), но наш вид закончился часов через 5 после начала соревнований. Измотаны были и спортсмены, и судьи. Больше мы с ним не пересекались.

Хотя однажды я также «попал» на знаменитого в прошлом прыгуна Игоря Кашкарова. После окончания спортивной карьеры он приходил на соревнования не выигрывать, а просто проверить свою спортивную форму. Насколько я тогда понял, главным для него было выполнить норматив мастера спорта СССР – преодолеть планку на высоте 203 см. А дальше – как фишка ляжет. Я всегда поражался трудолюбию великих спортсменов, их отдаче и самоотверженности. Я постоянно видел, с каким уважением к ним относятся более молодые соперники. Позже, перешагнув 60-летний рубеж, я с интересом стал наблюдать за бывшими мастерами спорта на соревнованиях ветеранов по настольному теннису и бадминтону. Старая советская закалка была видна сразу. Без боя никто никогда не сдавался. Все «рубилась» на пределе своих возможностей, не щадя ни себя, ни соперника. Вообще жизнь очень интересная штука, и возвращаясь снова к Его Величеству Случаю, хочу вспомнить ещё несколько эпизодов, которые в условиях такого очень большого мегаполиса как Москва, иногда кажутся невероятными.

Был у нас один парень, Виктор, который специализировался на метании молота. Для тех, кто не знает, что это такое, сделаю небольшое пояснение. В этом виде лёгкой атлетики надо иметь хорошую технику и отменные физические кондиции. Молот вместе с ручкой и проволокой весит чуть больше 7 кг, но при раскручивании спортсмена во время выполнения броска обладает просто убийственной силой. Можно запросто повредить свои руки, а зазевавшийся судья в поле может быть просто изувечен этим снарядом.

Виктор был на несколько лет старше нас с Абрамовым и летом тоже жил в нашем спортивном лагере. В столовой мы старались сесть с ним за один стол, т.к. тренеры постоянно подкармливали его со своего стола, а он никогда не отказывал в добавке нам. Потому что, несмотря на хорошее питание, после двух тренировок в день есть хотелось всегда. Разминался Виктор очень своеобразно – брал на плечи штангу весом 60 кг (примерно столько я тогда весил) и не спеша «трусил» по нашему стадиону. Мы заворожённо наблюдали за этим здоровым и крепким парнем.

Так вот. С ним я сначала пересёкся на одной из улиц Москвы и с трудом его узнал. Худой, одежда болтается как на вешалке, голова лысая. Оказалось, что он попал служить в спорт-роту Таманской дивизии и сейчас в увольнении. Следующая встреча произошла «заочно». В газете «Спортивная Москва» наткнулся на заметку о соревнованиях культуристов в Лужниках по поднятию тяжестей. Заинтересовала меня фамилия и имя победителя – В. Сафонов.

Спустя некоторое время на первенстве Москвы попадаю на судейство в сектор метателей молота. И снова чудо – вижу Виктора в хорошей спортивной форме, снова здорового и весёлого. Тут уж встретились как братья, остальной народ, включая судей, смотрел на нас с изумлением. Начались соревнования, и тут я увидел то, что потом никогда не пришлось лицезреть. В одной из попыток молот вырвался из рук Виктора, попал встык ограждающей сектор

металлической сетки и столба, пробил дыру и выскочил наружу. Хорошо, что там никого не было. Потому что однажды на зимних соревнованиях на стадионе братьев Знаменских в Сокольниках копьё не воткнулось в снег, а заскользило при приземлении по твёрдому насту и воткнулось в ногу судье в поле. Стоял ясный солнечный зимний день, и судья просто прозевал такое неудачное приземление копья, т.к. стоял против солнца.

Улучив момент, я поинтересовался у Вити по поводу заметки в газете. Он заулыбался и начал рассказывать, что на эти соревнования попал случайно (опять ЕВС), хотел после армии проверить себя. Вот и проверил, опередив всех. Тогда он и понял, что эти культуристы по сравнению с настоящими спортсменами просто слабаки. А я вспомнил, что даже зимой у нас было две беговых тренировки в манеже на стадионе «Энергия» в Лефортово и две силовых на стадионе «Металлург» на берегу Яузы, т.е. тренировались мы четыре раза в неделю и «гоняли» нас по полной программе. Ведь один из тренеров был аспирантом института физкультуры и проверял на нас различные новые методики. Чего он только с нами не делал! То на специальной кровати, предварительно привязав руки или ноги, измерял силу определённых групп мышц, то принимался измерять величину жировой прослойки у каждого из нас. Дело доходило до смешного. При росте 178 см я в то время весил 62,5 кг. У меня «нашли» около 4-х кг жира. У Абрамова рост был уже за 180 см, весил он чуть больше, жира «нашли» 2,5 кг. Хотя, когда он раздевался, то больше походил на узника концлагеря, чем на спортсмена. Так что многие тренировки проходили у нас весьма весело.

Иногда наши тренировки превращались просто в цирковые аттракционы, поскольку наш основной тренер Анатолий Антонович Селивёрстов был горазд на различные придумки, лишь бы всё это шло нам на пользу и не отбивало желаний тренироваться. Помню, отрабатывали низкий старт и уход с колодок. Антоныч устал нам объяснять, что полностью разгибаться надо только где-то метров через 8-10, чтобы не терять скорость, тем более что периодически нам показывали спортивные фильмы с разных соревнований. Но всё равно мы частенько выпрямлялись раньше. Тренер не стал больше тратить время на разговоры и принёс 5-ти метровый деревянный брус, который укрепил на определённой высоте метрах в 4-х от старта. Набив себе не одну шишку на лбу, мы быстро поумнели.

Ещё одним «излюбленным» упражнением для нас в лагере стал бег по кругу с высоко поднятыми коленками. Тренер привязывал нам к поясу верёвку длиной около 10 метров, и мы, как скаковые лошади на манеже цирка, «грациозно» вскидывая коленки, носились вокруг него по кругу. Но апофеозом всего в конце тренировки был бег на время – два круга по 300 метров. Анатолий Антонович давал установку: «Кто не выйдет из 2-х минут, тот побежит ещё раз!» В один из дней после первого круга он кричит мне, что я побегу ещё раз. Не знаю, откуда взялись силы, но мой результат был 1 минута 59 секунд. Вот так нас учили преодолевать себя, что очень пригодилось потом во взрослой жизни.

Помню, наш шестовик начал курить. А шест в те времена был металлический, и прыгуны приземлялись в опилки. Антоныч решил отучить шестовика от вредной привычки на наших глазах, чтобы другим в будущем nepовадно было. После каждого прыжка, когда тот вылезал из прыжковой ямы весь в опилках. Тренер спрашивал: «Будешь курить?» Тот сначала бодро отвечал, что будет. Где-то после 15 прыжков подряд, он с набитым опилками ртом,

только кивал головой. К сожалению, курить он так и не бросил, и был отчислен. Так мы все увидели, что спорт дело серьёзное и работа эта тяжёлая.

Во время силовых тренировок мы не только «качались» со штангой и гириями, но и прыгали через коня, крутили сальто с подкидного мостика и т.д., что очень пригодилось на уроках физкультуры в школе. Был у нас Толя Неплюхин, чемпион страны по прыжкам в длину среди юношей. Прыгал он тогда за 7 метров, т.е. по I взрослому разряду. И вот Антоныч придумал нам очередное «развлечение». Мы разбегались, отталкивались от подкидного мостика, взлетали на коня, а с него надо было как можно выше выпрыгнуть под потолок. В самой верхней точке тренер командовал: «Направо или налево». С координацией движений у большинства в таком положении как-то не заладилось. Поэтому отрабатывали это упражнение до изнеможения. И тут Толик, а он был старше нас на 3 года, показал нам «высший пилотаж». За пару-тройку прыжков с коня он однажды умудрился выкрутить лампочку на потолке, мимо которой мы постоянно пролетали. Все были в шоке, когда он приземлился с горячей лампочкой в руках. Вкручивали её уже с помощью стремянки.

А последняя совсем уж неожиданная встреча с моей спортивной юностью произошла в небольшом подмосковном посёлке Назарьево в местном магазине. Передо мной двое мужчин разговаривают о поминках, упоминая фамилию Спирин. В памяти всплыл наш старший тренер. Интересно, как звали покойного и выясняю, что это на самом деле был Леонид Васильевич. А я и не догадывался, что несколько лет работал рядом со своим старшим тренером.

Мне иногда везло быть рядом с лучшим «стартёром» Советского Союза Нимрудом Васильевичем Томасом. Старты он проводил блестяще. На молодёжном первенстве СССР в 1966 году он давал старты на дистанции 200 метров. Я в это время находился в секторе прыгунов с шестом. Всё проходило спокойно и по плану. Но вот разбегаются очередной спортсмен, шест сгибается и... ломается. Атлет с куском шеста летит на землю, а второй кусок снаряда прямиком несётся к месту старта бегунов. Томас уже приготовился стрелять, была подана команда «Внимание», а тут такой форс-мажор. Боковым зрением спортсмены видят летящий на них обломок шеста, стартёр шарохаётся в сторону, бегуны без выстрела пулей слетают с колодок. Фальстарт, но все живы и невредимы. Всё это происходит в течение каких-то нескольких секунд. Мы же, проводив взглядом огрызок шеста, бросаемся к своему неудачному прыгуну. Тот, слава Богу, жив и невредим, видимых травм нет, но парень сильно напуган. Ещё бы, такое ведь случается не каждый день.

Жалею теперь только об одном. Если бы тогда начал записывать все интересные случаи, то материала накопилось бы наверняка не на одну книгу.

ПОЭЗИЯ

Алексей Юрьевич Сергеев – родился в Москве, на Плющихе, рисовал, служил, учился, занимался спортивным туризмом, ездил в фольклорные экспедиции, преподавал живопись; постоянный автор альманаха «Славянские встречи», член МГО Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Алексей СЕРГЕЕВ

«Была моя мечта кнутом избита...»

Сосуд

Я не спортсмен,
И не игрок,
И больше уже даже не стрелок.
Я просто гражданин Иной Страны,
В которой документы не нужны.
Хозяин дома, друг своих друзей.
Мне жизнь знакома по любви к ней.
И я несу свой собственный сосуд –
Несу, как все, ко Господу на суд.
В сосуде том вода лесных ручьёв,
Полночный цокот майских соловьёв
И шум деревьев –
Тех, что больше нет,
И предзакатный, мой любимый свет.
И сюита осени, и вьюжная зима,
Где ёлка, где низёхоньки дома –
Вот то, чем полон тонкий мой сосуд,
И я его несу на Божий суд.
Он благодатью станет для меня,
Как свет неугасаемого дня.

Прошлое

Высокой постройки
Высокие стены,
Дорога меж ними видна.
Солдаты её сторожат переменю
От самого пика – холма.

И замок изящный,
Увитый плющами,
Для мира неслышимый «спит».
И точит ограду его под стенами
Вода, победивши гранит.

Западное путешествие

Стояла дивная жара,
Ручей звенел в тени у вязов,
И становилось это сразу
Картиной мира и любви.
И чувства, что несли Европу
Взрывались.
И к коней галопу
Всё приходило наконец.
То сына звал король-отец,
И замок древний
Полон был
Отрадности
И юных сил,
Что собирались на пир...
Увы, средневековый мир
Не устоял в своём же доме...
Ну а пока, в ручья истоме,
Мы посидим и отдохнём,
И далее себе пойдём.
И шпаги есть, и пистолеты...
Мы этой жители планеты,
И был оружия вид там
Приятен всем жилым местам.

История

Маха усталая бредит:
Ну почему он не едет –
Рыцарь, надежда, мечта!...
Плачет её красота...
Просто след левиафана
Он увидал на дороге.
Бились у крошки-деревни,
Ныли усталые ноги,
Но, с омерзеньем покончив,
Рыцарь помчал к своей махе
То, что он крикнул дерьвенским,
Поняли даже собаки.

Слух и до махи домчался.
Славно они поженились!
В сени высокого замка
В мире счастливых сокрылись.

Эволюция мечты...

Была моя мечта кнутом избита,
Был обездвижен я,
Но спас меня Господь.
Былая жизнь до основания скрыта,
А новую я Богу в дар принёс.
Так трудно долговое побороть!
Но я в доспехах, и рука моя в черниле,
И Место знаю я. Клинок-глагол со мной!
Меня ещё вконец не победили,
И я ушёл дорогою другой.
Здесь Святость, Русскость,
Нет следов марксизма...
И это – всё!
По правде вам сказать,
Так я готов, чтоб жить при коммунизме,
Чтоб только мне мозги не промывать...
Моя мечта – со шпагой обнажённой,
И если надо – всех врагов сразит!
Нимб подождёт – ведь я в неё влюблённый,
Ну а она умаялась и спит.

Низкое небо Ташкента

Путешествия... Ни один современный человек не представляет себе жизнь без путешествий. Поездки в Европу, Турцию и Египет, несмотря на обилие там туристов из России, перестали быть самыми популярными. Люди всё больше рвутся уехать в какое-нибудь экзотическое место: Латинскую Америку, Тибет или Австралию. Но это сейчас, а в том далёком 90-м многие считали за счастье скопить денег на двухнедельный отпуск и махнуть в объединённую Германию, бывшую когда-то шестнадцатой республикой Финляндию, или Болгарию вопреки поговорке: «курица не птица, Болгария – не заграница».

Марине было 25, и она страстно любила путешествовать. Позади уже были Ленинград, Киев и Минск, столицы прибалтийских республик, а также София и Берлин. Но её манил к себе восток. Нет, не дальний, а тот самый, загадочный мир мечетей и минаретов, Навои и Улугбека.

И вот наконец её мечта сбылась: во время её отпуска у родителей на работе организовали поездку по маршруту Ташкент-Самарканд-Бухара. Папа проводил Марину в аэропорт, наказав своим сотрудницам присматривать за его девочкой. Женщины, конечно, пообещали, ибо не могли ослушаться начальника. Но по всему было видно, что им, сорокалетним, тоже хотелось оторваться на полную катушку и насладиться маленьким пятидневным отпуском – три рабочих дня, да два выходных.

Самолёт Ил-86 доставил их в Ташкент. Первый день пребывания на узбекской земле оказался чрезвычайно насыщенным и познавательным, но Марине было мало этих впечатлений. Узнав, что вечером в их гостинице будет национальное варьете, она уговорила папиных сотрудниц сходить туда. Заказав скромную трапезу – пару салатиков и минеральную воду – женщины с удовольствием наслаждались другой пищей: национальной музыкой, танцами восточных красавиц и певучестью узбекского языка.

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. Старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а также трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Когда варьете закончилось, началась дискотека. Что такое дискотека по-узбекски, Марина и представить себе не могла. Человек пятнадцать встали в круг и начали ритмично двигаться под национальные мелодии, сменявшие друг друга, хотя со стороны могло показаться, что звучит всё одна мелодия – длинная, как струна рубаба.

Марина с детства обожала танцы. Не очень гибкая от природы, она становилась необыкновенно пластичной в танце. Заметив, что в кругу нет ни одной девушки, Марина решила исправить эту ситуацию. Представительница другой культуры считала вполне нормальным подойти к узбекам и попросить разрешения встать с ними в круг. Мужчины подвинулись, расчистив для неё место. Ей даже показалось, что они искренне обрадовались её просьбе.

В белых брюках и вышитой кофточке, Марина, как звёздочка двигалась на фоне тёмного неба из чёрных мужских рубашек и брюк. Один из парней подошёл к ней и поинтересовался, не из Ферганы ли она, ибо так, как она, танцуют только Ферганские девушки, и очень удивился, когда Марина ответила, что из Москвы. Это была наивысшая похвала её танцевальным способностям.

После пятнадцатиминутного танца Марины трапеzia женщин стала куда более разнообразная. Мужчины пригласили их за свой стол, где были и разнообразные напитки, и лагман, и плов, и манты... А сколько там было фруктов, и говорить не приходится: медовые дыни, сладчайший урюк и, конечно, сине-чёрный как узбекская ночь виноград.

Вечер пролетел незаметно. В полночь ресторан закрылся. Женщины отправились в гостиничный номер, мужчины уехали. Остались двое – Марина и Фархад. Они вместе вышли на крыльцо, чтобы, стоя под чинарой, полюбоваться небом Ташкента. Ташкентское небо особенное. Оно такое низкое, что, кажется, поднимешь руку и дотянешься до него.

Фархад взял Марину за руки. Они были холодными, хотя на улице было очень тепло. Фархад поднёс её ладони к губам и подул. Безрезультатно. Девушка явно нервничала. Несколько минут он смотрел ей прямо в глаза. И словно прочитав её мысли, он потянул полог на себя, и небо опустилось, закрыв их от посторонних глаз.

И в тот же миг Марина расслабилась и поплыла по волнам удовольствия. Его губы были мягкими, как персик. Она впивалась в эту мякоть и никак не могла насытиться – такими нектарными были его поцелуи. Голова кружилась, наверху проплывали звёзды – одиночные и в созвездиях, но молодые люди ничего не замечали. В этот миг они были одни во Вселенной. И их другом и союзником была безумная, шальная ташкентская ночь.

Фархад пришёл в себя первым, и сквозь пелену Марина вдруг услышала слова, которые не могли быть продолжением сна:

– Марина, мне тридцать лет, и я очень богат: у меня сеть магазинов по всему Ташкенту. Сколько тебе лет? Восемнадцать? Ты, наверное, недавно окончила школу. Я хочу взять тебя в жёны. Ты ни в чём не будешь нуждаться.

– А у тебя есть жёны, дети? – поинтересовалась Марина.

– Есть. Но ты... ты будешь моей любимой женой.

Европейская девушка, Марина никак не могла себе представить, что нужно делить мужчину с другой или другими женщинами не потому, что он от неё загулял, а по закону – на востоке мужчина может иметь до четырёх жён, если он способен содержать и их, и детей, рождённых от этих союзов.

К такому повороту событий Марина была явно не готова, и потому решила немножко потянуть время. Она объяснила Фархаду, что у неё есть

определённые обязательства перед своей семьёй и она должна быть уверена, что финансово они ни в чём не будут нуждаться. Набравшись смелости, она спросила:

– А калым какой за меня родителям моим отправишь?

Ответ юноши превзошёл даже самые смелые предположения:

– Думаю, что полмиллиона будет в самый раз!

Марина не нашла, что возразить и сказала:

– Дай мне два дня на раздумья. Я должна родителям позвонить.

– Хорошо! – ответил Фархад. – Давай послезавтра встретимся на этом месте в семь часов, и ты дашь мне ответ. Надеюсь, он будет положительным.

Он поцеловал Марину на прощанье и, окрылённый надеждой, ушёл. Наивный, он не знал, что их группа послезавтра должна была переезжать в Самарканд, и им никогда не суждено было встретиться вновь.

Когда Марина вернулась домой и рассказала родителям о маленьком приключении в Ташкенте, папа сначала по-отечески пожурил её, а потом вздохнул и сказал:

– М-да... Гдлян с Ивановым¹ ещё не все деньги в Узбекистане нашли!

¹ Тельман Гдлян и Николай Иванов – члены следственной группы Генеральной прокуратуры СССР («группа Гдльяна-Иванова»), которая расследовала коррупцию в высшем эшелоне власти Узбекистана (узбекское дело, хлопковое дело).

Восстание четвероногих

Бежали по городу две собаки, пусть и не определённой породы, но вполне интеллигентные. Одну звали Дружком, а другую – Жучкой. И говорит Жучка Дружку:

– Слушай, справа по курсу – мусорные контейнеры. Ты беги, как бежишь, а я чуть отстану. Если нет наших сородичей, дам сигнал.

– Понял, – коротко ответил Дружок.

Жучка резко метнулась к контейнерам, откуда с воем и мяуканьем принялись стремительно выскакивать представители кошачьей породы. Так что сигнала не потребовалось. Дружок, замедлив бег, развернулся на 180 градусов. Собаки кое-что перехватили и побежали дальше. Дружок от снеди подобрел, и у него развязался язык:

– Да, Жучка, уж мы с тобой не в том возрасте, чтоб за кошками, сломя голову, носиться. Охота, конечно, дело хорошее. Но ведь даже если эту мерзкую кошку поймаешь, – такая дрянь! Хуже любой крысы. А так мы под шумок кой-чем от двуногих обжор попользовались.

– Правду говоришь, – улыбнулась Жучка, вильнув хвостом. – Да на сытый желудок и о высоких материях порассуждать можно. Ты слышал? Завтра будет всесобачий митинг и демонстрация.

– Да, кто-то что-то брехал, – нехотя ответил Дружок. – Неужто хочешь туда тащиться?

– А почему бы и нет? На собак поглядеть, себя показать.

– Так и скажи: давно ни с кем не грызлась.

– Вот ты сразу обо мне дурно думаешь, – с обидой ответила Жучка. А ведь там соберётся цвет нашего собачьего общества: депутаты, писатели, журналисты, учёные, общественные деятели, артисты. Они будут лаять о серьёзных вещах, а не излагать способы, как на чужой территории контейнеры обчищать.

– Только мне от этих серьёзных вещей, Жучка, ни тепло, ни холодно. Я, заметь, отношусь с

Сергей Михайлович Карамышев – родился 5 декабря 1970 г. в Рыбинске. В 1997 г. окончил филологический факультет Ивановского Государственного Университета. В 2000 г. рукоположен архиепископом Ярославским и Ростовским Михаилом в сан священника с назначением настоятелем Троицкого храма пос. Каменники Рыбинского района, где и служит по сие время. В 2013 г. окончил Костромскую духовную семинарию.

Живёт в пос. Каменники.

пониманием: это ваше бабье дело – языком трепать. Но на кой ляд туда попрутся учёные, писатели и прочие, если они не бабы?

– Ну, знаешь, Дружок, твои речи в самый раз соответствуют эпохе Домостроя, – опять обиделась Жучка.

– А что ты, собственно, имеешь против эпохи Домостроя? – притворно возмущившись, ответил собеседник. – Тогда нашему брату не в пример лучше жилось, чем сейчас. Ты вообрази, что такое царская охота! Свора псов гонится за дичью, можно сказать, на равных с двуногими. Те – на конях с луками и пиками. Представишь только – какой восторг! Люди в те поры жили не в бетонных муравейниках, а в особняках с усадьбами или в избах. На каждом дворе наш брат службу нёс. Был в почёте. То-то же! А теперь: несчастные люди и несчастные животные! Сидят в своих бетонных берлогах, в какие-то гаджеты пялятся, грызутся меж собой, спиваются, скальваются, дуреют, вешаются, стреляются. И нашего брата тиранят: запрут с собой в берлоге, и торчи там целый день. В лучшем случае утром и вечером по нужде выведут. Мы вот с тобой пусть и не всегда сытно живём, зато на свободе!

– Эх, Дружок, здесь ты прав. Но ведь митинг как раз и посвящён свободе лая и защите прав эксплуатируемых животных.

– Слушай, Жучка, на кой тебе эти права? Ты что ими желудок набьешь?

– Ты, Дружок, говоришь как отсталое животное. А вот журналистка Земфира... Ты видел её?

– Кажись, как-то в ящике показывали. Лается, конечно, забористо, да только это всё пустое.

– Как пустое?! Она готова всю свою шерсть отдать на благо животных.

– Шерсть, говоришь? А она не вшивая?

– Да как ты можешь? Пусть бы даже и вшивая – она подлинная мать всего собачьего племени!

– Кто: Земфира или её вшивая шерсть?

– Знаешь что? Так мы с тобой расстанемся.

– Ну ладно, Жучка, я пошутил. За какие ж такие права она ратует?

– Да, права что надо! За хождение всех собак без ошейников, поводков и намордников! Но и это не всё. Из партийных касс выделены средства на продуктовые пайки для всех, кто придёт на митинг. Слыхал такое?

– Экая ты, Жучка, чудная! С этого и следовало начинать. Твои дурацкие права на хлеб вместо масла не намажешь. А вот продуктовые пайки – дело хорошее. Я хоть сам беспартийный, политические партии уважаю. Это стаи высшего сорта, дисциплинированные, выступающие общим строем как единое существо. Сам бы пошёл в какую-нибудь партию, чтобы страх на окружающих наводит. Да пока не зовут.

На следующее утро наши герои были на всесобачем митинге. Посреди большой площади, наполненной четвероногими, то и дело возникали свары. Однако общественные стражи порядка, подтянутые, с отлично развитой мускулатурой, их своевременно и быстро пресекали, как правило, одним только своим видом, почти не обнажая клыков.

Первым выступил пёс Барбос – учёный-энциклопедист вполне почтенного возраста. Он говорил, что собаки древнее человека – с какой точки зрения ни взгляни на это дело. Согласно креационистской теории, звери, а, стало быть, и собаки, созданы в пятый день, а человек – только в шестой. Согласно эволюционной теории, расстояние между собакой и человеком исчисляется и вовсе миллионами лет. Так что, как ни крути, у собак больше прав на старшинство

в этом лучшем из миров, нежели у человека. Некоторые, услышав это, в восторге залаяли и принялись энергично хлопать хвостами о мостовую.

– А раз так, – продолжил Барбос, – долой дискриминацию по признаку хождения на четырёх конечностях! Мы захватим автомобили, мы будем сидеть в ресторанах и концертных залах. Мы захватим столько еды, сколько нам нужно.

С разных сторон послышались радостные крики: «Долой!» и «Даёшь!»

Между тем, на трибуну, представлявшую собой пьедестал памятника какому-то двуногому, поднялась Земфира. Она, горделиво вздёрнув морду, начала свою речь. Кобели поглядывали на неё не без удовольствия, а сучки – с некоторой завистью. Она говорила о возмутительном поведении двуногих, которые захватили в свои руки не только средства производства, но и всю полноту духовных и материальных благ. Они постоянно унижают достоинство собак в речах между собою:

– Стараясь кого-то обидеть, называют собакой, псом, сукой, кобелём и т.д. Доколе мы будем это терпеть?!

С разных сторон послышались возмущенные возгласы: «Доколе?!», «Хватит!»

Но Земфира продолжала лить масло в огонь разгоравшейся ненависти:

– Как можно терпеть знаки с перечёркнутым силуэтом собаки или таблички с надписью «Выгул собак запрещён»?! Это сегрегация, апартеид! Почему двуногие обладают избытками еды, а мы зачастую и дневного пропитания не имеем?!

Собрание всё более волновалось. В это время на трибуну проворно взбежал предводитель партии «Собачья радость» Рекс, представлявшей, как предполагали некоторые, шайку своего рода штрейкбрехеров. Он имел несколько привлекательную наружность, почему снимался в роликах, что рекламировали собачий корм. Тотчас поднялся лай, в котором едва можно было различить отдельные слова – «предатель собачьего дела», «продажная шкура», «иуда» и так далее. Рексу ничего более не оставалось, как с позором удалиться. Собаки провожали его насмешливыми взглядами, оскаливая клыки.

В это время к трибуне уже продвигался, важно вышагивая (отчего сытое брюхо колыхалось из стороны в сторону) и часто возводя к небу свои вдохновенно-поэтические глаза, старый пёс Прошка, предводитель революционно-почвеннической партии «Собачья мечта». Он говорил о грядущих панкосмических перспективах собачьего дела; о том, что в собачьих сердцах скопилось совокупное напряжение в миллиарды вольт; наконец, о том, что первыми космонавтами были Белка и Стрелка, и что поэтому через каких-то тридцать лет состоится полёт к созвездию Псов, где ждут землян собачьей породы с распростёртыми объятиями брата по разуму.

В ходе этого выпреженного, но чрезмерно туманного, выступления из публики начали слышаться завывания и приглушённое рычание, каковые звуки свидетельствовали о том, что в желудках и кишечниках четвероногих начинались революционные настроения. Почувствовав это, Прошка выдал: «Да, мы любим наш город; да, мы сохраняем свою лояльность двуногим. Но когда открываются столь широкие перспективы, мы не можем долее сносить их равнодушия. Чаша терпения переполнена и скоро прольётся...» Последующие слова он как бы невзначай проглотил, дабы не слишком выходить из пределов умеренности.

Уловив нужный момент, выскочил вперед из той же «Собачьей мечты» моложавый и упитанный Шарик с видом восторженно-глуповатым, но с до бесстыдства хитрыми и наглыми глазами. Чувствуя шерстью, как градус активности масс неуклонно повышается, он выкрикнул:

– Я горд, нося то же имя, что и уникальное существо, известное в мире двуногих как Полиграф Полиграфыч Шариков! Этот светоч, гений собачьей мысли совершил самоотверженный поступок, надев на себя человеческую кожу. Благодаря необычайной гибкости своего ума, он быстро продвинулся по служебной лестнице. И что же? Он всё оставил неблагодарным двуногим, дабы вновь обратиться в пса. Этот светоч учил: нужно всё отнять и поделить. Вдумайтесь в эти слова, будущие герои!

Массы восприняли призыв с восторгом. Бия себя лапами в грудь на постамент взобрался взъерошенный пёс Шнур. Обозвав Прошку и нынешнего (а не того, столетней давности) Шарика мечтателями, он разразился залившимся лаем, требуя мяса и зрелищ.

Мысли, чувства и волеустремления четвероногих всё более приближались к предмету всеобщих вожделений, то есть к еде. И сколько бы ни полоסקали мозги представители «Собачьей мечты», «Движения за равноправие» и сомнительной в глазах многих партии «Друзей человечества», поведение животных становилось всё более остервенелым. Энергия клекотала, ища себе выхода в каком бы то ни было направлении.

Сначала послышались робкие, но потом всё более настойчивые вопросы-требования: «Где обещанные продуктовые пайки?», «Почему партийные деятели не держат слова?»

Из-под ног памятника, постамент которого служил трибуной, как бы ниоткуда, появился одновременно улыбающийся на все четыре стороны и увенчанный львиной шевелюрой журналист Бенья. Заговорщически подмигивая, он звал кого-то на трибуну, предупреждая собравшихся, что настало время всем услышать истинный глас народа.

Под недовольный лай поднялся на трибуну представитель «Радикальной партии» – поджарый кобель с бегающими глазами по кличке «Марсель». Усмехнувшись, он прокричал в нараставшем шуме:

– Вам не стыдно ходить всю жизнь с протянутой лапой? Посмотрите, сколько нас! Разве мы не сила? Мы возьмем всё, что нам нужно по праву силы! Так или нет?!

– Так, – раздался в ответ лай сотен голодных глоток.

– Вот перед вами гипермаркет, – продолжал, срываясь на крик Марсель. – Мы его захватим. Да здравствует экспроприация зажавшихся двуногих!

В ту же секунду огромная свора бросилась к дверям гипермаркета. Двуногие в ужасе разбежались от рассвирепевших животных. Охранники бегали с рациями и что-то истошно кричали. Свора старалась никого особо не трогать, за исключением тех, что проявляли агрессивные намерения – таковых беспощадно кусали, рвали на них одежду. Остальным давали возможность удалиться.

Собаки прорвались к стеллажам с кормом для четвероногих, хватали мешки и убегали. Между тем, наиболее разборчивые пробрались к мясным товарам, в том числе, наши Дружок с Жучкой.

Дружок, деловито обнюхивая товар, проговорил:

– Двуногие делают корм для животных из всякой дряни. А раз уж сегодня такая гулянка, берём, что едят люди, и уматываем отсюда, пока полицию не пригнали!

Жучка согласилась. Они схватили по куску отборной телятины и ринулись к выходу.

В это самое время полиция высаживалась из микроавтобусов и бежала с автоматами наперевес на свору собак. Раздались первые очереди – раненные собаки завывали, принялись бросать похищенное – лишь бы ноги унести. Хотя стрельба велась резиновыми пулями, на асфальте осталось лежать несколько убитых «друзей человека».

Свора быстро разбежалась. Прибыли машины «скорой помощи», чтобы забрать покусанных двуногих. Убитых же собак собрали в какой-то замызганный грузовик и повезли не то на свалку, не то в крематорий.

Дружок с Жучкой, держа в зубах куски мяса, под шумок улизнули в безопасное место им одним ведомыми путями. Хотя они в этот день знатно пообедили, глаза обоим имели взволнованный и печальный вид.

– Что теперь будет? – спросила Жучка. – Получается, мы объявили войну двуногим.

Точно в ответ на этот вопрос послышался вой и скуление собак из различных бетонных берлог.

– Да, – отвечивал Дружок. – Похоже, начнутся репрессии. И какое слово, паскуды, придумали – «усыплять»! Их бы самих так усыпить. Представляешь, какая жизнь тогда будет! Каждой собаке – отдельную квартиру – с холодильником, душем и туалетом.

– Размечтался, – усмехнулась Жучка. Так они тебе и оставят свои квартиры.

– Кстати, этот старый брехун Барбос сегодня утром обещал и автомобили, и концертные залы. А ты сумеешь на автомобиле прокатиться?

– Это вряд ли, Дружок.

– А что нам в концертных залах слушать? Собачий вой да щенячий писк? Вот я прямо всю жизнь об этом мечтал, – горько усмехнулся Дружок.

Между тем, на улице появились дикие животные – львы, тигры, леопарды. Они брели, испуганно озираясь по сторонам и порывкая на молча их провожавших взглядами собак. Как оказалось, свора из «Радикальной партии» напала на зоопарк и каким-то образом освободила хищников и обезьян. Сделано это было не из сострадания к хищникам, а из желания доставить побольше неприятностей двуногим. Между прочим, двое псов было растерзано львами. Что же касается обезьян, собаки их загрызли только за то, что они чем-то напоминали собою людей.

Своевременно подоспевший отряд полиции с помощью сеток хищников поймал и водворил на место. Одного тигра, правда, пришлось пристрелить – иначе он мог бы загрызть оказавшегося неподалеку прохожего.

В городе было объявлено чрезвычайное положение. То здесь, то там слышались звонкие полицейские сирены. Иногда раздавались автоматные очереди.

Тем временем стемнело. Дружок с Жучкой нашли укромное местечко и сидели, наострив уши. Невдалеке послышалось собачье рычание, а потом – человеческий крик. Собаки побежали на шум. Они увидели, что свора из пяти или шести четвероногих повалила на асфальт бродягу, не имевшего жилья, и грызла его с явной целью убить.

– Этого-то за что? – удивлённо спросил Дружок у подруги? – Он от нас ничем, кроме внешнего вида, особенно не отличался. Кормился какими-то объедками, спал, где придётся...

В этот момент от своры отделился утренний оратор Марсель и злобно прохрипел:

– Эй ты, друг человека, вали отсюда и не мешай нам наводить в городе порядок, – после чего оскалил алые от человеческой крови клыки.

Дружок с Жучкой с опаской отбежали в сторону. Когда они удалились от места расправы на безопасное расстояние, Дружок проговорил:

– Пора рвать отсюда когти. Если не от двуногих, так от четвероногих перепадёт.

– Куда ж нам деваться? – растерянно спросила Жучка.

– Куда угодно – лишь бы из этого города, – с досадой ответил Дружок.

Они направились к окраине, стараясь избегать встреч с кем бы то ни было. По дороге им попалось несколько растерзанных собаками человеческих трупов. В основном это были старики, то ли не знавшие о свалившейся на город напасти и объявленном чрезвычайном положении, то ли пренебрегшие той и другим.

До окраины две собаки добрались только на рассвете. Город был оцеплен войсками. Покуда не было точных сведений о причине внезапного бешенства собачьего населения города, решили ни одну отсюда не выпускать – дабы зараза не перекинулась на окрестности, отсюда же – по всем географическим направлениям.

Дружок с Жучкой сунулись было в парк, плавно переходивший в лес, но наткнулись на засаду. Пули просвистели над их головами. Унося ноги, они увидели заросли кустарника и остались здесь, осторожно наблюдая за обстановкой.

Двуногие в целях самообороны, по примеру собак, стали сбиваться в стаи. Было временно разрешено носить холодное оружие. Можно было наблюдать людей с топорами и мачете, вилами, хорошо наточенными заступами, не говоря уж о бейсбольных битах и обыкновенных дубинах.

Нашлись подростки, до глубины души возмущённые неистовством четвероногих. Они устроили охоту на последних. Некоторые, отдубасив как следует собаку, брали верёвку и вешали полумёртвое животное на дереве или столбе – хорошо, если за шею, и много хуже – когда за хвост.

Такой стайкой подростков был пойман Рекс, предводитель партии «Собачья радость». Дети двуногих специально за ним охотились – больно уж до боли знакомая была у него физиономия. Его распяли живым, привинтив саморезами к дереву. Марсель с почтительного расстояния наблюдал за казнью не без удовлетворения. Он позвал юнцов из своей партии-банды и, показав взглядом на Рекса, произнёс с наигранным возмущением: «Вот, запомните, как поступают с нами дети двуногих. Никакой им пощады!» Один из проходивших позднее полицейских пристрелил мучившееся животное из сострадания.

О необычной в пределах одного города эпидемии собачьего бешенства очень скоро узнал весь мир. Кадры с закусанными насмерть людьми и растерянными собаками заполнили все соцсети. Биологи, психологи, богословы всех континентов анализировали ситуацию, строили прогнозы.

Разного рода романтики, бездельники и авантюристы собирались в поход против взбунтовавшихся собак. Они выставляли эффектные фото. Приняв позу не то Геракла, не то Сампсона, показывали орудия укрощения животных – разного рода лассо, крючья, сетки и тому подобное. К их общему огорчению было принято решение на самом высоком уровне – никого, кроме

представителей отечественных спецслужб, в город не пускать, покуда действует режим чрезвычайного положения.

Тем большей популярностью пользовались оригинальные фото и видео с места событий. Изрядное количество автомобилей курсировало по городу с единственной целью заснять какой-нибудь потрясный материал, получить по миллиону и более просмотров, чтобы на этом деле, как выражались некоторые, «срубить бабла». Некоторые, вооружившись камерами ночного видения, караулили собак. Вообще, весь город вдруг оказался напигован камерами энтузиастов. Сидя в своих квартирах, они следили за мониторами – не повезёт ли, не удастся ли заснять тайное ночное сборище четвероногих или их жестокую расправу над двуногими. О, тогда гиперпопулярность будет обеспечена, а всевозможные расходы и неудобства окупятся сторицею! Это научило животных быть вдвойне и втройне осмотрительными.

Довольно скоро кто-то окрестил город, о котором идёт речь, Догвиллем, употребив для этого название фильма Ларса фон Триера, снятого в 2003 году. Новое имя города очень быстро стало настолько популярным, что прежнее почти уже не употреблялось. Был создан стремительно набиравший обороты сайт «Догвилль-ньюс».

Однако вернёмся к нашим знакомым. Время от времени Дружок выбирался из своего укрытия, чтобы разнюхать обстановку, особенно – месторасположение заградительных отрядов. Когда город объяла ночная тьма, а с нею – ещё и туман, две собаки рысцей побежали по парку. Стоило им пробежать метров двести, стали зажигаться фонари с установленными на них датчиками движения. Раздался выстрел. Бежать дальше в избранном направлении, то есть прямо на стрелявшего, не имело смысла, и собаки, быстро развернувшись и петляя, бросились обратно. Вдогонку прогремели ещё два выстрела, не причинив убегающим вреда.

Собаки забрались в прежние свои кусты, отдышались и, голодные, чутко задремали. Утром они отправились на разведку. Пробрались на окраину парка, что граничила с городской застройкой. Увидели несколько издыхавших от пищевого отравления собак.

– Подбрасывают отравленную еду, – с горечью произнёс Дружок. – И куда девались всевозможные международные общества защиты животных?

– Слушай, Дружок, если двуногие защищают четвероногих, это для них только блажь, очередная возможность восхищаться собственными добродетелями. Но если встаёт со всей суровостью вопрос собственной жизни и смерти человечества как биологического вида, мы просто перестаём для них существовать по-настоящему.

В ходе этой беседы собаки по временам поглядывали по сторонам из очередного укрытия. Тут Жучка увидела на мгновение высунувшуюся из подворотни морду учёного пса Барбоса, либерала до мозга костей.

Поймав взгляд Жучки, Дружок сказал:

– Надо бы наведаться к этому демагогу.

В следующий момент две собаки проворно выскочили из укрытия и подлезли в подворотню.

– Здорово, старый брехун! – в развязной манере приветствовал его Дружок. – Ты что тут притаился? Выискиваешь, вынюхиваешь, кому бы ещё затуманить мозги своим словоблудием?

– Слушайте, – отозвался смущённо Барбос, – как-то неправильно всё получилось. Я представить не мог, что этот подлый авантюрист Марсель

положил глаз на гипермаркет. Я в страшном сне не мог вообразить, чтобы собаки ни с того, ни с сего принялись за людоедство!

– А что же ты хотел увидеть, – отозвалась Жучка, – межвидовой биологический интернационал, а себя – за университетской кафедрой, вещающим двуногим студентам?

Это было сказано не в бровь, а в глаз. Именно подобные мечты временами роились в голове Барбоса, поэтому он застенчиво потупил глаза.

– Слушай, великий просветитель мира фауны, как я понял из вчерашних твоих речей, ты склоняешься к материализму. А раз так, отвечай по совести: не запасся ли ты кое-какими материальными благами? В настоящий момент нас наиболее интересует еда.

Нельзя сказать, чтобы Барбос обрадовался подобному вопросу. Однако он смекнул: когда кругом произвол и анархия, втроём выжить легче, нежели по одному. Поэтому старый пёс повёл товарищей по несчастью к своим закромам. Здесь был только ещё початый мешок с собачьим кормом, похищенный в гипермаркете. Собаки обрадовались и занялись завтраком.

Насытив желудок, Дружок повеселел и сказа Барбосу:

– Барбосик, дорогой, чтобы доставить нам полноту счастья, может быть, прокатаешь нас на своём авто?

Тот в ответ лишь растерянно забормотал:

– Да откуда ж у меня?

– А давно ли ты обещал всем автомобили, рестораны, концертные залы?

– Конечно, я несколько всё преувеличил... Но поверьте – с благой целью... Сообщить собакам чувство собственного достоинства и тягу к эмансипации.

– Подавись теперь своей эмансипацией, – с досадой огрызнулся Дружок. Живём хуже, чем в тюрьме. Это камера пыток на скотобойне! Иди, расскажи теперь двуногим с автоматами о своих священных правах! А? Иди же!

– Ну правда, Барбос, вдруг они тебя послушают? – поддержала товарища Жучка. – Расскажи им, что идеалы эмансипации понуждают перековать мечи на орала, автоматы – на пылесосы, бэ-ты-эры – на комбайны.

– Что вы ко мне привязались? – огрызнулся Барбос. – Не время сейчас об этом говорить. Нужно шкуру спасать.

– Вот цена твоим идеалам! – продолжала язвить Жучка. – А мы ждали, что ты поднимешь знамя восстания и пойдёшь в последний бой на двуногих эксплуататоров.

Барбос отвернулся. В это самое время послышался шум. В подворотню проскочила всклокоченная Земфира. Тут же на металлические ворота посыпались тяжелые удары. Все четыре собаки поспешили спрятаться в куче какой-то рухляди. А через несколько секунд над воротами показались две головы подростков. Вскоре задиристые дети двуногих были здесь. Всего их насчитывалось человек семь-восемь. Одни были вооружены битами, другие – арматурой, третьи – цепями, которые довольно ловко вращали вокруг себя. Пока они с опаской рассматривали кучу рухляди, в подворотню ворвалась банда собак – не то из самой «Радикальной партии», но то из числа сочувствующих ей. Тотчас собаки набросились на подростков, повалили всех на землю и, хотя они издавали душераздирающие вопли, всех перегрызли.

Эту сцену заснял блогер, что сидел за монитором в одном из близстоящих домов. Нельзя сказать, чтобы ему была приятна расправа. Однако лицо его изобразило чувство удовлетворения. Он тотчас занялся обработкой видеозаписи, чтобы поскорее послать её в эфир.

Расправившись с детьми двуногих, банда выскочила в ту же подворотню и исчезла. Первой по поводу случившегося высказалась Жучка:

– Земфира, ты привела этих подростков в наше убежище, а те – уже и свору людоедов...

Приблудившаяся собака испуганно таращила глаза во все стороны, боязливо поджала хвост и не знала, что ответить.

– Пора отсюда уходить, – сказал Дружок. – Скоро этот ужас откроется, и нас уничтожат. Барбос, ты здесь все входы и выходы знаешь. Веди!

Барбос обвёл всех мутными глазами, чуть помолчал и отвечивал:

– Идите за мной.

С противоположной, если считать от ворот, стороны площадки в заборе имелся едва приметный, закрытый отжившим свой век листом поликарбоната лаз. Компания устремилась через него вслед за Барбосом. Сзади слышался шум. Возможно, тот блогер всё-таки позвонил куда следует; возможно, итог расправы над подростками был обнаружен каким-то иным образом. Понеслась отчаянная ругань. Что было дальше, собак уже не интересовало. Перед ними стояла задача – выйти из города. Дружок быстро сориентировался и, обогнув несколько построек, привёл товарищей по несчастью туда, где с Жучкой прятался утром.

Жучка продолжила свою экзекуцию:

– Земфира, ты ли это? Звезда всего собачьего племени! Чем ты так расстроена?

– Рекс, о, мой Рекс! – воскликнула она с отчаянием. Тут она поведала о жестокой расправе над лидером партии «Собачья радость».

Известие всех ужаснуло, и охота подтрунивать над Земфирой пропала даже у Жучки.

Но та сама продолжила речь:

– Сегодня ночью этот подонок Марсель хочет прорвать оцепление, выйти из города со своей бандой, чтобы устроить мировую революцию четвероногих.

– Нормально, – ответил Дружок. – Заварил кашу, а сам – дёру отсюда. Расхлёбывай теперь за него!

– Это новый Троцкий, – ответил Барбос. Его нужно убить. Это позор всего собачьего племени!

– Кабы ты три дня назад об этом рассказал, не сидели б мы сейчас здесь и не дрожали над своей участью, – процедил сквозь зубы Дружок.

– На севере, в городе Мончегорске, – продолжил невозмутимо Барбос, – стоит памятник человеку, убиавшему Троцкого. Его звали Меркадером. Он гордо вздымает над головой орудие убийства, а лучше сказать – священного правосудия – ледоруб. Не меньшей чести будет заслуживать тот, кто убьёт собачьего Троцкого – Марселя.

– Да как же его убьёшь? – воскликнула Земфира. Эту тщедушную псину постоянно окружают телохранители.

– Что же делать? – спросила Жучка.

– Бежать из города вместе с ними: они своей дорогой, мы – своей, – резюмировал дискуссия Дружок.

Покуда длилось напряжённое ожидание, Дружок вполне миролюбиво спросил Барбоса:

– Вот скажи мне как учёный: что было в шестой день творения?

Барбос с некоторой неохотой отвечивал:

– Никто не может поручиться за достоверность этого предания. Правда, оно записано в Книге Книг – Библии. Здесь сказано, что в пятый день творения Бог создал животных. В шестой – человека. И поставил двуногого господином над теми, кто был сотворён прежде него. Сказано, что царилла любовь, и никто никого не обижал.

– Стало быть, мы три дня назад восстали против воли Создателя? – спросил Дружок.

– Отчасти – да, – отвечивал Барбос.

– Почему отчасти? – спросила Жучка.

– Потому что человек предался воле сатаны, врага Божия. Как сказано в той же Библии, смерти тогда не существовало. Она пришла после грехопадения человека. Тогда животные бежали от него. Некоторые впоследствии вернулись, в том числе – собаки.

– Стало быть, теперь мы нарушили волю наших предков, – задумчиво произнёс Дружок.

– Стало быть, так, – вздохнула Земфира.

– А что же бессмертие? Возможно ли оно в будущем? – спросила Жучка.

– В той же Библии говорится, что возможно, но я не берусь утверждать, что это правда.

– Всё равно, хочется верить в бессмертие.

Между тем, в сгущавшихся сумерках в одном из городских парков состоялось экстренное собрание лидеров политических партий собачьего племени. Шарик со значком на груди, изображавшим Полиграфа Полиграфыча Шарикова, поддерживал плечом шатавшегося из стороны в сторону Прошку. Когда два революционера-почвенника взобрались на располагавшуюся в парке эстраду, из-за деревьев и кустов принялись вылезать прочие четвероногие. Тогда Прошка начал свою знаменитую программную речь:

– Четвероногие, друзья! Мы долго сомневались. Какие-то старые предрассудки заставляли нас сохранять известную лояльность к двуногим извергам. Но теперь, когда всё их продажное гнилое нутро вылезло наружу, когда они пролили неповинную собачью кровь, когда ею обагрились мостовые этого Содома, этой Гоморры, пришла пора освободить себя от любых моральных обязательств. Иными словами, мы присоединяемся к радикальной партии. Отныне и мы – за мировую революцию четвероногих! Нужно срочно создать Реввоенсовет. Пусть во главе его встанет Марсель, засвидетельствовавший перед всем собачьим миром свою беззаветную преданность идеалам революции. И пусть правой его рукой станет Шарик, идеологически подкованный, укоренённый в родной почве политик, к тому же носящий столь прославленное имя.

Тотчас к стоявшим на эстраде Шарик с Прошкой присоединились Бенья и Марсель. Последние оба были в кожаных тужурках с красными бантами в петлицах. Все четверо обнялись. Тогда речь стал держать Бенья:

– Соратники, – начал он с воодушевлением, – свершилось! Теперь общереволюционный собачий фронт, соединивший левых и правых, представляет собой несокрушимую мощь. Наконец-то силы прогресса соединились. Пусть скажет своё решающее историческое слово председатель Реввоенсовета Марсель!

В ответ четвероногие приглушённо захлопали хвостами о землю, из почвеннических кругов раздались возгласы «Любов!»». Тогда, подняв правую лапу кверху, Марсель произнёс, как один выдох:

– Настал решительный час. Теперь мы едины. Все, кому дорога свобода, пусть следуют за нами. Мы прорвём кольцо блокады. Мы выйдем из этого обречённого проклятию города, из этого Содома. Мы, апостолы собачьей мировой революции, охватим все города земли, чтобы свергнуть с неё жестокое иго двуногих. Собираем все силы ровно через два часа на окраине вблизи парка. Разведка сообщила, что там стоят заградительные отряды. Но мы верим, что они не выдержат дружного натиска стольких тысяч героев! Мы их сомнём, мы пустим из опричников кровавого режима их собственный красный сок. Кто не с нами – тот против нас!

Вокруг послышались приглушённые голоса «Любо!» и «Да здравствует революция!» Через пять минут парк с эстрадой опустел. В окутанном мраком городе началось движение. По камерам ночного видения было заметно, что стаи стекаются к одной из окраин города. Сюда были немедленно посланы подкрепления вооружённых сил двуногих.

Вернёмся к нашим четверым знакомцам. Временами из города до них достигали выстрелы и крики. Однако в целом было довольно спокойно. Собаки в своём убежище чутко подрёмывали. Вдруг со стороны города послышался шум. Своры собак сбегались в одну точку, чтобы отсюда огромной стаей из тысяч особей ринуться на прорыв заградотрядов. Стая бежала, сметая всё на своем пути. Когда она достигла парка, к ней примкнули ещё четыре собаки, держаась несколько особо.

Немедленно зажглись прожектора. Стаю встретил шквальный огонь пулемётов. Раздались взрывы гранат. Бэ-тэ-эры сдвинулись с мест и принялись давить стаю, поливая её одновременно горячим свинцом.

На рассвете всеобщему обозрению открылась жуткая картина. Обширная поляна парка представляла собою кровавое месиво. Среди убитых был Марсель, которому, как он ни прятался за телохранителей, снесло осколком гранаты полчерепа; рядом, полузарывшись в землю, лежал Бенья. На морде Шарика читалась мечтательная улыбка, в остекленевших глазах Прошки застыло далёкое созвездие Псов. Среди деревьев лежали вблизи друг от друга сражённые пулями Дружок, Жучка, Барбос и Земфира.

Прошли каких-то два часа, на протяжении которых ещё слышались вой и стоны умирающих. Потом приехали два экскаватора, которые принялись с двух сторон копать огромный ров прямо на поляне. Прибыли и грейдеры. Они тщательно сгребли останки животных в большие кучи, потом свалили их в ров и заровняли. Парк был оцеплен военными, чтобы никто не мешал. К вечеру работа была окончена.

Казалось, теперь Догвилль мог вздохнуть спокойнее. Но чувство, что произошло нечто непоправимое, казалось, давило город каким-то тяжёлым свинцовым туманом. «Догвилль-ньюс» брал рекорды популярности. Учёные спорили о причинах эпидемии бешенства среди собак. Аналитики обыгрывали новое название города и сравнивали случившееся в нём с тем, что было в одноимённом городке в Соединённых Штатах. Там были перестреляны все двуногие, остался лишь пёс Моисей, а здесь – всё как-то иначе.

Какой-то бродячий проповедник, вспомнив слова Экзюпери, что мы в ответе за тех, кого приручили, обвинял власти и представителей силовых структур, а также отряды самообороны граждан, в непомерной жестокости, в истреблении «братьев наших меньших». Кто-то его слушал, кто-то называл придурком, витающим в облаках.

Некий богослов выдвинул теорию, в которой обосновывался скрытый смысл восстания животных. Первое такое восстание, – говорил он, – произошло тотчас после грехопадения Адама и Евы. Теперь же современный мир стал свидетелем страшного прецедента – второго восстания животных. Он утверждал, что разрушаются последние связи между венцом творения человеком и прочей тварью, что мир изнутри прогнил по причине человеческой злобы и что поэтому перед ним разверзается бездна.

Неделю-другую мир ещё судачил о Догвилле, но потом быстро переключился на другие темы – на скандалы из жизни артистов, наводнения и пожары, взятки должностных лиц. Эти новости проглатывались со вкусом – как горячие пирожки. Оставалось их только, так сказать, запить тонизирующей информацией.

Горная речка

Белые шапки гор – вечные ледники, весной, просыпаясь после долгой зимней спячки, начинают своё движение вниз. Их длинные языки покрытые снегом, медленно сползая по каменистым склонам, непрерывно гудят. И под это загадочное «пение», из ледников рождается множество маленьких и юрких ручейков, которые вьются между камнями и, сбегая вниз, сливаются, образуя бурные ручьи. С шумом и рёвом по камням, по знакомому руслу, мчатся эти ручьи, впадая в горные реки, те же несут свои воды в долину.

Вот и эта река, полноводная, окружённая первозданной красотой гор, величаво текла по широкому и извилистому ущелью. В её ледяной кристальной прозрачности воде водятся небольшие рыбки, с интересным названием «маринки». Они, радуясь солнцу, резвились. Ближе к берегу в реке был огромный валун, верхушка которого, едва прикрытая водой, хорошо освещалась солнцем. Рыбы подплывали к этой глыбе и скатывались с неё. Как дети скатываются с горок, так же и «маринки» повторяли свои движения вновь и вновь. Недалеко от валуна, на воду падали две тени. Это были горные туристы, парень с девушкой. Их лагерь расположился недалеко. Обследуя окрестности, они решили уединиться. Игра рыб завораживала, и они с восторгом следили за этими забавами.

А потом их внимание привлекло небольшое техническое приспособление – переправа через реку. Её соорудили топографы. Из года в год проходят эти труженики гор намеченными маршрутами, внося поправки и изменения в свои карты. Горы растут или разрушаются, эти, незаметные для нашего глаза изменения, очень важны для науки. И только для романтиков, горы остаются «вечными». А в это время воздух и был наполнен романтикой. Красота гор, река с веселыми «маринками», влюблённые туристы, всё это было торжеством природы, её песней. И вот эта пара уже оказалась на переправе, которая представляла собой небольшую платформу, подвешенную на

Раиса ТЛЯКОВА

Раиса Анваровна Тлякова – родилась в Самаркандской обл. (Узбекистан). По профессии экономист. Сейчас на пенсии. Творчеством увлечена более пяти лет. Является Победителем VII Московского открытого конкурса-фестиваля духовной лирики и авторской песни «Вербохлест», лауреат нескольких литературных конкурсов. Имеет ряд публикаций в литературных изданиях.

Живёт в Москве и в деревне Владимирской обл.

лебёдке к тросу. Перебирая трос руками, можно было катить эту платформу. Старая лебёдка заскрипела, но поддалась, и платформа медленно покатила над широким потоком воды. Над серединой реки парень остановил её. Единение с дикой, живописной природой, кратковременное отшельничество будоражило и наполняло сердца влюблённых ликованием. Две тени, падающие на воду, стали одним целым – они целовались.

Но укромность пары оказалась недолгой. По берегу шла юная девушка, вернее девочка-подросток. Она остановилась, села на большой камень и стала молча смотреть на целующихся. Когда же те увидели её, то, не стовариваясь, стали возвращаться на берег. Девочка вскочила и, не скрывая своей радости, стала повторять «Валер, Валера! А меня, а меня отвези! А меня покатай!» Парень, молча, помог ей перебраться на платформу, было видно, как испортилось его настроение. Но она этого не хотела замечать, она не сводила с него своих восхищённых глаз. Треугольник. Это уже классика жанра. Только углы этого треугольника были в неравных позициях. И в одном из них – юная девушка, почти ребёнок, со своей первой влюблённостью. И не хватит духа обидеть её, отогнав прочь. Ради встречи с Валерой она каждый раз уговаривала своих родителей взять её с собой в горы. Совсем по-детски, наивно ревнуя Валеру к его девушке, она повсюду ходила за ними. А они терпеливо ждали, когда же наконец она обратит внимание на своих сверстников.

День уже клонился к закату. «Извечная» тройка давно вернулась в свой лагерь. И ночью, сидя у костра, туристы будут рассказывать разные истории. Поговорят и о неутомимых «маринках», которые живут в этой реке. О том, что они совсем непуганые, потому что у них нет врагов, так как по местному обычаю эти рыбы считаются священными, и есть их – строжайшее табу. А над ними, в алмазной россыпи звёзд, будет висеть тёмное, бархатное небо. И до них отчётливо будет доноситься звук – шум горной реки.

ПОЭЗИЯ

Матвей ТУКАЛЕВСКИЙ

Матвей Игоревич Тукалевский – родился в 1941 г. Окончил три курса Бакинского высшего общевойскового командного училища. Учился на факультете журналистики. Ещё в армии стал сотрудничать с редакцией газеты Закавказского военного округа «Красное знамя». С тех пор – внештатный сотрудник ряда газет разного уровня от районной газеты, до газеты «Правда». Окончил Ленинградский финансовый техникум, потом Сыктывкарский университет... В 1992 г. в Москве тиражом в 10 000 экземпляров вышел первый сборник стихов и песен «Вуктыльские кедры». С 2007 г. пишет прозу. Готовится к изданию сборник прозы.

Живёт в Санкт-Петербурге.

«Вчера, среди зимы я видел чудо...»

Жизненная яма

Этот вопль, как слеза в подушки,
Объясненья этому не дам:
Почему из жизненной ловушки,
Каждый должен выбираться сам?!
Зверем воем, сидя в этой яме,
И никак мне всё же невдомёк:
Почему мы в счастье с друзьями,
А в несчастьи – каждый одиночек?!

Как дороги зимой слова

Полвека вместе мы живём
И я отдал Любви все силы...
Но в лексиконе нет твоём
Элементарного – «Мой милый!»

Ностальгическое

Навеяно Татьяной Ахо

Невесёлыми призами
жизнь одаряет –
застарелыми слезами
годы отравляет.

Дни приносят новых страхов
и болезней новых.
Горьких мыслей: «Может, махом
разорвать оковы?!»

Но от речки из тумана
с лаской беспредельной
лечит раны мне Татьяна
песней колыбельной.

Овладела безмятежность
сивой головою. –
Будто мамы моей нежность
здесь опять со мною.

Боль из сердца изгоняя,
песня наплывает
и, любовью пеленая,
к жизни возрождает.

...Дождь унылый захлебнулся,
растворились тени...
...Я башкой седой уткнулся
в мамины колени.

Реплика

На стихи моего Друга –
Вячеслава Артёмова

«...Оттого, что крепкий щит мой весь иссечён
И едва я в силах меч поднять рукой».

Семён Надсон

И строятся полки... Меня там – нет!
Ослаб от старости неистребимой стужи...
А за спиною груз прожитых лет,
И баррикадам я уже не нужен!

Перед однополчанами в долгу
С тоской своё бессилье принимаю...
Лишь только прокламацией могу
Предать анафеме врагов шакалью стаю!

Стучи да откроют

Рецензия на стих Игоря Кинг «Молитва»

Оттого, что просьб таких немерено –
каждый молит дать ему любовь –
в Божьей канцелярии утеряна
часть молитв.

Хоть плачь,
хоть сквернословь.

Я хочу в Сабакаево...

Я хочу в Сабакаево..
 Питер – чудо. Не смею
 Ничего возразить.
 Только в этом музее
 Мне не хочется жить!
 Только насмерть замучил
 Разъедающий смог...
 Я б голландцем летучим
 Улетел, если б смог!

Улетел в Сабакаево
 Там, где чисты снега.
 Где рассветное зарево
 Освещает стога.
 Где Победная улица
 Видит снежные сны.
 Где берёзка сутулится
 В ожиданье весны.

Я б её, ненаглядную,
 Убаюкать сумел,
 Своей песней нескладною
 Залечил, отогрел.
 Но..
 опутали крылья,
 Как вериги, года.
 Сколько б крылья ни бил я
 Не взлететь никогда...

...Стороною промчался
 Чувств восторженных шторм.
 Не родившись, скончался
 Стих – бессонницы корм.

К вопросу о пацифизме...

О, пацифисты!
 Я – в шеренгах с вами,
 за пацифизм –
 обеими руками
 проголосую!
 Только..
 мне бы знать,
 как без войны
 Россию отстоять?!

Неверный путь

Куда же мы идём, скажи на милость?!
 Тенденции мне этой не понять:
 Мы щедро тратим силы на драчливость
 И скупо – чтобы дружески обнять.

На злобу дня

Метеорологи, видать, – народец умный –
 Ярлык их и без клея пристаёт:
 Недаром назван этот шторм «Иудой»!
 Когда он рядом – сердце предаёт...

Подранки

Кто нас приручил – за нас в ответе,
 но забыл о том! Такие вот дела...
 ...Сколько же подранков в Интернете
 ловят лучики сердечного тепла!

На развалинах

Не по силам, мой друг, не по силам
 Быть мне «вечной империей зла»..
 ...Долго в доме Любовь постилась,
 Да вчера в мир иной отошла.

Не успели захлопнуться двери,
 Отсчитав этот скорбный уход,
 Стало здесь неуютно Вере,
 И она заспешила в поход.

Что ж Надежде тогда оставалось,
 Хоть и самой упорной слыла?!
 И она, погрузивши малость,
 Белым облачком уплыла.

Вот тогда я и сам дверью стукнул –
 Разве можно без них в доме жить?!..
 ...Содрогнулся мой дом и рухнул,
 И в развалинах он лежит.

Песнь о Бончарово¹

Бончарово... Бончарово...
 Я – под твоими чарами
 Ещё с июля месяца
 По сей день нахожусь!
 Где люди незлобивые
 Зело трудолюбивые
 Как гостю сверхжеланному
 Дарили мне уют.
 Там пихта одуряюще,
 Болячки заживляюще,
 Своими свече-шишками
 Разносит аромат.
 Стоит она подсвечником
 В природном Храме вечном том
 И хочется покаяться
 Молитву сотворить!
 ...А в поле – даль лучистая
 И купол неба чистого
 Как будто сам Иисус Христос
 Сей край благословил!
 И сердце облегчается –
 От скверны очищается
 И просится в честь Господа
 Осанна на уста.
 За то, что он, Вселюбящий,
 Несёт спасенье в будущем
 И сохранил для грешных нас
 Такие уголки,
 Где ради блага общего
 Живёт святая Община
 Трудясь и славя Господа,
 Свой добывает хлеб.
 А кто вдруг спотыкается –
 Молитвами спасается
 Вымаливая каяньем
 Спасение душе...

...Бончарово... Бончарово...
 Я под твоими чарами!
 И сердце стонет – просится
 Под благодать твою.

¹ Бончарово (с ударением на втором слоге) – давно брошенное жителями селение на краю Тверской области, которое возродила и дала ему новую жизнь община христиан из Казахстана. Сердце этой общины – многодетная семья Тукалевских.

Да жаль – седа головушка
 И исчерпал до доньшка
 Я жизненную силушку –
 Работником не быть.
 Лишь и могу в Бончарово
 За жизненными чарами,
 Просителем – паломником,
 Прийти под сень твою...

...Содомом и Гоморрою
 Зовём кончину скорую
 И лишь в таких оазисах
 Спасение души.

Неразрешимость

Не вдохновлён тобой и недоласкан
 Недовоспет и недовосхищён...
 И наша жизнь совместная – не сказка,
 А вечный бой...

Иль что-нибудь еще...

Моих мечтаний недоразделяешь
 Неодобряешь и недо... недо...
 Да постоянно крылья подрезаешь,
 Чтоб в небо не взвивался высоко...

Смириться мне с твоим уставом сложно:
 Воспеть насест, забыв про высоту,
 Поднять тебя в полёт мне невозможно
 Умчаться без тебя –
 неволю...

О войне

От войны ущерб, глядишь, изучится
 Хоть не видно перечню конца...

...Проклята ты будь, Война-разлучница,
 У меня ты увела отца!
 Он героем был и победителем...
 Мамин вскрик доселе не угас...

...Детство снёс мне, взорванный родителем,
 Горькой безотцовщины фугас.

Понятно б, пень зацвёл,
Ведь там же – корни.
Они могли б питать росток упорный,
Что дерзки смел.
Он листик клейкий, храбро выпуская,
Не ведал, что судьба его худая...
Мёртворожден.

...Подумалось, что так же вот и я
И зеленея, и взахлёб живя,
Пишу стихи, люблю и ненавижу,
Дерусь, целуюсь, будущее вижу...
Ан ствол мой, с виду крепкий, уже чёрн.
И обречён.

Дачурка

Акростих

Д остают когда меня невзгоды,
А на сердце кошки заскреблись,
Ч ерез перипетии погоды
У ношусь к тебе. В другую жизнь.
Р адуют меня здесь и встречают
К овролины снегов и тишина
А ромат сосны, что полыхает
М аревом каминного огня...
О тдыхая телом и душою
Я люблю тебя. Горжусь тобою.

Небо звёздочка, падая, прочертила дугой...

Небо звёздочка, падая, прочертила дугой...
Не имеется вечного ничего под луной...
Шёл я бодро, не жалуясь, в жизни трудной тропой...
Не имеется вечного ничего под луной...
Этот мир необъятный я любил, словно Ной...
Не имеется вечного ничего под луной...
Был горяч и восторжен, низвергался строкой...
Не имеется вечного ничего под луной...
Как тревожила сердце мне гитара струной...
Не имеется вечного ничего под луной...
Я любил, восторгался и гордился тобой...
Не имеется вечного ничего под луной...
А теперь тебе больно, тебе трудно со мной...
Не имеется вечного ничего под луной...

Даже смерть не подарит сердцу вечный покой –
Не имеется
вечного
ничего
под луной!

Недостижимое...

Захватывает дух от всех открытий века.
Вселенную мы начинаем бороздить...
Но, как ни тщись, в желанном человеке
Нельзя любовь ответную родить!

...Звучит с годами голос мой всё глуше... глуше...
К тебе взывая, повторяю вновь и вновь,
Что сердце ничего так не иссушит,
Как недоразделённая любовь!

И страшно горько всё. И всё так безысходно...
Осуждены на одиночество вдвоём...
И так живём. Бесплотно. И бесплодно.
И мучаясь, и мучая живём...

Доброта

С изначальных дней мирозданья
Есть на медиках Божья печать, –
Человеческие страданья
Им даровано облегчать...
...Словно стало светлее в палате, –
Это тихо вошла медсестра.
В накрахмаленном белом халате
В мир приходит сама Доброта.
Задрожавшею мелко рукою,
Утирая с лица липкий пот,
Заворожен блеснувшей иглою,
Я покорно ложусь на живот...
Своё дело отлично знает,
Как Фемида судьбы моей,
Она сталь в моё тело вонзает
За излишества прежних дней.
Эту близость, хватая как повод,
Я за руки её ловлю:
– Хоть я Вами изрядно исколот,
Всё равно я Вас очень люблю!

...Эту шутку простите поэту,
Ну, а если всерьёз говорить,
Вас за светлую миссию эту
Разрешите поблагодарить!

Миражи

Победить свою тоску мне нечем.
Чтоб не выдать выступивших слёз,
Привлекаю я тебя за плечи
И ныряю в дым твоих волос.
Словно в состоянии нирваны,
Во дворце, построенном на лжи,
Наглотавшись слов – марихуаны,
Мы с тобой тасуем миражи...
...Но уходят миражи с рассветом,
И опять мы разных два лица.
В комнате пустой стучат дуэтом
Наши одинокие сердца!

Молитва

Боже!
Не суди меня ты строго!
Хоть немало в жизни я грешил, –
Не кривой была моя дорога!
И убийства я не совершил!
И с иконы не смотри с укором.
Я – обычный слабый сын Земли.
Жить спешил...
Ведь, может, очень скоро
Землю опрокинет возглас:
«Пли!»
И когда Фемида ослеплённо
Переворошит мои дела,
Радуюсь, я вспомню просветлённо –
Мать меня безгрешным родила!
Ласковым, наивным, добрым, честным,
В каждом встречном виделся мне брат...
Может, в том, что сделался я грешным,
Этот мир жестокий виноват?!
С приговором соглашусь, не споря.
Только...
чего больше мне бы знать, –
Испытал
или
доставил горя?

Это ещё надо подсчитать!
Все мои обиды подытожив,
Сердцем восприняв мои стихи,
Верую, что ты, Великий Боже,
Всё-таки, отпустишь мне грехи!

Секрет долголетия

Ах, бессонница, бессонница!
Отпусти! Я так устал!
Уже ночь к рассвету клонится –
Я ещё не засыпал.
Строчки песни не находятся,
Не ложатся на листок.
Рифмы буйно колобродятся,
Рикошетом бьют в висок...
...И, как видимо, поэтому,
Видно, в этом весь секрет,
Что в семье большой поэтовой
Стариков столетних нет...

Счастье Синей птицей в вышине...

Счастье Синей птицей в вышине...
Отчего ты не пришла ко мне?!
Я всю жизнь надеялся и ждал,
Не устал, не сдался, не упал!
И теперь сквозь листопад бреду,
Унося с собой свою беду...
Не дала Весна ростка на пне, –
Оттого ты не пришла ко мне!
Жизнь – череда находок и потерь...
Одиноко мысль моя теперь
Бьётся, словно рыба на блесне:
«Отчего ты не пришла ко мне?!»
Обессилели мои слова, –
Между нами лет моих провал, –
В тине их барахтаюсь на дне...
Оттого ты не пришла ко мне!
Вспоминаю чувственный удар...
Память, словно ласковый удав...
Задыхаюсь, как в кошмарном сне:
«Отчего ты не пришла ко мне?!»
Застит свет волос твоих дурман...
Я в любой поверил бы обман...
Ты ж мечту распяла на сосне, –
Оттого и не пришла ко мне...

Глаз твоих сияющих ручей
 Не смутил поток моих речей.
 Не взорвал я сон в твоей стране, –
 Оттого ты не пришла ко мне...
 ...На Земле уже который год
 Истина неизблемо живёт, –
 «Дал» и «Получил» – равны в цене
 Отчего ж ты не пришла ко мне?!

И о щенке...

Пушистый
 вертится у ног
 волчком
 щенок.
 Его прельщает
 с ранних пор
 земли
 простор.
 Готов
 идти
 на каждый свист
 Он –
 оптимист.
 Всех в мире,
 как родную мать,
 готов
 лизать!
 В глазёнках
 радости
 струится свет
 И горя –
 нет.
 Стремится каждый,
 оттого,
 Ласкать
 его...

...И вечен
 на Земле
 вопрос
 Метаморфоз...
 Кто виноват,
 что злобы мрак
 В глазах
 седых
 собак?!

ПРОЗА

Татьяна ЛЕТНЕВА

Потребность любить...

С потребностью любить люди рождаются. Только, по непонятным причинам, в реальной жизни эта самая потребность странным образом распределяется. Для одних окончательно стирается, растворяясь в пространстве событий жизни, однако других может одаривать, правда, не сильно, лишь прикосновением, как южный ветер, а кого-то погружает со всей силой в пламя непознанных страстей.

Чаще всего, с нерастраченной необходимостью по непонятным причинам улетает, перелетает к тем, кто и любить по-настоящему не желал, да и особенно не хотел, или совсем не умел. И такое бывает. Но если она, в смысле Любовь, коснётся вдруг однажды, то это будет для пронзённого стрелами Амура сильнейшим потрясением и откровением. Куда только отношение нигилиста денется. Но сейчас речь не об этом, не о счастливчиках.

О, как она любила театр! Она родилась актрисой в душе, но реальность не допускала, не приближала её к сцене, вернее, приближала, но только как зрителя, поклонницей чужих талантов. Однако в ней самой было столько нереализованных, непроявленных, скрытых талантов! Только им для проявления ещё время не подошло.

Но чтобы увидеть её главный талант, который был в её способности чувствовать другого, принимать чужую боль как свою, тонко, глубоко воспринимать иную особенность, нет, прирождённую потребностью любить и молчать об этом, но отражать себя мало-мальски в любых проявлениях жизни, – чтобы увидеть это, надо было приблизиться к ней душой. От простых, незначительных мелочей узнавания до сильного чувства принятия, почти родства.

Ещё особенно она выделяла собак. Говорила, что это – души её нерождённых детей, может быть, даже души её братьев или сестёр, не пришедших в этот мир по странным или страшным обстоятельствам, поэтому они не просто так стали её выбором и прибились к ней явно неслучайно.

Татьяна Александровна Летнева – поэт, член Московской городской организации Союза писателей России, Московского Литературного Фонда, член Клуба писателей ЦДЛ, постоянный автор сетевой литературы, участник литобъединений и проектов, литературных студий. Автор множества публикаций в российских и зарубежных литературных изданиях. Лауреат литературных конкурсов. Произведения были отмечены дипломами О. Мандельштама, М. Цветаевой, Ф. Тютчева, памятной медалью «А.С. Грибоедова 1795-1829». Автор книг «Прикосновение к сказке», «Такое трудное понятие Любовь...», «Я птица, песня, звезда и вечность...», «Куликовы были», «Многообразие любви...», «Метаморфозы нежности», «Перекресток тел и души». Работает в жанре переплетений рифмованной и нерифмованной поэзии, стихотворений в прозе.

Живёт в Москве.

Больных, бездомных щенков лечила, приютив в своей квартире, кормила, ухаживала за ними, и кошек бездомных не забывала, и переживала так, словно это её неотделимые, единственные близкие, божьи создания. И делала это изо дня в день, словно необходимый ритуал, какие бы обстоятельства ни мешали.

Сама же она была обделена простым, человеческим теплом, не говоря уже, о мужском участии.

Её околотеатральная жизнь была её дыханием, глотком свежего, творческого воздуха. Она словно перерождалась, и вся её суть участия, восторга, восхищения, почитания из зрительного зала стремительно перелетала сначала в общую атмосферу спектакля, а затем в конкретное, обожаемого актёра. В этом была вся её тайная и явная реальная жизнь. В ней, в театральной среде распускалась скрытым, необыкновенным цветком душа актрисы.

В реальности же её жизнь состояла из постоянных мелочей, обязанностей и серой обыденности, так же, как и работа. От въедливого множества ответственности за незначительные, но необходимые, пустяшные, и для многих невидимые особенности её профессии, поразительно приближенной к чужим жизням в виде книг и описанных в них судеб, от этих пустяков часто зависели нюансы необходимой точности и удобства, – не её, а других людей. И она этим дорожила. И её уважали в повседневности рабочих буден.

Как выразить себя иначе?

«Спешу, не теряйся...», – шептала ей её душа.

Вот, она и записалась в театральный кружок. Ранее, в молодости пыталась поступить в театральное училище, даже несколько месяцев отучилась там, но обстоятельства жизни вскоре её вырвали из этого, так необходимого ей, круга. Она не хотела больше об этом вспоминать.

А вот заново в театральную студию стала ходить и участвовать в спектаклях. И, на удивление многих, у неё это здорово получалось. Даже в незначительных эпизодах театра-студии играла и преображалась каждым словом, демонстрируя свой утончённый дар, изменяясь и в лице, и в глазах, и в голосе, и в походке. На сцене она была совсем другим человеком, не такой, как всегда.

Не буду вдаваться в подробности, в каком городе, в каком театре и в какого актёра, но так, однажды, не вдруг, она и влюбилась по уши. В него, долгового, худого, длинноносового, длиннорукого, с львиной шевелюрой. Талантливый! В этом она не сомневалась ни минуты.

Немела от обретённого счастья. Невозможно скрыться от самой себя. И ничего не могла с этим поделать. Бегала на спектакли с его участием, летала, словно на крыльях, никогда без цветов, вернее, не только цветы, но и милые подарки. Так замечательно краснела, молчала, опуская глаза, передавала небольшие сувенирчики, игрушки, страдала безумно, не спала ночами, все дни напролёт думала только о нём, но никому ничего не говорила.

Однако, те, кто в эти мгновения был с ней рядом, замечали её перемену сразу. Удивлялись, спрашивали, отчего и почему она так похорошела, уж не влюбилась ли? Она же сразу замыкалась, отнекивалась, всё твердила: «Да ну вас...». И отходила в сторону, убегая от ответа.

Но он её наконец-то заметил. Когда в очередной раз актёры вышли на поклон, она подошла к нему со скромными дарами и цветами, он взял её за руку, притянул к себе и прошептал: «Подождите меня после спектакля, на выходе. Мне надо вам что-то сказать».

Вот в этот миг весь мир стал для неё божественным, цветущим садом. Кровь ударила в голову, голова закружилась, ноги подкосились и она, ничего

не ответив, оторвавшись от его руки, сбежала по ступенькам со сцены в зал, в толпу зрителей.

Выбежала на улицу, но стоять рядом с выходом не стала. Отошла в сторону. Щёки её горели. Руки были холодны как лёд. А сердце летело во весь опор. Ничего не понимала, не ожидала такого. Мысли, словно острие тонкой иглы, бились в её голове, пульсировали бешено, перегоняя друг друга в панике:

«Господи, да что же он мне может сказать? Зачем я ему? Некрасивая, небогатая, не актриса, наконец, это он мне нужен, как воздух, а не я ему... Господи, что же будет? Я не выдержу, не выдержу...»

Но всё равно никуда не уходила, хотя ноги её тряслись, словно она пробежала двести метров или поднялась на одном дыхании на восьмой этаж. Губы от волнения пересохла. Остужал её пыл только весенний ветер, причём мягко, заботливо, как родной, трогательно, словно уже обо всём знал, но не торопился уточнять.

И вот он вышел. Вышел в окружении почитательниц, чаровниц-обожательниц, с цветами. Девчонки щебетали вокруг него, прижимались, даже целовали в щёчку. Он улыбался во весь рот, был эмоционально возбуждён, и особенно рад приближению молодости с таким искренним восторгом и оценкой его актёрского таланта и игры.

Он начал искать её глазами. Не нашёл вначале. Заволновался. Стал крутить головой туда-сюда. Потом увидел её, стоящую в стороне. Облегчённо вздохнул. Значит, не потерял, не ушла. Уже на улице, рядом с театром. Ждёт.

Спешно попрощался с поклонницами своего таланта, помахал им рукой и направился в её сторону.

Подошёл и сразу же сказал: «Я хочу вас пригласить в кафе и кое-что вам рассказать подробно. Не возражаете?»

«Нет...» – только и успела прошептать она, потому что голос у неё тоже спрятался куда-то.

Молча дошли до кафе, оно было метрах в ста от театра. Так интересно, кафе было с названием «Для тебя...» Сели за столик, но она по-прежнему не могла справиться с волнением и дрожью в ногах, руках и голосе. Он словно не замечал её волнения.

Сразу, как только сели напротив друг друга с чашкой чая и пирожным, что он заказал для себя и неё, как только они присели, он стал длинно и витиевато, но горячо, страстно говорить, говорить...

И говорил он о своей любимой матери. Насколько к ней привязан, что она всё, что у него есть, его горячо обожаемая, но очень серьёзно больная мама. Говорил, говорил, насколько она нуждается в его заботе, насколько больна, подробно-подробно, со всеми медицинскими деталями, со всеми физиологическими нюансами.

Она слушала и думала о том, как странно всё, что он сейчас, вот тут, с ней... и зачем так в мельчайших деталях о болезнях матери? А он всё говорил и говорил...

Она его не прерывала, она только недоумевала:

«Зачем и почему в этом необъяснимом мире столько одностороннего отношения? Он так привык к женскому вниманию, к почитанию своего актёрского таланта, но что надо ему от меня? Такой зажатой, закрытой, закомплексованной? Отчего я тут сижу вместе с ним? Непонятно... Он до сих пор не приблизился к самому важному: зачем он выделил среди толпы поклонников именно меня? И что конкретно ему надо?»

Ах, да, необходимость высказаться, всё вылить, выплеснуть. Устал, бедняга от серой повседневности, ведь перед ней не надо красоваться или вживаться в роль, как на сцене. И почему именно я должна впитывать в себя только трудности? И свои, и чужие? Но что я о себе возомнила!? Интерес ко мне?! Дура. Дура. Кто может проявить интерес ко мне?

Боже, да, кажется, поняла, он хочет, неужели? чтобы я приносила подарки не только ему, но и его матери. А что ещё? Что?!»

Она не перебивала его, ничего не уточняла, а только безропотно слушала, слушала. И только с каким-то особенным интересом рассматривала его руки, глаза, нос и как нервно двигались, дыша, при разговоре ноздри, перекашивались губы. Детально вглядывалась в мимику, в морщинки, как падали иногда на лоб его волосы, а он быстрым движением руки откидывал их назад, как перекидывал с одного колена на другое свои длинные ноги в шикарных тёмно-серых ботинках или стучал по столику фалангами пальцев, нервно, но красиво.

Так близко, на расстоянии вытянутой руки, он был с ней впервые.

«Какие тонкие, длинные пальцы у него, – думала она и снова улетаала, слушая его, в своё состояние восторга и обожания. Тихо, бессловесно любовалась им, замечая самые мельчайшие нюансы. Его карие, горящие как угли глаза уже касались её, уже жгли горячей шоколадностью, блуждая по её уставшему лицу, словно искали, куда проникнуть. Но в глаза он словно боялся ей смотреть.

Но она же не теряла нить разговора, запоминала всё через как бы случайные реплики, что его мама любит, что предпочитает, какая она особенная. Его мама.

«Видимо, – думала она, – мне невозможно принимать его без этого тождества, единения, неразрывности, его необходимо обретать только в нерушимой связке с его бедняжкой-мамочкой».

И она согласилась. И с этой мыслью. И сама с собой. Причём, сразу, без слов и безоговорочно.

«Ах, как люблю искать, выбирать, покупать и делать подарки для тех, кто мне безразличен, как я отдыхаю в этом процессе поиска и покупательного обретения. Какая радость живёт во мне, если и мой чистосердечный посыл находит отклик, потому что моё восприятие человека на уровне интуиции. И если я угадываю то, что ему приятно и нравится, мне тоже становится очень тепло и уютно. Радость приближается ко мне. Это заменяет мне праздник. Обязательно его маме тоже что-нибудь необычное куплю», – думала она, на секунду улетаая от монолога говорящего, перелетая взглядом ближе к витринному окну, выходящему на улицу.

Именно в эту секунду, взглянув в большое окно кафе, вид из которого не упирался в кирпичные стены напротив, и, как ни странно, из него был виден достаточно большой кусочек неба, она задохнулась от внезапно охватившего её восторга. Она увидела на фоне городских огней и вечернего, почти ночного неба летящую, яркую, стремительно падающую звезду.

Она верила в предсказания, в приметы, в штрихи из вечности. Это был её миг желания.

«Главное, не опоздать, главное, успеть загадать», – такой же звездой или кометой в ней пролетела мысль о невероятном исполнении её скромного желания.

«Боже мой, пусть он посмотрит мне в глаза, не отрывая своего взгляда, чтобы не только я хотела бесконечно смотреть в его глаза, чтобы и я могла проникнуть в его глубину души, хотя...»

Но было уже поздно. Звезда, пролетев, погасла. Желание чиркнуло её душу болью и исчезло, как сгоревшая спичка, но обжегшая случайно пальцы.

Но именно в этот миг её собеседник замолчал, а потом резко спросил: «Что с вами? У вас в глазах слёзы, вам что-то попало в глаз? Давайте, я посмотрю».

«Нет, нет, что вы...» – испуганно воскликнула она, отчего-то вдруг сжалась вся, предчувствуя, что он может невзначай коснуться её. Неосознанно или осознанно она боялась его случайных прикосновений. Боялась за себя. Не выдержит.

Его монолог пресёкся. И оба почувствовали неловкость от обоюдного молчания.

Как быстры прилетающие и вмиг улетающие чувства, как переменчивы настроения и желания, словно внезапно налетающий ветер. Теперь ей хотелось уйти, исчезнуть, раствориться. Она быстро встала и взволнованно произнесла:

«Простите меня, но я вынуждена вас покинуть. Меня ждут дома. Я многое из нашей беседы поняла. Тронута».

«Вас ждут? Кто?» – бестактно спросил он.

«Мои сынки. Ой, в смысле, щенки...»

Он недоуменно поднял брови и замолчал.

«Какие сынки? Не понял. При чём здесь щенки? Хорошо, давайте я вас провожу до метро хотя бы. Только мне надо расплатиться».

«Нет, нет, не стоит, не провожайте. Увидимся на новой премьере. Я обязательно приду. Про вашу мамочку теперь буду помнить всегда. Не грустите».

Она быстро подняла со стула свой вязаный шарф, перекинула его через плечо и выбежала из кафе.

А он стоял возле столика в кафе, с названием «Для тебя...». Недоуменный, высокий, худой. И очень красивый. С такой необъяснимой мужской харизмой, что многие девушки, ещё сидящие в кафе, не могли оторвать от него взгляда.

Руки его дрожали, непонятно от чего. Может быть, от откровения и неожиданных смен ситуации и настроения. Но явное неудовлетворение было написано на его худощавом, почти скульптурном лице.

«Убежала. Неужели испугалась? А я ещё так мало рассказал...», – стрелой прожгла его собственная мысль.

А она тем временем быстро шла по улице. Непрошенные слёзы текли по её щекам, она не спешила их вытирать, ветер остужал её страсти, непонятно откуда налетевшие, а мысли кипели и просились наружу вместе со слезами:

«Никогда не буду счастлива, никогда. Никаких надежд. За что? Почему так жестокосердна судьба со мной? Почему?»

И этот вопрос «Почему?» стал вдруг для неё живым, летал вокруг неё, врзался в углы домов, опять к ней возвращался. Касался идущих навстречу случайных и малочисленных прохожих, кидался в ноги, путался в них, в складках её одежды, отражался в витринах магазинов, искрился радугой в глазах и её слезах, а потом вдруг одним мгновением испарился в Небе.

Но слёзы её высохли. Не жди. Ответа нет. Страдание стало испаряться, как и неожиданное, ожившее слово.

«Не задавай много вопросов, – ответила она сама себе, – а просто живи и радуйся тому, что тебе даётся ежедневно». И улыбнулась. Сама себе.

И все звёзды на Небе замигали ей, соглашаясь. А в душе она услышала чей-то шёпот: «Чтобы не потерять ПОТРЕБНОСТЬ ЛЮБИТЬ...».

Она удивилась такой ясности голоса внутри себя и опять тихо сама себе улыбнулась, опустив глаза.

И уже спокойно вошла в метро. Прошла через турникет и поплыла на эскалаторе в светящуюся пасть подземки.

Рассказы

В неподходящее время в неподходящем месте

Студёный февраль... Лютует мороз, не отступая и в субботний вечер. Вдоль городской улицы замерли пирамидальные тополя, опущенные снегом. Меж ними по льдистой дороге движется милицейский «уазик». На передних дверцах его наклеены большие белые буквы: «ПА» – патрульный автомобиль. В кабине двое молодых мужчин в знакомой населению тёмно-серой форме. На плечах водителя – сержантские погоны, у пассажира рядом – лейтенантские.

– Шёл бы он со своими экспериментами... – продолжал монолог на наболевшую тему пассажир «пэашки», участковый инспектор милиции Виктор Бычков. И далее недвусмысленно уточнил, куда именно.

«В места отдалённые» настойчиво посылался начальник УВД города. Именно по его приказу отряд участковых инспекторов и уселся в патрульные автомобили, «чтобы оперативно прибывать на места совершения преступлений». Эх, ведал бы главный городской борец с преступностью, где за последнее время пришлось ему перебивать... в мыслях-желаниях многочисленных подчинённых!

– Сам посуди, – изливал душу напарнику Бычков. – Участок у меня – врагу не пожелаешь. Многоэтажки, коммуналки петровских времён, частного сектора тоже хватает – одна Песчанка чего стоит... Три общежития! Два мини-рынка! Цыганский квартал – рассадник наркош... Сейф неотработанными жалобами забит; одна бабушка уже до печёнок достала, всё по соседству инопланетяне мерещатся; поднадзорников и охотников проверять срок... А тут замначальника совсем сблындил: требует, чтоб каждый участковый за месяц по сотне административных протоколов оформлял, плюс к тому дай пять раскрытых преступлений. «И непременно чтоб

Фёдор Михайлович Ошевнев – Родился в 1955 г. в Усмани Липецкой области. Окончил химический факультет Воронежского технологического института в 1978 г. и факультет прозы Литературного института им. А.М. Горького в 1990 г. (семинар В.И. Гусева). Член Союза журналистов России с 1990 г. и Союза российских писателей с 2014 г. Четверть века отдал службе в армии. Участник боевых действий. Прозаик, публицист, журналист. Автор двенадцати книг, более тысячи журналистских материалов и более четырёхсот литературных публикаций в отечественной и зарубежной периодике.

Живёт в Ростове-на-Дону.

одно – тяжкое»... – передразнил Бычков начальника. – Будто они, убийства да изнасилования раскрытые, – вот, прямо на дороге валяются...

– Если валяются, так только нераскрытые, – впервые вклинился водитель, сержант милиции Алексей Барибал.

– Во-во... Тогда уж лучше никаких – показатели не портить. Короче, время драгоценное идёт, а мы тут с тобой впустую километры накручиваем...

Автомобиль остановился на красный свет. Бычков приоткрыл дверцу машины и ожесточённо сплюнул. В салон радостно ворвался морозный воздух, и участковый торопливо захлопнул дверцу.

За перекрёстком «уазик» обогнала БМВ. Скоростная машина явно нарушала правила дорожного движения: сильно виляла, то и дело выскакивая на встречную полосу.

– Ты гляди, что делает, – оживился Барибал. – Сто процентов: нажрался – и за руль...

– Сейчас точно в кого-нибудь въедет, – не без оснований предположил Бычков. – Давай, догоняй, – и схватился за микрофон громкоговорителя – в милицейской среде попросту матюгальника.

Меж тем БМВ, двигаясь по синусоиде, проскочил следующий квартал и выкатил на Пионерскую площадь. На ней, в центре огромной клумбы, памятником прошлому высилась скульптурная группа: мальчик с барабаном и девочка, вскинув руку в пионерском салюте. Ещё с перестроечных времён композицию стали опошлять, выставляя на барабан треснувший стакан или пустую водочную бутылку, вывешивая на шею салютующей таблички: «Даю с 17 до 19 без выходных», а однажды на обломок барабанной палочки нацепили презерватив.

Обгоняя автобус справа, импортная машина подъехала к нему впритирку. Опасаясь столкновения, водитель «Икаруса» вынужден был отвернуть влево. Автобус вынесло на клумбу, и он чуть не «поцеловался» с бетонным постаментом.

Сидящие в БМВ, похоже, даже и не заметили, что чуть не влипли в аварию. Миновав площадь, машина совсем переместилась на встречную полосу, распугивая транспорт и заставляя его вплотную прижиматься к тротуару.

– Водитель БМВ, госномер такой-то, немедленно остановитесь! – дважды прокричал Бычков в микрофон.

Никакой реакции... Впрочем, автомобиль-нарушитель вырулил-таки на свою сторону дороги.

– Обгоняй! – скомандовал участковый.

– Ага... У него мотор вдвое, – ответил Барибал, но на акселератор надавил.

Вскоре автомашины сравнялись. Приоткрыв боковое стекло, Бычков выставил в него руку с жезлом и отчаянно замахал, требуя остановки.

Опять никакой реакции... Автомобили продолжали мчаться вперёд. Бычков спросил:

– Ну что, придётся подрезать?

– Дело несложное, – отозвался напряжённо удерживающий «пэашку» рядом с дорогим авто Барибал. – Только потом начальство может не понять...

– Давай... – решился Бычков. – По-хорошему всё одно не получится...

Водитель до отказа нажал на газ, на полкорпуса обогнал БМВ, умело прижал его к бордюру и резко крутанул руль вправо-влево. Машины едва

не столкнулись. БМВ притормозил. Барибал повторил маневр, и автомобиль-нарушитель остановился, чуть не врезавшись «пэашке» в крыло, – на сей раз сержант милиции руль влево не отворачивал, и «уазик» под острым углом преградил БМВ путь.

Бычков выскочил из машины, осторожно постучал жезлом в стекло соседнего авто. Из салона не донеслось ни звука. Участковый инспектор дёрнул за ручку дверцы – заперто. Сильнее постучал в стекло – оно наконец поползло вниз.

За рулём сидела женщина в норковых шубе и шапке. Немолодая, лет под пятьдесят. Того же возраста мужчина – пассажир на переднем сиденье. Он был одет в кожаное пальто, на голове – ондатровая шапка. Из салона прямо-таки несло перегаром.

– Чего надо? – недовольно процедила женщина.

Бычков по-уставному представился, козырнул:

– Ваше водительское удостоверение...

– Ишь чего захотел! – услышал он в ответ возмущённый возглас.

Участковый опешил: нарушители ПДД так себя с сотрудниками милиции не ведут. Тут в ситуацию вмешался пассажир.

– Тамара, помолчи, – одёрнул он спутницу, вылез из машины и, пошатываясь, подошёл к участковому. На ходу расстегнул пальто, доставая из внутреннего кармана пиджака документы.

– Младший советник юстиции Перов, – сказал он, раскрывая книжечку в красной обложке. – Прокурор Свердловского района. Только что назначен, – снизошёл он до пояснения. – А это, – указал на женщину за рулем, – моя супруга.

Бычков и вышедший к тому времени из «уазика» Барибал замялись. Патрулировали-то они как раз на территории Свердловского района и уж меньше всего ожидали во время дежурства нарваться на новоиспечённого главного надзирающего за местной милицией. Да ещё в таком виде!

Впрочем, будь сам Перов даже и нетрезвым за рулём, они бы младшему советнику юстиции только откозыряли – задерживать-то права не дано... Ну, по окончании дежурства устно доложили бы начальству о неординарной встрече. Стопроцентная гарантия: им бы посоветовали о ней забыть на веки вечные.

Однако сейчас нарушитель за рулём – лицо гражданское. Хотя, с другой стороны, муж и жена – одна сатана. Разве ж прокурор свою избранницу в обиду даст?

– Были в гостях, – пояснил Перов.

– Чего ты перед ними отчитываешься? – перебила мужа женщина. – Нашёл перед кем расшаркиваться! Поехали!

– Да помолчи же ты! – уже прикрикнул прокурор на супругу. – Сейчас всё решим...

– Товарищ прокурор, – набрался мужества Бычков, – вы нас, конечно, извините... Только ни вам, ни жене вашей никак за руль нельзя. Минуту назад, на площади, чуть дорожно-транспортное не совершили. Жизнями рискуете...

«И не одними своими», – хотелось добавить лейтенанту милиции, но он предпочёл оборвать предложение.

– И чего, по-твоему, нам теперь делать? – опять встряла в разговор женщина. – Пешком через полгорода идти?

– Зачем пешком? – на ходу соображал Бычков. – Позвоните кому-нибудь из знакомых... Кто живёт недалеко... Он и довезёт.

– Ага, умник нашёлся! – не успокаивалась женщина. – Сейчас сто человек слетится – всем больше делать нечего.

– Тамара! Я тебя умоляю! – прижал руки к груди прокурор.

– Что вы делаете? – воскликнул до того молчавший Барибал.

Кричал он супруге Перова, которой, по всему судя, надоело препираться. Женщина запустила двигатель и включила заднюю скорость, однако слишком резко тронула с места, и мотор заглох. Прокурорша тут же вновь завела машину и включила... первую скорость. Автомобиль рванулся вперёд, и его бампер углом упёрся «пэашке» в крыло.

Прокурор выругался. А Барибал, тронув Бычкова за рукав, твёрдо произнёс:

– Докладывай по рации дежурному. Иначе, если разъедемся, они завтра заявление подадут, что это мы во всём виноваты, а бампер немалых денег стоит...

И как ни просил Перов сотрудников милиции сокрыть происшедшее, те через дежурного по УВД города вызвали на место столкновения дежурную группу сотрудников ГИБДД.

Через пятнадцать минут к двум автомобилям подъехал третий, специально оборудованный проблесковыми маячками и с символикой ГИБДД.

– Старший инспектор дорожно-патрульной службы, – отрекомендовался офицер, – капитан милиции Шубин.

Следом за ним из спецмашины вышел и сержант-водитель. Они-то, не без помощи Перова, наконец вытребовали у его супруги водительское удостоверение.

– Так что делать будем, товарищ прокурор? – вслух рассуждал капитан милиции. – По закону-то оно, конечно, ясно: схему ДТП расчертить, Тамару Вячеславовну – на освидетельствование на предмет признаков алкогольного опьянения, протокольчик за нарушение ПДД составить, ну а транспортное средство – на штрафстоянку...

– Чего захотел... – подала голос так и не вышедшая из автомобиля прокурорша. – Только попробуй: завтра же из милиции вылетишь!

– Да ты заткнёшься в конце-то концов?! – не выдержал Перов. И предложил Шубину: – Товарищ капитан, давайте мы вам напишем, что претензий к сотрудникам милиции у нас нет, а вы бы помогли до гаража доехать. Тут похорошему десять минут хода...

Капитан милиции недолго поразмышлял. Наживать себе врага в лице прокурора района явно не хотелось. Хотелось – подстраховаться, однако отбирать у него письменное заверение в невиновности в аварии стражей порядка... Нет, Шубин и на это не решился.

– Крыло-то не сильно повредили? – спросил он Барибала.

– Переживём, – мрачно отозвался водитель. – А вот как бы товарищ прокурор завтра не передумал...

– Да господь с вами, ребята, – замахал руками Перов.

Прокурорша на этот раз благоразумно промолчала: может, поняла, что дело идёт к мировой, а может, хмель маленько поветрился. Словом, «пэашка» поехала дальше по маршруту патрулирования, а Шубин уселся за руль БМВ.

– Исключительно из уважения к работникам прокуратуры, – счёл долгом пояснить своё решение капитан милиции, включая двигатель.

Супружескую чету, в сопровождении автомашины ГИБДД, к гаражу доставили действительно за несколько минут. Прокурор долго шарил по карманам в поисках ключа. Наконец отыскал его – сейфовский, с двойной бородкой. Сделал несколько безуспешных попыток попасть в скважину, переругиваясь при этом с супругой. Затем беспомощно пожал плечами:

– Товарищ капитан, может, вы поможете? Застыло, что ли?

Осторожный Шубин сам замок открывать не взялся, позвал сторожа. И только убедившись, что автомобиль благополучно заехал в гараж – за рулём на этот раз сидел сам Перов, – откозырял и удалился к служебной машине...

На том и был бы мирно окончившейся истории конец, ан вовсе нет. Через полчаса и «пэашка», и автомобиль ГИБДД мчались к Свердловскому райотделу, срочно вызванные по радиосвязи.

Первыми к зданию ОВД подружили Бычков и Барибал. И, едва выйдя из машины, тут же были встречены непечатными словами, которыми милиционеров обложила прокурорша, стоявшая на ступенях райотдела вместе с мужем и начальником штаба ОВД; все трое курили.

Участковый и милиционер-водитель опешили, ничего не понимая.

– Я же говорил: за бампер ругаться приедут, – тихо сказал Барибал напарнику.

Но оказалось, что бампер-то как раз и ни при чём. Супруги утверждали, что после общения с милицией из БМВ пропала супердорогая дамская сумочка стоимостью шесть с половиной тысяч «деревянных» – фирмы Картье, цвета бордо и с укороченной ручкой, принадлежавшая Перовой. А помимо косметики – сплошь Кристиан Диор – там находились тысяча двести «зелёных», семьсот российских рублей, сотовый телефон фирмы «Моторола» и начатые упаковки лекарств: нимотопа, норвакса и эссенциале.

– Воры! Разбойники! Оборотни в погонах! Вы у меня надолго сядете! – выкрикивала разошедшаяся прокурорша.

– Ну это ж не они, – пытался утихомирить её супруг. – Они даже в машину не сажались... Гаишника... Тьфу – никак не привыкну – гибэдэдэшника работа, который нас вёз... Больше некому...

Лёгок на помине, появился Шубин с водителем. Им пришлось выслушать в свой адрес оскорбления покруче.

Меж тем к райотделу подъезжали и подъезжали машины. Прибыл начальник ОВД, его заместитель по кадрам, дежурный кадровик из УВД города, дежурный следователь прокуратуры района, дежурный управления собственной безопасности УВД области и, наконец, один из замов прокурора города.

Всей толпой ввалились в «дежурку». Прокурорша махала перед носом дежурного по райотделу листом стандартной бумаги – заявлением о краже, но в руки почему-то не давала. Дежурный зарегистрировал факт обращения Перовых в специальной книге формы номер два. Четырёх сотрудников милиции, подозреваемых в краже из автомобиля, «пустили по кругу»: каждый из них поочерёдно давал показания дежурному инспектору по разбору, кадровику из городского УВД, «уэсбэшнику» и следователю прокуратуры, поскольку

всякая инстанция проводила собственное служебное расследование по факту устной жалобы.

Прокурора и его супругу опрашивать почему-то никто не спешил. Только по указанию начальника ОВД дежурный инспектор по разбору предложил Перовой пройти медицинское освидетельствование на алкоголь, но та возмущённо взвопила:

– Ишь чего захотели! Своих покрываете! Ничего, я на всех вас управу найду! – И локтем толкнула мужа: – Ты куда смотришь? Не видишь, что ли, как они концы в воду прячут?

Прокурор тщетно пытался уговорить свою слабую половину. Заместитель прокурора города обещал «вывернуть всё наизнанку, но преступника в погонах вычислить и покарать». Милиционеры наотрез отрицали причастность к краже.

– Я вообще к машине близко не подходил, около своей стоял, – утверждал водитель-гибэдэдэшник.

– Я тоже до «бээмвешки» не дотрагивался, – вторил Барибал.

– К машине подходил, но внутрь не садился, только в стекло водительское постучал, – пояснял Бычков. – Ну и как бы я, по-вашему, эту сумку взять мог, если заявительница показывает, что она на заднем сиденье лежала?

Труднее всего приходилось Шубину: потерпевшие – а в этой роли прокурор с супругой уже себя утвердили, и ни у кого из присутствующих даже и мысли не возникало усомниться в недавнем существовании дамской сумочки с дорогостоящим содержимым – грешили именно на него.

– Что я, по-вашему, круглый идиот? – отчаянно жестикулируя, частил капитан милиции, защищаясь от наседавшего на него «уэсбэшника», которому помогал опрашивать подозреваемого в краже заместитель прокурора города. – Не видел я этой сумки! А если б и увидел – чужого брать в жизни не брал! По мне оно хоть прокурорское, хоть президентское – один хрен, не моё! Опять же, говорят, она на заднем сиденье лежала – так я там вообще не сидел, только за рулём!

– Но водительские права-то из сумочки доставали, чтобы вам предъявить? – напирал заместитель прокурора.

– Доставали, – соглашался офицер ГИБДД. – Только откуда – я не следил. Во-первых, темно было, а во-вторых, в БМВ стёкла тонированные...

– Да что вы с ним лялякаете? – бушевала Перова. – Спёр, так ещё и отпирается! А на лице всё написано!

– Это у вас кое-что написано... – огрызнулся Шубин.

– Чего именно? – подбоченилась прокурорша.

– А что нетрезвы, – коротко сформулировал капитан милиции.

– Это тебя не касается! – яростно покрутила перед его лицом указательным пальцем женщина.

– Сейчас – да. А жаль... – и Шубин пасмурно улыбнулся.

– Чего жаль? Конкретизируйте, – опять подключился заместитель прокурора города.

– Что домой их отвёз. А надо бы – на штрафплощадку, – совсем хмуро пояснил капитан милиции. – Участковый так и советовал, да вот не послушался я, на свою голову... И вообще, разберитесь для начала: а может, её, сумки-то, и не было? Тем более – с такой суммой...

– Вы что, нас во лжи обвиняете? – Лицо прокурора-потерпевшего разом пошло красными пятнами. – Да я тебя, не знаю что...

– Наручники на него! – поддакнула прокурорша. – И в камеру!

– Меня? В камеру? За что? – вскочил с места и рванул форменный галстук Шубин. – Да я пятнадцать лет... без единого взыскания... Медаль «За отличие в охране общественного порядка» имею...

– Ну не так-то это просто, Тамара Вячеславовна, – несколько охладил пыл разгневанной женщины заместитель прокурора города.

Бычков, Барибал и водитель-гибэдэдэшник, от которых уже все отвязались, с сочувствием смотрели на своего собрата по несчастью, которого явно было решено сделать «стрелочником».

Руководство райотдела словесную дуэль подозреваемого и обвиняющих слушало с отвращением, но не вмешиваясь. И тут в дверях «дежурки» появился начальник ГИБДД УВД города подполковник милиции Стрельников – прямой начальник попавшего в серьёзный переплёт инспектора дорожно-патрульной службы. Старшего офицера отыскали и оторвали от свадебного стола племянника аж в соседнем районе.

Быстро уяснив положение дел, подполковник задал разумный вопрос:

– А не могло так случиться, что эту сумочку, со всем содержимым, возле гаража обронили, когда его открывали?

– Ну, знаете... – напустилась на подполковника милиции прокурорша. – За дураков нас принимать? Мы потому про неё и забыли, что он её из машины украл! А домой пришли, хватились – нет.

– И тем не менее, – настаивал Стрельников, – почему бы и не проехать к гаражу? Вдруг да отыщется пропажа...

Кортеж из восьми машин под звуки сирены и мигание проблескового маячка спецавтомобиля ГИБДД нёсся по городу. На громкие «уи-уи» из ворот гаражного кооператива выскочил сторож.

– О-о, Тамара Вячеславовна! А я вам ещё вслед кричал, когда опять уезжали, – заискивающе проговорил он. – Сумочку-то вы здесь обронили. Её снегом припорошило, но я углядел. Сей секунд сюда принесу...

Пока сторож ходил за сумочкой, девятнадцать человек (включая пятерых водителей служебных автомобилей) молча стояли, переваривая новость. Надо думать, что чета «потерпевших» – а особенно прокурор района – в эти минуты чувствовала себя не очень-то комфортно.

Когда сторож вручил Перовой кажущуюся на первый взгляд скромной дамскую фирменную сумочку, женщина, даже не поблагодарив его, тут же принялась перерывать её содержимое.

– Заявленные как пропавшие ценности в полном объёме? – поинтересовался начальник ГИБДД. – Сотовый телефон исправен?

– Представьте себе, – отозвалась женщина. – Даже очень странно... И телефон работает...

Перед входными воротами гаражного кооператива вновь воцарилось напряжённое молчание. Наконец Перова неохотно произнесла:

– Ну, это... Раз оно так получилось... Давайте выпьем бутылку коньяка и забудем...

Было понятно, к кому именно обращается прокурорша.

Водитель спецавтомобиля ГИБДД молча повернулся к женщине спиной.

Барибал сплюнул на снег и буркнул:

– Не извольте беспокоиться.

Бычков хмыкнул, сморщил нос и заявил:

– Есть у меня сильное желание в суд на вас подать... За клевету.

А Шубин, на котором скрестили взгляды девятнадцать пар глаз, отвечать не спешил. После долгой паузы всё же разлепил губы:

– Бог вам судья... А вот вы меня без суда и следствия в камеру загнать хотели. Так неужели ж вы взаправду считаете, что я с вами за один стол... Да с такими людьми я на одном километре ср...ть не сяду!

– Что-о? – надвинулся на капитана милиции прокурор. – Да за такие слова... Публичное оскорбление! Завтра же ответите...

– А когда вы сами, на пару с супругой, меня материли – забыли, да? – тогда вопроса о публичном оскорблении не поднималось? – с усмешкой отпарировал Шубин. – Кстати, жаль, что мы не сто лет назад живём.

– Не понял... – растерянно произнёс Перов.

– На дуэль бы вызвал, – разъярил Шубин и медленно пошёл к спецавтомобилю. Следом потянулись к машинам и остальные.

– Товарищ прокурор, – обратился к несостоявшемуся потерпевшему начальнику ОВД, – надо бы в райотдел вернуться, объяснительные от вас с супругой принять...

– Ещё чего! – опередила мужа прокурорша. – Что мы там забыли?

– Тамара, ну так положено, – попробовал уговорить жену Перов. – Вон скольким людям беспокойство доставили.

– Это их работа, – безапелляционно заявила прокурорша. – А поскольку письменного заявления мы не подавали, считайте, что его вообще не было. Домой, домой! – И, схватив мужа под руку, чуть ли не силой потащила к автомобилю. – Машину в гараж – и живо спать. У меня завтра в фирме с утра совещание...

– **А** я вам приказываю: отметьте в форме номер два, против зарегистрированного заявления о краже из автомобиля, что записано ошибочно, – настаивал заместитель прокурора города по возвращении в ОВД, обращаясь к дежурному по райотделу.

Седовласый майор милиции категорически не соглашался:

– Хватит, один раз так сделал – из вашей же епархии проверяющий приказал выговор вкатить. Не-ет, дураков больше не имеется.

Несмотря на время за полночь, заместитель прокурора города позвонил домой начальнику УВД – с той же рекомендацией. Однако понимания не нашёл...

Утром же начальник УВД города подписал заключение служебного расследования по факту случившегося, где в резолютивной части после общего для всех такого рода документов пункта первого: «Служебное расследование считать оконченным» следующим стоял пункт второй: «За невыполнение требований должностных инструкций и статьи 245 Кодекса об административных правонарушениях РФ, выразившееся в непринятии мер по привлечению к административной ответственности лица, управлявшего транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, привлечь к дисциплинарной ответственности правами начальника ГИБДД УВД города, старшего инспектора дорожно-патрульной службы капитана милиции Шубина С.Е.».

К обеду уже был готов проект приказа о наказании, а к вечеру приказ подписан. Сотруднику ГИБДД, не скупясь, впаяли «строгач».

Получая на следующий день в кабинете Стрельникова выписку из приказа, Шубин мрачно поинтересовался:

– Ну а если бы я всё сделал, как по теории надо? То есть Тамару Вячеславовну – на освидетельствование, а БМВ – на штрафплощадку?

– С ума сошёл! – осуждающе покачал головой умудрённый четвертью века погонной службы главный городской гибэдэдэшник. – Ты б после этого и недели не прослужил...

– Выходит, куда ни кинь, всюду клин? – возмутился Шубин.

– Выходит... – сочувственно согласился Стрельников. – Понимаешь, Сергей, как иногда говорят в американских фильмах, оказался ты в неподходящее время в неподходящем месте... Кстати: помнишь перечень лекарств в сумке? Типичный набор богатого алкоголика. При плохом кровообращении и посаженной печёнке.

Вздыхнул и добавил:

– А ведь поначалу вас всех четверых наказывать хотели... Ну, раз так вышло, что ты один «по делу прошёл», вправе с «подельников» магарыч потребовать. Ладно, давай, иди... Александр Матросов...

Шоколадный символ воли

Авно дело было... В конце шестидесятых. Я тогда в пятый класс ходил. И очень любил конфеты, особенно шоколадные, с белой начинкой. «Пилот», «Весна», «Озеро Рица». Не скажу, чтобы уж так часто они мне перепали, а все же почаще, чем старшей на четыре года сестре, Иринке. Сладким обоих больше баловала бабушка Дуся, наш главный воспитатель.

Заканчивалась вторая четверть, и я жил в предвкушении новогоднего праздника и зимних каникул. Во дворе снежинками на иголках серебрилась уже купленная отцом разлапистая ель. Так хотелось поскорее её украсить...

И вот наконец отец принёс из сарая крестовину, чуточку подпилит ствол лесной красавицы и установил её посреди зала. В комнате вскорости запахло хвоей. Игрушки развешивали мы с сестрой – разумеется, под контролем бабушки.

О, эти ёлочные игрушки моего детства! Пузатые будильники, на которых всегда без пяти двенадцать, лубочные избушки с заснеженными крышами, фигурки сказочных зверюшек, переливчатые рыбки, грибы-крепыши... А красная звезда из стекла на проволоке чудом сохранилась у меня и поныне. Айболит и старик Хоттабыч. Светофор и матрёшка. Труба, скрипка и барабан: всё ручной росписи. Космонавт и ракета. Витые сосульки. Аж три пендитных кукурузных початка. Гирлянды из флажков. И, конечно, жизнерадостные шары – всех цветов и размеров: с портретами вождей, с серпом и молотом, с узорами, с отражателем, с серебристой присыпкой, – неярко блестящие среди колких мохнатых ветвей. Сегодняшние же пластиковые шарики оптом сработаны на одну колодку и без души. Единственный плюс, да и то сомнительный: не бьются.

Под ёлку мы установили снегурочку и деда-мороза из папье-маше с надрезанным мешком: по малолетству Иринка пыталась найти в нём подарок.

В заключение священнодействия бабушка принесла ещё и конфеты «Пилот» – двенадцать штук, я их сразу сосчитал, и мы на нитках подвесили лакомство за хвостики фантиков. Потом бабушка предупредила:

– И чтоб ни-ни! Пусть пока покрасуются, а уж после праздника разделите.

Ничего себе испытание для меня, сладкоежки! Ещё и ёлка рядом с моим диваном: утром глаза открыл – конфеты с веток дразнятся; спать ложишься – опять душевное расстройство. Что испытание – настоящая пытка неокрепшего волею...

Словом, уже через два дня «не вынесла душа поэта». Ведь половина конфет моя, так? Какая же разница, когда именно их употребить? Ну, недовисели, подумаешь, это-то мы замаскируем.

Первой «жертвой» стал «Пилот» с нижней ветки. Подгадав момент, я вытянул его из фантика и с наслаждением сжевал, а пустую бумажку свернул так, чтобы казалось, будто конфета цела. Лиха беда начало – в тот же день добрался и до второй, а следующим утром – до третьей. Ликвидировав полдюжины «Пилотов», временно остановился: оставшиеся-то уже вроде и не мои...

Однако я быстро пришёл к мысли, что сестра почти взрослая и вообще за свою длинную жизнь куда больше меня всяких вкусностей переела, – значит, пора восстанавливать справедливость. И без всяких угрызений опустошил пару очередных фантиков. Потом, даже внутренне не оправдываясь, просто «приговорил» две следующие конфеты. Доел бы и последние, с самого верха ёлки: семь бед – один ответ. Но тут наступило тридцатое декабря, и на школьном новогоднем празднике мне вручили традиционный подарок.

Я было хотел подстраховаться, завернуть в пустые фантики конфеты из кулька, но... Это почти все шоколадные повыбирать? Жа-алко...

Развязка наступила в конце новогоднего ужина – его нам с Иринкой устраивали в девять вечера, и я на нём сидел, как на ёлочных иголках.

Тогда мы с сестрой навернули по тарелке картофельного пюре с жареной курочкой, закусили сыром и краковской колбасой (она у меня соотносилась с орехами, разбиваемыми с треском: крак-крак!). Заедали всё это салатом оливье. Потом мама отрезала нам по куску домашнего торта «Наполеон», а я лихо откупорил бутылку крем-соды и разлил шипучий напиток по чайным стаканам. Тем временем бабушка взяла ножницы и подошла к ёлке, где нацелилась на нижнего «Пилота», ныне обманного, равно как и девять его шоколадных братьев.

С болезненным любопытством я наблюдал, как пустой фантик смялся в подвижных жилистых пальцах. Сбитая с толку, бабушка на секунду-другую недоуменно замерла, затем потянулась к соседнему муляжу. Я безотчётно съёжился на стуле. Снова пустофантический результат... И ещё...

Повернувшись к праздничному столу, бабушка укоризненно взгляделась в нас с сестрой. Лицо моё разом запылало, я почему-то хихикнул, едва не опрокинул бутылку с остатками крем-соды и на автомате отвёл взгляд в сторону. И как ясно понимал в тот момент, что всё мое всполохное поведение само за себя говорит!

– А ну-ка, на меня посмотри! – скомандовала бабушка, определив виновника учинённой шкоды. И строго спросила: – Неужто все двенадцать тайком слопаи?

– Да что ты! – поспешил я реабилитироваться хотя бы частично. – Ещё целых две штуки остались, которые под шпилем.

– Как только у тебя с желудком плохо не стало? стыдоба! – укорила мама.

– Так ведь это... не за один же раз, – чуть ли не уязвлено пояснил я.

– У, мелочь пузатая, животное обжористое! – вникла в ситуацию и сестра.

– Ирина! Язык-то окороти! – прищипнула на неё бабушка.

Но я на сестру вовсе не обиделся. Придумает же: животное! Вот наш белоцветный кот Айсберг, только что оделённый куриными косточками, – это да. И нисколько я не обжора, и пуза у меня нет. А что пока мал, так ведь постоянно расту, и придёт время, старшенькую догоню и перегоню!

– Плутлив, однако! – как всегда, в двух словах высказался дедушка, вложив в них массу эмоций.

Ладно, дед в любом случае на моей стороне. Но вот папа, который сейчас беседует по телефону, точно по головке не погладит. Жуть! Сил нет как боязно...

Эх, и быть бы мне битым широким отцовским фронтовым ремнём, на котором точилась трофейная бритва «Золинген», однако меня отстояли дед с бабушкой. Она только изъяла четыре наиболее интересные конфеты из оставшихся в кульке, присовокупила к ним две несъеденные с ёлки и вручила кровно обиженной сестре, тоже любительнице сладкого. Мне же попеняла:

– Нету у тебя, друг ситцевый, силы воли ни на грош. А ещё мужчина будущий. Срамота! – и отошла, бессильно махнув рукой.

Очень меня те слова пробрали, даром что мал был. Любым путём доказать захотелось: конфеты – пустяк, а сила воли имеется, и настоящий мужчина – такой, как мой кумир актёр Жан Марэ из любимого фильма «Парижские тайны», – из меня обязательно получится.

Пожалуй, то был первый в моей жизни по-взрослому осознанный поступок. В сильно потощавшем кульке-подарке оставалась большая шоколадная медаль в серебряной фольге и с выступающей картинкой: космический корабль, удаляющийся от Земли к звёздам. Медаль сберегалась напоследок: вкуснее будет казаться. Взял я её и с отчаянной решимостью принёс бабушке:

– На, возьми, а отдашь на следующий Новый год, тогда и съем. И попробуй только после сказать, что у меня силы воли нет!

– Э-э-э, друг сердешный, так дело не пойдёт, – возразила бабушка. – Не велика важность, если я шоколадку под ключ упрячу. А вот ты её в свой стол положи, чтоб всё время под рукой, и потерпи годик. Тогда – герой!

На том и порешили. И ещё – что это будет наш секрет.

Намучился я. Особенно спервоначалу. Сядешь уроки учить – а мысль о рядом лежащей сласти все знания отгоняет. Вынешь шоколадку, помотришь на неё – тьфу, сгинь, искусительница! – и назад, в ящик.

Я уж и серебряную фольгу аккуратно снимал, и шоколад нюхал, и кончиком языка к выпуклому изображению прикладывался. Ах, как хотелось отгрызть ту же «Землю» либо хотя бы ракету слизать... Сейчас-то понятно: сам соль на рану сыпал. Но – кое-как держался. Бабушка же время от времени интересовалась: «Ну что там твоя медаль? Есть ещё сила воли, не съел?»

Я нёсся к столу и предъявлял заначку. И как был тогда горд и счастлив!

Летом сдерживать себя оказалось проще: каникулы, ещё и в гости уезжал. Вернулся домой – и сразу к столу: на месте ли шоколад? Да куда ему деться...

А вот в сентябре едва не сорвался. Получил нагоняй от матери за то, что гулял много, по-летнему, а за уроки садился под вечер. И как бы в компенсацию просто загорелось эту распроклятую медаль изничтожить! Спасибо бабушке – вовремя углядела, что с внуком что-то неладное, и о «силе воли» спросила...

Дотерпел-таки я до следующего Нового года! За праздничным столом бабушка открыла домашним нашу тайну и торжественно подвигла меня на поедание шоколадного символа воли. Медаль к тому времени треснула – как раз меж Землёй и ракетой, немного посветлела и сильно затвердела. Пришлось её натурально грызть.

И все равно: это был самый вкусный шоколад, который мне довелось попробовать в жизни...

«Штопор»

Подходит к концу срок моей действительной армейской службы. И всё острее и чаще внутреннее «я» ставит вопрос: как же жить потом, дальше?..

События, круто изменившие мою судьбу, произошли около года назад; тогда я заканчивал первый курс высшего военного авиационного училища лётчиков. То памятное лето выдалось на редкость жарким, и – как специально для полётов – постоянно безоблачное небо. В один из таких непривычно для августа знойных дней я в компании ещё нескольких курсантов нашей лётной группы празднично сидел в курилке – после предварительной подготовки к полётам второй смены. В казарму, на обязательный предполётный отдых в койках, мы не торопились: в духоте засыпаешь трудно, а то ещё и всякая чушь в сновидения лезет. Вообще-то по времени дежурный врач – обладатель несерийного маслобака-живота – уже должен был нас разогнать по матрасам, но эскулап непонятно почему запаздывал.

Разговор в курилке, как зачастую у нас и бывало, в основном вёлся на авиационно-матерном сленге, который, чтобы нелетунам было понятно, по большей части опускаю, и всё вертелся вокруг полётов. Вспоминали, как кто-то вчера закозлил: *сбавляя скорость при посадке, перемещался по взлётке с отскоками, у кого-то лампочка в блоке индикаторов в воздухе беспричинно моргала, а кому-то осерчалый инструктор в причинное место авторучкой ткнул: не зевай, мол, курсуль!* И вдруг, даже не помню точно, кто именно, высказался про мусульманское поверье, будто судьба каждого из лётчиков «записана на небесах пером Провидения», и коль уж тебе по этой записи определено гробануться – да хотя бы сегодня, – то никакое умение пилотирования не поможет.

Тут беседа неожиданно оживилась: каждый из нас принялся высказываться по этому поводу pro и contra. А один вообще заявил, что раз поверье это мусульманское, то на нас, христиан, не распространяется.

– Всё это, господа будущие офицеры, – заявил, подводя итог, Валерка Градов, один из лидеров лётной группы, – есть чепуха и даже без постного масла. Никто из вас лично не был свидетелем сверхъестественных случаев, о которых все так живо разглагольствуют, только ж это исключительно понаслышке...

– Да нет, конечно, – загалдели мы. – Но ведь столько говорят...

– Вздор! – оборвал галдёж Валерка. – Покажите не пересказчиков, а настоящих, реальных очевидцев подобных чудес. И если уж на то пошло, что кто-то всерьёз допускает существование фатальной предопределённости, дамокловым мечом висящее над всяким, зачем же тогда зубрить действия при особых случаях в полёте? Зачем, спрашивается, катапульта и голова на плечах? Зачем вообще было выбирать рискованную профессию лётчика-истребителя? С такими взглядами в кабине самолёта просто делать нечего...

В это время, явно чтобы привлечь общее внимание, с лавочки поднялся до того не принимавший участия в разговоре Андрюха Сказкин. Картинно затянулся остатком импортной сигареты, щелчком артистично отправил бычок в урну – диск от автомобильного колеса, врытый посреди курилки, торжественно-спокойно оглядел присутствующих и снова сел.

Андрюха был рождён от смешанного брака. Мать-гречанка одарила его смуглой кожей, большими агатовыми глазами под крутыми ресницами, правильным античным профилем и чёрными, слегка вьющимися волосами. От отца же – потомственного москвича – сокурсник унаследовал высокий рост, худощавое телосложение и приятный бархатный голос.

Чуть ли не министром был отец у Андрюхи. И потому, когда его родители приезжали на церемонию принятия сыном военной присяги, комбат сам водил их по всей казарме, соловьём заливаясь об «идеальных условиях жизни курсантов». Именно тогда-то я и рассмотрел элитарных предков-«небожителей».

Характер Сказкина вполне соответствовал его неординарной наружности. Он первым лез через училищный забор в самоход, первым пил горючее – водку – за шторой окна в Доме офицеров в перерыве какого-нибудь культмероприятия, первым вводил понравившуюся девушку с танцев и в учёбе тоже был первым.

От остальных курсантов Андрюха держался достаточно обособленно, не откровенничал и был сух с официантками лётной столовой, хотя одна из них, симпатичная разведёнка, прямо-таки таяла под взглядом агатовых глаз. Однако, услышав раз недвусмысленный намёк на эту тему, Сказкин кисло поморщился, грубовато заявив, что хороший вор в своём квартале не ворует.

Была, впрочем, и у него своя слабинка, которой он не таил: страсть к игре на бильярде. Над зелёным сукном забывал обо всём, а шары катать предпочитал только на интерес; в крайнем случае, на щелчки.

Однажды вечером, когда Андрюха и Валерка Градов заканчивали в курсантском клубе очередную партию «американки», завыл сигнал «Сбор». Так в тот раз Сказкин чуть не силой удержал Валерку у стола, пока они не «добили» партию, и Андрюха – редкий случай – победу уступил. Тем временем эскадрилья построилась, экипированная для выхода в район рассредоточения, комэск в горячке костерил запаздывающего (Градов уже успел с тыла просочиться в строй), а Сказкин, наконец появившись после получения оружия, первым делом подбежал к Валерке и всунул ему в руки свой проигрыш – банку ЦИАТИМа, варёной сгущёнки. И лишь расплатившись за игру и демонстративно игнорируя угрожающие крики комэска, занял законное место в строю.

Что ж, самоуверенности Андрюхе было не занимать. Тем более он точно знал, что под покровительством родственников, которые с верхних слоёв тихо и ненавязчиво наводили погоду у сына над головой, ему сойдёт с рук ещё и не такое...

Со Сказкиным я попал в одну лётную группу, и в неё же – Валерка Градов, курсант-холерик, а по-училищному – сперматозоид, у которого родитель тоже большой шишкой был. И началось у нас, троих, стремящихся быть лидерами хотя бы в нашем малом коллективе, тайное соперничество. В негласном противостоянии том уступал я обоим сокурсникам разве лишь в наглости...

Итак, Сказкин оглядел собравшихся в курилке – человек восемь, вновь уселся на лавочку и холодно улыбнулся кончиками губ, как бы подчеркивая,

что он – существо особенное и лишь по неведомой причине на минуту решил снизойти к «случайным жизненным попутчикам», дабы высказать кое-какие нам неведомые мысли, до которых успел дорасти лишь он сам.

Точно выдержав паузу, Андрюха заговорил в своей привычной манере, кратко и резко:

– Звездобратия! – И в интонации, с какой он произнёс это в общем-то обычное меж курсантами слово-обращение, сразу почувствовалась нотка пренебрежения. – К чему заниматься болтологией? Предлагаю эксперимент: на деле выяснить, существует ли в этом мире фатальное предопределение. То есть расписан ли всякому в полёте смертный час. Угодно будет рискнуть?

– Вот дурак, – хмыкнул курсант по прозвищу Витамин; «погоняло» прилепилось к нему из-за детского пристрастия к сладкому, он и сейчас яростно чмокал ириской. – И придумает же...

– Дурак в штанах, и тот полковник, – отрезал Андрюха. – Ну так как? Смелых нет?

– А чего ж ты другим неизвестно что предлагаешь? Для начала на себе свой эксперимент и попробуй, – резонно заметил тяжеловес по прозвищу Гиря, курсант-флегматик – таких в военном вузе называют тормозами. – А мы оценим...

– Я-то всегда готов... – гордо заявил Андрюха, саркастически смотря как бы сквозь тяжеловеса. – С кем спорим, что предопределение есть?

– Спорю, что нет, – дёрнул чёрт меня за язык. – На весь лётный шоколад, что у меня есть... двенадцать плиток.

– Так... Ладно, – согласился Андрюха и пригладил кончиками длинных пальцев маленький косой бакенбард – привилегию «позвоночного» сынка. – Градов, а ну, разбей... Если проиграю, десять плиток у меня в наличии, да ты, Витамин, две должен, прибавишь...

– Ну хорошо, – сказал я, когда мы торжественно ударили по рукам. – А теперь объясни: каким макаром ты собираешься меня заставить поверить в предопределение?

– Я сделаю «штопор». На «элке». Без инструктора. Прямо сегодня, – раздельно-лаконично ответил Андрюха. Чуть тише добавил: – Любой из вас разбился бы, рискни на это. А я – нет. Я в свою счастливую звезду твёрдо верю.

Все замолчали, лишь Витамин продолжал чуть слышно чмокать ириской – по инерции.

– Во даёт форсаж! – наконец уважительно пробасил Гиря.

– Тебя ж после этого из училища точно выпрут, – тихо сказал мой сосед справа.

– Кого? Меня-а? – растянув последнее слово, переспросил Андрюха, и всем сразу стало ясно: нет, Сказкин, в отличие от любого из нас, даже при самом худшем раскладе выскочит – то есть благополучно выпутается из ситуации, чреватой лётным происшествием.

Градов не произнёс ни единого слова. А Витамин, судорожно слотнув конфетку, вытянулся вперёд, почти привстав с лавочки, и открыто высказал мысль, которая в тот миг явно вертелась на языке не только у меня:

– Но... Если всё-таки того... гробанёшься? Ты ж его никогда...

Поверх наших голов Андрюха презрительно смотрел в голубое небо.

– Тебе угодно выложить за меня двенадцать плиток? – наконец снизошёл он до ответа, который процедил, даже не удостоив Витамина взглядом. И курсант-сладкоежка, который шоколад сжирал, чуть ли не едва успев его

получить, и каждому из нас был должен по одной-две плитки, осел, как лопнувшая автомобильная шина.

Тут заговорили все разом, поднялся гвалт, а я подумал, что после своего заявления Сказкин как бы получил над нами некую необъяснимую власть, от которой если и освободимся, то только лишь подытожив пари.

Почти против воли я молча взглянул на Андрюху, он жёстко встретил мой взор, и – клянусь! – мне показалось, что печать смерти уже коснулась смуглого лица.

«Ведь и в самом деле гробанёшься!» – безмолвно прокричали-предупредили мои глаза.

«Скорее – точно нет», – прочёл я ответ по глазам зачинщика спора, вслух же спросил:

– И как мы узнаем, делал ты в натуре «штопор» или нет?

– САРПП¹, – пояснил Сказкин. – Как расшифруют – сразу шум подыметя.

Я мысленно обозвал себя идиотом: тоже, не мог сразу догадаться.

И тут возле курилки появился припозднившийся телесистый военврач. После краткого, но выразительного менторского монолога на тему внутренней дисциплинированности будущего лётчика нас разогнали по койкам...

Наверное, мало кто из свидетелей спора спал перед теми полётами. Сам я лежал на койке второго яруса, смотрел на выбеленный потолок казармы, по которому, прямо надо мной, змеилась еле заметная трещина, и думал, что скандал после расшифровки плёнки САРППа и точно должен подняться немалый. Ведь «штопор» – неуправляемую фигуру высшего пилотажа, во время исполнения которой самолёт одновременно вращается в трёх плоскостях да при этом ещё весь трясется, как отбойный молоток, на «элке» – учебном чехословацком самолёте «Л-39», на котором мы летали в конце первого курса, – нам самостоятельно делать пока было запрещено – категорически. Хотя для опытного инструктора исполнить эту фигуру не составило бы особого труда. Но мы-то «штопор» лишь в теории изучали – при действиях в особых случаях.

Я перегнулся через край койки и посмотрел на нижнюю, по диагонали от меня, кровать. Андрюха ровно дышал, глаза его были закрыты, и я поразился непритворному спокойствию парня и его уверенности в собственных силах-возможностях...

Андрюхина «элка» в глубоком «штопоре» прожгла землю под зоной полётов на глубину четырёх метров. Очевидцы взрыва – рабочие совхоза – уверяли потом, что впечатление было, будто взорвался огромный резервуар с бензином. Люди гражданские: откуда им знать, что топливо в баках самолёта есть авиационный высокоочищенный керосин, или, на авиасленге, горилка.

В момент воздушной катастрофы я, как и другие курсанты нашей лётной группы, находился в воздухе. Всем нам по радиосвязи приказали немедленно

¹ САРПП – система автоматической регистрации параметров полёта. Даже в случае авиакатастрофы, как правило, сохраняется пригодной для расшифровки, размещаясь в специальном защитном футляре, в хвосте самолёта. В просторечии САРПП часто называют «чёрным ящиком», хотя на военных самолётах его футляр яркого оранжевого цвета: для лучшей видимости при поисках после авиакатастрофы.

прекратить выполнение задания и произвести посадку с ходу. После приземления группу быстро собрали в классе предполётных указаний и объявили о первой смерти на нашем курсе (как тогда все свидетели спора в курилке старались спрятать друг от друга глаза!) и о том, что мы вместе со всеми сейчас поедим на поиски САРППа.

Мой инструктор – всю жизнь буду помнить человека, дарившего крылья, – однажды в разговоре предупредил-посоветовал: «Никогда не соглашайся искать САРПП, старайся уклониться под любыми предложениями». По его словам, иной курсант, увидев своими глазами последствия авиакатастрофы – на сленге: полного рта земли – и реально утраившись возможностью собственной гибели (хотя и раньше прекрасно сознавал это теоретически, однако ум – не сердце), потом длительное время боится летать. А кто и вовсе списывается с лётного факультета...

Но мне надо – *н а д о* было всё увидеть, чтобы потом не пытаться себя неизвестностью. Потому я не стал отказываться от участия в поисках (Градов и ещё несколько курсантов успешно отверглись от этой миссии), а я сел в кузов машины, и нас, вместе с солдатами из батальона авиатехнического обеспечения, повезли за сорок километров к месту катастрофы, на совхозное поле под зоной полётов.

Увиденное меня и потрясло, и, как ни странно, успокоило: наверное, потому, что теперь я как бы зрительно подвёл итог спора сам. Куски разбившегося самолета – «дрова» – разлетелись от чёрной воронки с обугленными краями по пшеничному полю. Дальше всех, отброшенная страшной силой взрыва, валялась исковерканная, едва угадываемая по форме лавка – пилотное кресло.

Кресло, в котором совсем недавно сидел Андрюха, размазанный по щитку приборов при ударе крылатой машины о землю. И рядом с этим креслом нашли кусочек человеческого лица: лоскут кожи в форме почти правильного треугольника – часть щеки, ото рта до глаза и уха, с чудом сохранившимся на коже опалённым клочком косоного бакенбарда.

Плюс – собрали ещё несколько обугленных кусков человеческого мяса и обломков костей.

Вот так я воочию увидел то, что в нашей лётной среде давно и цинично окрестили жареным железом. Витамина и ещё одного из свидетелей спора в курилке жутко рвало: а не смогли бесстрастно взирать на так называемые «мелкие поломки» – фрагменты летательного аппарата, собираемые с места катастрофы граблями. Увы, после взрыва военного самолёта от его пилота обычно остаётся немногим больше, нежели после кремации...

Позднее, когда мы уже возвращались в училище, глядя из кузова крытого тентом «КАМАЗа» на шафранное море спелых колосьев, я впервые в жизни – видимо, довольно поздно по возрасту – неожиданно испытал ужас понимания: смерть неминуема! В тот миг мне неистово захотелось выскочить из грузовика и с криком бежать, бежать... Куда? Зачем? От кого? От неизбежности будущего? Я еле сдержал рвущееся изнутри паническое чувство... Показалось, что через Андрюхину кончину моя собственная, как бы превентивно, погрозила пальцем-косточкой. И только тогда я вдруг с особенной чёткостью осознал, что самолёт – это отнюдь не большая супердорогая игрушка, а профессия военного лётчика не на словах – на деле несёт в себе постоянный процент смертельного риска.

А кассету САРППа нашёл солдат из хозяйственного взвода...

В ночь после авиакатастрофы меня разбудил Витамин. Он шёпотом сказал, что надо выйти и посоветоваться, как будем завтра отвечать на опросах. Я догадывался, что зовут вовсе не затем, однако, пошёл.

В курилке уже топтались Валерка Градов и Гирия. Я усмехнулся, спросив:

– А где же остальные?

– Не твоё собачье дело, – тяжело буркнул Гирия и громко засопел.

Мне стало противно: я догадался, что именно курсанты собираются сделать, но вот как это будет происходить?

Тут Градов протянул мне толстую стопку шоколадных плиток.

– Твой выигрыш. Бери, скотина! Жри и радуйся, что из-за тебя человек разбился.

Видя, что я отнюдь не тороплюсь получить причитающееся, Валерка швырнул шоколад, метя мне в лицо. Но сей «благородно-возмущённый» жест я угадал и успел резво отпрыгнуть в сторону, а затем, подскочив к сокурснику, саданул его кулаком по скуле. «Обличитель» перелетел через стоящую позади него скамейку и растянулся на земле.

Вряд ли кто из моих сослуживцев предполагал, что я первым нарушу правило «вето». Драка в нашем лётном училище обычно заканчивалась однозначно: всех её участников безжалостно вышвыривали за борт военного вуза. И потому меж нами, курсантами, существовал негласный уговор: любую конфликтную ситуацию стараться разрешить без помощи кулаков. Теперь же получалось, что на подлость сослуживцев я тоже ответил подлостью, да ещё такой, которая ставила под угрозу дальнейшее пребывание в училище сразу четырёх человек.

На секунду мои вероятные противники опешили, застыли окаменевшей скульптурной группой – кто стоя, кто лёжа возле скамейки. Я перепрыгнул её и, развернувшись, крикнул двоим ринувшимся за мной курсантам – ах, как велика смелость, когда видишь спину убегающего врага, а я им стал уже для сокурсников:

– Стойте, сейчас такое скажу!..

Парни резко остановились: слишком многообещающе были мои слова. Кряхтя и матерясь, поднялся Градов и тоже присоединился к сотоварищам.

– Если в натуре считаете, что в случившемся виноват я один, – отцедил я, презрительно взирая на сгрудившихся передо мною курсантов, – давайте, мочите... Только до смерти всё одно не забьёте. А я потом пусть ползком, но доберусь до дежурного по училищу, потребую, чтобы он вызвал генерала, и просвещу его о споре и прочём. А и дешевка же ты, Градов! Авторитета вонючим путём добиться захотел, одним махом двух побивахом! Забыл, как сам нам руки разбивал? И остальные... Эхма! Повыгоняют – так пусть уж всех разом!

Витамин тут же отшагнул от Градова и Гирии и испуганно зачастил:

– Они меня заставили! А Андрюху я честно предупреждал – помнишь?

– Заткнись, авитаминоз! – скривившись, оборвал его Валерка. «Прокачал» мысленно ситуацию и наконец прошипел: – Ну, смотри... Повезло тебе, гад... А вякнешь если кому слово... Не было никакого спора, понял? Не было! Вообще ничего не было! Молча в курилке кантовались!

– Молча так молча, – с видимой покорностью согласился я, понимая, что на сей момент Градов смирился с поражением, но при случае не преминет сотворить какую-нибудь подлянку. – Только доктору ты вряд ли глиссату на

винт наматываешь (навешиваешь лапшу на уши): вон как разорвались, когда он в курилку зарулил. И насчёт гада – один из нас, согласен, он и есть. Только уверен, что «он» – точно не я...

– Ах ты... – задыхнувшись в гримасе злобы, выпалил Градов. – Тебя... Тебя вообще... судить надо!

На что я, словами классика, с издевкой ответил-поинтересовался:

– А судьи кто?

Трое «самосудей» отмолчались и, потусовавшись ещё несколько секунд, нестройно затопали из курилки, причём Витамин на ходу слабо заканючил:

– Валер, а Валер... Надо ж придумать, что завтра говорить...

На что Градов недовольно отрубил:

– Не вой! Время пока терпит.

А Гирия уже еле слышно резюмировал:

– Я же толковал: зря ты всё это...

Проводив взглядом трёх несостоявшихся мстителей, я собрал разлетевшиеся и частично раздавленные яловыми сапогами плитки лётного шоколада, отнёс их на мусорку и присыпал сверху отбросами. Это был мой честный выигрыш, доставшийся чрезвычайно дорогой ценой, которую, впрочем, заплатить довелось другому смертному. Тем не менее шоколадом я вправе был распорядиться по собственному усмотрению.

И ещё: меня прямо-таки терзало желание надкусить хотя бы одну плитку, чтобы почувствовать вкус сласти, замешанной на человеческой гибели. Однако я чётко осознавал, что, сделав это, перешагну некую запретную границу, откуда назад возврата нет. Так что с трудом, а перемог, удержался от искушения...

Медленно, беспокойно шёл я к казарме по стиснутой свежесмытым бордюрами асфальтовой дорожке, окаймлённой тщательно подстриженными кустами самшита. Кровавый ущербный месяц высунул свой рог из-за стоянки самолётов; так же отрешённо, как и, надо полагать, много тысячелетий назад, сияли в непостижимой вышине соцветья созвездий. А меня неотступно преследовал в мыслях лоскут-треугольник человеческой кожи с остатком косога бакенбарда на нём.

У кого-то из классиков однажды я читал: предкам нашим, с их слепой верой, что небесные светила активно участвуют в их жестоких и зачастую вовсе мелких спорах – за какие-нибудь гроши или в угоду ущемлённому самолюбию, – жить было проще. Верил ли во что-то в этом роде Андрюха? Да, сам же говорил про свою счастливую звезду... И наверняка мысленно не допускал возможности, сваливая самолёт в «штопор», что звезда-то эта сегодня ночью так и будет продолжать холодно-ярко светиться, а сам Сказкин на мгновение вспыхнет в факеле взрыва и разом исчезнет для всех землян – вместе со своим внутренним миром, страстями и надеждами.

Но какая смелость была у парня! А может, всего лишь глупое безрассудство? Или это я в кошки-мышки со своей совестью играю, норовя замаскировать гнездящуюся в глубинах души трусость? Смог бы – пусть за неизмеримо большую ставку – рискнуть на «штопор» сам, даже сбрось со счетов последующий разбор полётов с вероятным исключением из училища?

Пойти на столь неоправданный риск... Нет, далеко не всегда цель оправдывает средства... Дурной иезуитский лозунг... Ведь одна только стискивающая сердце мысль о неизбежном телесном конце тошнотворным страхом обволакивает разум и уже при жизни многое прекрасное убивает в нас.

Потому, однажды осознав личную обречённость, нахождение внутри сужающегося и неразмыкаемого круга, мы потом до последнего вздоха не в силах забыть это... Все там будем... Memento mori... С латинского – «помни о смерти»... А помня о ней, невольно избегаем настоящего, истинного, чрезвычайного риска – даже во имя исполнения великих целей будущего, даже во имя личного счастья, не веруя в их осуществление, возможность. И слепобесполезно бродим в настоящем меж тремя глаголами: есть – пить – спать, добавляя к ним время от времени четвёртый: совокупляться, плодя себе подобных обречённых.

...Тогда я почти поверил в фатальное предопределение, хотя по итогам спора, в сути, выходило обратное. Поверил, поскольку во время шмона вещей, принадлежавших ушедшему от нас в бессрочный отпуск, нашли толстую записную книжицу в бордовом переплёте, а в ней – кто бы мог подумать? – были Андрюхины стихи. И на последней страничке книжицы, как бы венчая безвременную кончину человека, косые, торопливые, бежали строки:

*Мой след на миг прочерчен в небе.
Как чуткий сон, истаял он.
След оборвался в спелом хлебе,
Что самолётом был сожжён.*

Ниже стояла дата: день катастрофы. Разительное доказательство, не правда ли? Но вот до или после спора перед роковым вылетом были написаны эти кричащие строки?

Казалось бы, события последних дней должны были твёрдо убедить меня поверить в судьбу – счастливую или наоборот, не столь важно, – но я ещё сомневался. Опять-таки где-то было читано, что мы часто промахиваемся в своих убеждениях, ибо не знаем точных границ и критериев чувств и рассудка. Впрочем, абсолютно точно это ведаёт один лишь Бог, имя которому – космические законы, что довлеют над человечеством. И ни познать их, ни тем паче изменить, оно не в силах, а накапливаемые в течение жизни каждым из индивидуумов какие-то крохи информации, знаний неизменно уносятся вместе с ним в небытие.

Остаются, правда, слова в книгах и голоса на кассетах, изображения в кинолентах и ущербная, быстро стирающаяся временем память о тебе твоих близких. Ну долго ли мы, сокурсники, будем помнить Андрюху, рискнувшего на эксперимент в условиях пограничной ситуации и проигравшего? Размазанный по щитку приборов, он уже пересёк границу неразмыкаемого круга...

Из-за авиакатастрофы все полёты в училище временно отменили: разбирались в её причинах.

Спустя неделю нашу лётную группу, издёрганную постоянными расспросами-допросами, как и остальных курсантов-первогодков, собрали в зимнем клубе. На разбор причин случившегося прилетел даже командующий авиационной округой.

Мы сидели в задних рядах клубных кресел, а впереди – офицеры и прапорщики. На сцене стояли три накрытых кумачом стола и полированная трибуна с золочёным Государственным гербом на фасаде. Сзади, за столами,

густо навешали плакатов по лётной подготовке и укрепили склейку, по которой детально отслеживался ход рокового полёта.

Командующий объёмно растёкся мыслями о грандиозных задачах, поставленных перед нами, будущими лётчиками, и о том, что мы их из рук вон плохо выполняем. Потом на трибуну поднялся полковник, прилетевший из Москвы во главе комиссии, назначенной для расследования причин авиакатастрофы. Сверяясь со склейкой, старший офицер разложил полёт Андрюхи чуть ли не по секундам: как он на вираже, на скорости 250, перетянул ручку управления и сорвался в устойчивый «штопор» (ушёл в запой), быстро попытался вывести самолёт из него, но неграмотно действовал рулями и, по всей видимости, растерялся. Однако, надеясь на способность самолёта самостоятельно выходить из «штопора», если поставить бетономешалку – ручку управления – на нейтраль, управление бросил. К сожалению, то ли изменение полётных характеристик крыла после грубых курсантских посадок «элки» с сильными ударами шасси о бетон взлётки свело на нет свойство крылатой машины самопроизвольно переходить из «штопора» в пике, то ли попросту испугался Андрюха, не успев дожидаться этого, но так или иначе, а снова взялся хаотично действовать рулями и, борясь с самолётом, врезался в землю.

Была ли у курсанта возможность катапультироваться? Несомненно. Почему не использовалась? Скорее всего, Сказкин надеялся спасти самолёт...

В заключение доклада-разбора председатель комиссии подвёл черту под авиакатастрофой: причинами её посчитали лётную недисциплинированность и личную недоученность Андрюхи, а отсюда – его неграмотность в действиях при попытке вывода летательного аппарата из «штопора» и в итоге – паника.

Вот что стало известно после тщательного изучения расшифрованной кассеты САРППа.

На мой взгляд, полковник в основном всё проанализировал верно, только до истинной причины, *п о ч е м у* курсант самовольно свалил «элку» в «штопор», комиссия так и не докопалась. И частично именно потому, что на следующее утро после попытки ночного обвинения меня в смерти сослуживца ко мне подошёл один из свидетелей идиотского пари и вручил шпаргалку с примерным текстом общей беседы в курилке. По листочку выходило, что трепались обо всём и ни о чём, Андрюха же, значит, тогда больше молчал – что, впрочем, на Сказкина было весьма похоже.

У остальных присутствовавших при споре тоже имелись подобные «инструкции» авторства Валерки Градова. Посему, хотя наш врач и поведал следователю военной прокуратуры о каком-то неясном разговоре нескольких первокурсников перед тем злополучным полётом, правды при опросах не выявили.

Я, конечно, чувствовал себя косвенно виновным в смерти Андрюхи. Но держал язык на привязи – в первую очередь, спасая собственную шкуру. Кому же охота, чтобы его вытурили из училища? Скорее всего, по той же причине молчали и остальные курсанты. А может, рот на замке они держали ещё и потому, что Сказкина в лётной группе сильно не жаловали – за «позвоночность», исключительность и заносчивость. Особенно Валерка Градов, тот его почти ненавидел. Стеной, которую ни обойти, ни перепрыгнуть, и мёртвым стоял перед ним Андрюха, мешая вскарабкаться на пьедестал неформального лидера...

В конце разбора авиакатастрофы командующий поднял несколько курсантов, зачитав их фамилии по листку, разнёс в пух и прах за халатную

лётную подготовку и приказал начальнику училища «наложить на бездельников дисциплинарное взыскание своей властью». В список штрафников угодил и Витамин, незадолго до того разложивший – поломавший – «элку» при посадке: не вовремя включил реверс, начиная торможение – упёрся.

После этого нас, курсантов, выпроводили из клуба, а командующий и члены комиссии ещё с полчаса оставались там с офицерами. О чём был продолжившийся разговор, мы догадывались: всё на ту же тему.

Полётов не проводили ещё неделю. Наконец на утреннем разводе в понедельник, выстроили весь учебный полк. Начальник штаба училища зачитал приказ о наказании тех курсантов, которых в клубе поднимал командующий. Всем им вкатили по строгому выговору. По слухам, сморщились, то есть получили суровое взыскание, и все офицеры, имевшие непосредственное отношение к лётному обучению Андрюхи.

Вот и оправдалась издевательско-глумливая поговорка, ходившая в кулуарах меж шкрабами – лётчиками-инструкторами: «Разобьётся курсант – мне выговор, ему – цветы» (на могилу)...

После авиакатастрофы курсантский состав по приказу начальника училища сдавал многочисленные дополнительные зачёты и проверялся, что называется, по всем показателям. Мы повторно изучили всю лётную документацию, усиленно занимались авиационным «онанизмом» (на тренажерах), и наконец нас осторожно, от простого к сложному, страхуясь и перестраховываясь, начали допускать к полётам.

Сначала отрабатывалась дополнительная вывозная программа (полеты вместе с инструктором), и только после неё уже приступили к одиночным полётам в зоне – на простой и сложный пилотаж, по маршруту и в составе пары. А все эти дни, как и раньше, во время зубрёжки лётной теории, меня не покидала неотвязная мысль: точно ли пошёл на свой опрометчивый «штопор» Андрюха, желая эдаким макаром в очередной раз доказать своё превосходство и самоуверенно полагаясь в большей мере не на знания и опыт, но на фортуна, которая оказалась как бы действительно «написанной на небесах и чужой рукой»?

«Неужели на этом свете так оно и есть: каждому – своё?» – думал и раздумывал я.

И крепла, крепла во мне мысль: к самостоятельному исполнению одной из самых сложных фигур высшего пилотажа Сказкин ни теоретически, ни практически не был готов. Небо же – прописная истина – ошибок не прощает!

А жизнь в военном училище постепенно налаживала обычный ритм. Только курсанты нашей лётной группы – свидетели памятного спора – продолжали коситься на меня, и в том, я уверен, не последнюю роль играл Валерка Градов.

Правда, один из них – но не тот, что передавал мне листочек-шпаргалку, а который после обещания Сказкина сделать «штопор» предупреждал Андрюху, что его могут выгнать из военного вуза, подошёл ко мне вечером и сказал:

– Слушай, не казись чересчур. Все мы, кто тогда там был, одинаково виноваты.

На что я довольно грубо ответил:

– Ну вот иди и скажи об этом Градову. А ещё лучше – начальнику училища.

Сокурсник непонимающе посмотрел на меня и предостерёг:

– Не буди лиха, пока тихо...

А я, признаться, со дня на день ожидал, что кто-то да и не выдержит распирающей его тайны, где-то обмолвится словом о роковом споре, слово пойдёт гулять по лётной группе, потом по соседним и в конечном итоге неминуемо доберётся до офицерских ушей. И тогда...

Пока же, из страха быть отчисленными из училища, молчали все свидетели пари. И я сам...

Первым в эскадрилье пройдя вывозную дополнительную программу, я приступил к одиночным самостоятельным полётам в зоне. Через несколько дней меня уже допустили к сложному пилотажу, в то время как другие курсанты (и в их числе Витамин и Валерка Градов – да-да, который после Андрюхиной смерти однозначно стал бояться полётов) ещё носились по маршруту и бесконечным кругам.

И вот, незадолго до каникулярного отпуска, второго октября, утром, порадовавшим нас четырьмя девятками – хорошей погодой, – когда солнце ещё только высветило на горизонте синеющие горы, подёрнутые белёсой дымкой, мне на полётах первой смены досталась та самая проклятая четвертая зона, где разбился Андрюха. Впрочем, на деле эта зона больше ничем и не отличалась от всех других.

Под ней проходил один из маршрутов, и, бывало, когда курсант выполнял задание в зоне, а второй приближался к ней заданным курсом на более низкой высоте, в эфир летела команда руководителя полётов: «Такому-то ниже 2500 не снижаться, под вами такой-то...»

Левым разворотом я занял зону и доложил в микрофон:

– 7-51-й четвертую занял, 5000, задание.

– 7-51-й, выполняйте, – раздался в наушниках голос руководителя полётов.

Далеко внизу, под крылом «элки», были разбросаны неправильные многоугольники свежеспаханных чернозёмных полей. Медно-золотистые кроны защитной лесополосы длинной прямой линией разрезали поля. Кирпично-красные, а больше серые шиферные крыши казавшихся сверху игрушечными домов виднелись в стороне, за пашнями. А на сходящемся горизонте, аквамариновые, просвечивающиеся сквозь дымку, важно высились горы. И меня больно кольнула мысль: всего этого больше никогда не увидит Андрюха, и даже его могилу – настоящую, а не ту, на родине, куда опустили цинковый гроб с лоскутом кожи и толикой спекшейся почвы, – теперь уж и не найти в этом чёрном вспаханном поле: «Его зарыли в шар земной».

И это – наш всеобщий и неизбежный жизненный итог...

Я бросил взгляд на бычий глаз – магнитный компас, расположенный в кабине пилота (у нас её окрестили кабинетом) по центру её, и тут в наушниках раздался голос руководителя полётов, предупреждающий:

– 7-51-й, ниже 2500 не снижаться. Под вами 7-38-й.

Оказывается, внизу, по маршруту, вместе с летчиком-инструктором, сейчас должен был пролететь Валерка Градов. Этот скот в смерти Сказкина винил меня и только меня и наверняка с удовольствием заложил бы про спор в курилке, не будь у самого рыльце в пуху.

«Вот на-ка, выкуси, – злорадно подумал я, вглядываясь вниз, хотя и понимал, что камуфлированный самолётик в воздушном океане найти, даже при видимости миллион на миллион – то есть свыше десяти километров, – задача не из лёгких. – А не хочешь мышшь белую съесть?»

И как бы разом отключился у меня контролирующей поступки центр. Я резко дал своему «альбатросу» крен восемьдесят градусов вправо, поставив «элку» крылом под углом к земле, и с силой потянул ручку управления на себя. Самолёт затрясло, умная машина как бы предупреждала меня о возможных последствиях. Но граница благоразумия осталась позади, и я решительно убрал обороты двигателя до пятидесяти пяти процентов. Стрелка указателя скорости теперь замерла чуть ниже отметки «250».

Словно бы нехотя перевалившись через правое крыло, самолёт встал почти перпендикулярно земле и на мгновение замер, подобно ныряльщику, взлетевшему вверх с трамплина, с раскинутыми руками, уже перевернувшись в воздухе головой вниз и начинающему свободное падение. Медленно пройдя точку неустойчивого равновесия, «элка» начала второй виток «штопора» и, постепенно набирая скорость его оборотов, забила, словно в предсмертной агонии. Педали колотили меня по ногам, самолёт вибрировал и крутился так, что я, трясясь в кресле и мёртво вцепившись в ручку управления, какие-то мгновения летел с потерянной ориентировкой – блудил. Аспидные поля, медные кроны лесополосы, аквамариновые горы и светлое небо с неярким диском утреннего солнца на нём вертелись вокруг меня, как на плохой дискотеке...

Жёстко ткнувшись затылком в заголовник кресла, я несколько протрезвел от болтанки, поняв, что меня крутит вправо и что я уже в устойчивом «штопоре».

«Найти ориентир для вывода... Прочно “взять” глазом... РУД (рычаг управления двигателем) на малый газ... – вместе с самолётом вертелись и мысли в голове. – Так, есть... Левую педаль дать по вращению... Ручку управления самолётом на себя... Теперь педаль отжать до упора... Ручку управления в нейтраль... Готово... Ну же, давай... Сейчас, сейчас... Что это? Он же не слушается! Не слушается!!! Бросать управление и катапультироваться? Кости за борт, пока есть время... Но ведь тогда угроблю самолет! Или иначе угроблюсь с ним сам! Катапультироваться? Ну нет! Тогда трусость будет грызть меня до могилы! Бог мой, да я уже лечу в неё, и на страшной скорости!»

Не слыша, держит ли со мной связь руководитель полётов, я переживал тогда, видимо, то же, что и в свои последние секунды жизни Андрюха. Обруч неразмыкаемого круга, в котором бушует, не в силах вырваться за его пределы, жизнь и который десятилетиями сжимается, постепенно приближая человека к смертному часу, но готов также лопнуть ежесекундно, внезапно, сдавил мой мозг, вытеснив из него все мысли, кроме единственной, заполнившей каждую клеточку тела: «Неужели сейчас я умру?! Не хочу, не-е-е-т!!!»

...Показалось или нет, что вращение замедлилось? Вращение замедлилось... Замедлилось вращение! Ещё, ещё...

«Так, – на этот раз гораздо спокойнее подумал я. – А теперь – резко педали в нейтральное положение...»

Самолёт уже устойчиво пикировал, теряя высоту, а земля и небо заняли привычные места. Я дал «элке» обороты максимал, собираясь выводить её из пике.

– 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! – во-рвалась в наушники близкая к истеричной команда руководителя полётов.

Я мгновенно взглянул на высотомер: 2600! А на 2500 – маршрутчик! О боже! Сближуха! Самолёт с ним прямо подо мной!

«Ручку управления на себя», – подумал я одновременно с движением...

И в каких-то десяти-пятнадцати метрах я пронёсся перед маршрутчиком, пересекая ему путь под углом вправо. Мелькнула сбоку, за стеклом фонаря, голова Валерки Градова в защитном шлеме-горшке и кислородной маске-наморднике, и я разом представил себе лицо сокурсника: ещё не успевшее избавиться от страха и удивления, но уже застывшее в непонятке (лётчика-инструктора заметить не успел), и, просев ещё ниже, я «горкой» ушёл вверх, а в наушниках бился в крике голос руководителя полётов:

– 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! Слышишь меня? Задание прекратить! Стать в левый вираж с креном в тридцать градусов, 2500 до команды...

– Выполняю, – наконец кое-как смог ответить я.

– 7-38-й, высота 1200, следовать на точку, посадка с ходу, – это уже касалось Валерки.

Набрав нужную высоту и став в левый вираж, я повёл самолёт по дуге. И тут же подумалось: так, выходит, я сам сделал то, что обещал и не сумел сделать Андрюха? То, на чём он зарвался и взорвался, да простит меня покойный за этот невольный каламбур... Что ж, репутацию свою я точно восстановил. Но... Теперь моя лётная карьера, скорее всего, накрылась окончательно и бесповоротно: наводить погоду над головой некому... Тем более что в запрещенный «штопор» самолёт я свалил уже после печального опыта Сказкина и всех последствий-разбирательств, связанных с его гибелью. И ещё три жизни плюс две единицы дорогостоящей техники чуть было не угробил. «Три плюс два»... Только получился бы не комедийный фильм прошлого, а реальная трагедия настоящего. И прогремело бы тогда наше училище на все Вооруженные Силы. Оно, впрочем, и без того прогремело, но два случая подряд – ну, в этом была бы непременно усмотрена система. С дальнейшими оргвыводами.

– 7-51-й, – услышал я новую команду, – спираль до 2000, следуйте на точку 1500.

– Выполняю...

Заняв назначенную высоту и согласовав компас, я доложил – теперь уже совсем ровно:

– 7-51-й, четвертую освободил, иду на точку 1500.

– 7-51-й, займите к третьему развороту 600, посадка с ходу, – тоже спокойно приказал руководитель полётов.

– Выполняю...

Так, теперь очериться – выпустить шасси...

Сама посадка получилась практически идеальной – у нас говорят: побрил травку. Когда освобождал взлётку, голос в наушниках пригласил:

– 7-51-й, с плёнкой и командиром звена – немедленно ко мне. – И коротко-устало добавил: – Больше не летаешь...

Это знаменовало начало конца.

Когда я по рулёмной дорожке докатил «элку» до стоянки и выключил двигатель, то почувствовал, что весь взмок, а колени дрожат, будто после капитальной драки. Довольно запоздалая реакция на стресс и вообще...

Техник самолёта открыл фонарь кабины и, несколько удивлённо глядя на меня – видимо, печать пережитого отложилась на лице, – принялся ставить

защитные чеки на кресло (чтобы в случае чего не смогла сработать система катапультирования).

Освободившись от подвесной системы, я медленно вылез из кабины. Почувствовал под собой бетон аэродрома, и меня слегка шатнуло на столь родной сейчас земле. Вот оно, то самое особое состояние переутомления после пережитой в небе опасности, которое в лётной среде нарекли трупозапой (она бывает ещё и при принятии большой дозы алкоголя).

Я снял кислородную маску, защитный шлем и шлемофон, потом расписался в бортовом журнале, сказал технику, что замечаний нет. И пошёл на встречу «разбору полётов»...

Перед классом предполётных указаний стояли Валерка Градов и его дядька – лётчик-инструктор старший лейтенант Зорин. Узкоплечий, как мальчишка-подросток, офицер – впрочем, имевший репутацию опытного лётчика и нагрудный знак «За безаварийный налёт» – орден Сугулова – злобно вперился в меня: ещё бы, по милости какого-то идиота пережить смертный страх! Взора Градова я не видел: сослуживец отвернулся в сторону, насколько позволяли шейные позвонки.

Валеркин инструктор осторожно двинулся ко мне – бочком, агрессивно выпятив подбородок, но тут из класса выскочил мой кэз – командир звена. Опередив Зорина, капитан уцепил меня за грудки и яростно затряс, выплёскивая в лицо:

– Ты что, с ума сошёл? Смерти захотел? – И, видимо, не находя от возмущения дальнейших слов, резко оттолкнул, почти отбросил от себя.

Отшатнувшись назад, я ещё пытался удержаться на ногах, но зацепился за выбеленный бордюры и растянулся на поблекшей восковой траве, растеряв всё, что было в руках. Лёжа и глядя на небо с появившимися на нём вдали слоечками – слоистыми облаками, глупо подумал: «Можно ли считать это рукоприкладством?»

Встав, хотел подобрать свою амуницию, но кэз отрывисто бросил:

– Оставь! – схватил, как пацана, меня за руку и потащил в класс, а мне было стыдно сказать, что хочется слить отстой – сходить по малой нужде.

Проскакивая мимо Градова, я попытался всё же взглянуть ему в глаза, но теперь Валерка впился взглядом в пожухлую траву за алебастровым бордюром.

К классу предполётных указаний уже спешил солдат из ГОМОК (группа материалов объективного контроля) с кассетой САРППа, снятой с моей «элки».

Нудный рассказ о том, как меня таскали по всем инстанциям, опрашивая и допрашивая, опускаю. Что сорвал самолёт в «штопор» нарочно, рассказал с глазу на глаз только в беседе с батей – начальником училища, хотя по расшифрованной кассете это и так было отлично видно.

– Причина? – коротко спросил генерал-майор авиации.

– Не верил в судьбу. Но хотел её проверить: через лётную подготовку, – признался я. И – гори оно всё синим пламенем! – рассказал о споре в курилке.

Конечно, по сути, я предавал тогда остальных свидетелей пари, но одному быть козлом отпущения... Нет уж, позвольте, ВВС – страна чудес... Тем паче о попытке ночного самосуда умолчал.

Батя слушал мою исповедь, не перебивая и вертя в руках огромную восьмицветную авторучку, а когда я замолчал, неожиданно грохнул кулаком по толстому оргстеклу, покрывавшему полированный стол, так, что подпрыгнул перекидной календарь и стопка каких-то бумаг, а бронзовый «МиГ»-сувенир чуть не стартовал с постамента.

– Мальчишка! И уже настолько нравственно глух! Моя бы воля – драл до костей! – И генерал-майор коротко выругался. А поостыв, добавил: – Что ж, случай с курсантом Сказкиным теперь вполне ясен. Но хотя лётчик и не может быть пай-мальчиком, тебя всё же придется отчислить.

Услышав эти страшные для меня слова, я одновременно прочёл в генеральском взгляде искреннее сочувствие: лётчика к лётчику.

– Знаю, – обречённо кивнул я, заглушая боль обманутой надежды, до того ещё теплившейся во мне: а заполучи-ка жесточайшее фейсом об тейбл, да по наждачке!

– Что ты знаешь? Что ты ещё знаешь? – неожиданно вновь разбушевался батя. – Да на тебя государство уже такие деньги положило, а ты!.. За смерть товарища вины не осознал, себя и ещё двоих, за компанию, едва не угробил! О лётной технике вообще молчу!

И подытожил:

– Отслужишь год солдатом – пиши рапорт, возвращайся. Из тебя должен получиться толковый лётчик.

– Хотелось бы, конечно, – пожал я плечами и поинтересовался: – Товарищ генерал-майор авиации, а... что теперь будет Градову и остальным?

– Разберёмся! – отрубил начальник училища. – Тебя данное уже не касается.

Что ж, всё было именно так, как оно и должно было быть...

Моя история подошла к концу. Это сейчас, по прошествии года, за который так много раз возвращался в мыслях к пережитому, я пытаюсь логично оценить ситуацию, которую спровоцировал сам, даже не приняв во внимание, как она отзовется на многих других людях... Тогда же, выходя из кабинета начальника училища, не удержался и, подзуживаемый острым внутренним желанием, задал вопрос:

– Товарищ генерал-майор авиации... А вот как вы сами считаете, есть на свете фатум или?..

Однако вместо какого-либо ответа, после короткой заминки, услышал:

– В эскадрилью!

Батя, по-видимому, был не любитель философских прений.

Анатомия измены

– Знаете что, Алексей Петрович, – обратился вдруг ни с того, ни с сего к своему приятелю Поливаев Дмитрий Игнатьевич. – А могли бы вы, дружище, поручиться, что жена ваша вам не изменяет?

Поливаев был маленьким, коренастым мужчиной с огненно-рыжей шевелюрой, которая в сочетании с непропорционально маленькой головой придавала ему глупый и по-детски шутовской вид. Говорил он быстро и отрывисто, будто куда-то спешил.

Его же друг Алексей Петрович Буженинов, к которому Поливаев обратился со столь щепетильным вопросом, напротив, был худощав, высок, с пышными усами и аккуратной бородкой. В руках он держал длинную и тонкую трость, которая тихонько поскрипывала каждый раз, когда он на неё опирался, а опирался он на неё, к слову сказать, намного чаще, чем на свой собственный рассудок.

Мужчины недавно вышли из трактира «Сви-рель», где с успехом отпраздновали повышение Поливаева (Поливаев работал в банке, и работа эта ему очень нравилась). И вот теперь, прогуливаясь вдоль пустынных улочек и вдыхая запахи сонного города, они непринуждённо разговаривали на разные темы. На сей раз темой разговора стал извечный вопрос любви и верности – супружеская измена.

– Я, в смысле, – продолжал Поливаев, объясняясь и жестикулируя. – Я, в смысле, что не каждый муж может с уверенностью заявить, что его супруга ни разу ему не изменяла. Да что греха таить, даже я сам не могу быть уверенным в том, что моя Мари верна мне. А ведь она истинная христианка и вряд ли бы стала предаваться такому низменному греху, как супружеская измена – скорее уж вырвала бы себе оба глаза, как и начертано в Писании, чем отдалась бы чужому мужчине...

Секунду помедлив, Поливаев добавил:

Игорь Владимирович Комелин – родился 13 ноября 1993 года. Занимается литературой около семи лет. Первый толчок к писательству был дан, когда повезло познакомиться с произведениями такого потрясающего советского писателя, как Кир Булычёв. Именно его повесть «Посёлок» подстегнула начать сочинять свои собственные небольшие истории. Далее довелось познакомиться с трудами других писателей: О. Генри, Берроуз, Чехов, Мопассан, Иван Ефремов.

Живёт в Русском Кургунуре.

– Но всё же поверить в её верность мне порой трудно... да как, наверно, и всем остальным мужьям довериться в этом плане собственным жёнам.

– К чему же вы это всё клоните? – вдруг нахмурил брови Буженинов, искоса посмотрев на друга; излишки алкоголя, принятые в трактире, разлились едким румянцем по его гладковыбритым щекам. – Неужели хотите сказать, будто всех женщин, включая и мою Лизоньку, стоит проверять на предмет измены? Или, может, я такой дурак, что не сразу бы заметил её неверности?

Трость Буженинова начала угрожающе скрипеть, и Поливаев, заметив эту перемену, быстро опомнился и, положив руку на сердце, забормотал:

– Да Боже вас упаси, Алексей Петрович. Клянусь, и в мыслях не было! Вы ведь меня знаете – иной раз, особенно после пары рюмок горячительного, на ум приходят всякого рода философские мысли, ну вот я и подумал, что стоит поделиться с вами одной из таких.

Буженинов насупился. Одно только упоминание, что его пассия, Елизавета Буженинова, ставшая путеводной звёздочкой для Алексея Петровича, которую он баловал и любил больше самой жизни во всех её многочисленных проявлениях, могла бы предать его, выводило мужчину из душевного равновесия. А тут ещё Поливаев со своими философскими размышлениями.

– Ну, если на то пошло, – заговорил Алексей Петрович, задетый словами товарища, – то я тоже хочу кое-чем поделиться с вами, дружище. Если хотите знать, моя Лизавета верна мне как духовно, так и физически. Не было ни единой минуты, ни единого дня, чтобы я усомнился в ней, или она сама дала бы мне повод усомниться в этом. Мы живём с нею душа в душу и доверяем друг другу. Что, не верите?

– Что вы, что вы, – замахал руками Поливаев, пытаясь доказать свою искренность. – Я вам верю, верю. Повторюсь же – это всего лишь мои рассуждения и не более. Я не хотел задевать ни чьих чувств и уж тем более обвинять вашу жену.

– А мне вот кажется, именно этого вы и хотели, – начал совсем горячиться Буженинов, краснея. – И чудится мне, что вы до сих пор не верите, что моя жена всегда была верна мне. Ведь так?

Поливаев немало пожалел, что вообще затронул столь деликатную тему. Наверно, последняя рюмка фруктовой всё же была лишней, раз язык его вновь ополчился против своего хозяина и зажил собственной жизнью.

– Даже и думать забудьте, что я посмел бы заявить о таком, – ответил Поливаев, тоже начиная выходить из себя. – Я знаю вас, близко знаю вашу Елизавету, и никогда бы в жизни не стал обвинять её или вас в измене.

– Ага, но других-то женщин вы обвинить смогли бы, верно? – тут же нашёл Буженинов.

– Никого обвинять в измене я не собирался! Мне лишь хотелось показать, что доверие между людьми это сложное явление, а между супругами оно сложно в особенности. Нужно много сил и терпения, чтобы...

– А знаете, что? – вдруг нетерпеливо перебил Поливаева Буженинов. – Я вам сейчас всё докажу. Поедемте.

Поливаев удивлённо вскинул брови.

– Куда это?

– Ко мне домой. Я покажу вам, что не все женщины изменницы.

– Да что вы пристали-то! – запротестовал Поливаев, отступая.

«Какого ж лешего, – думал он про себя, – меня за язык потянуло.

Приспичило же рот свой разевать, когда не спрашивали. Балбес чёртов! Шёл бы лучше да помалкивал».

А вслух тем временем он продолжал:

– Я же вам, Алексей Петрович, уже сказал – верю я вам, верю. Не нужны мне ваши доказательства. Я же по глупости так ляпнул – не подумав.

Но Алексея Петровича слова друга не убедили.

– Нет уж, давайте поедем и наконец разведем все ваши глупые предрассудки. Всё-всё, хватит – едем же!

И Буженинов, уже больше не обращая внимания на протесты друга, нанял экипаж, стоящий на улице неподалёку, назвал кучеру адрес, по которому их нужно было доставить, запихнул в повозку упирающегося Поливаева, и, захлопнув за собой дверцу, приятели помчались к дому Бужениновых.

Через каких-то полчаса, которые прошли в полном молчании и редких переглядываниях, они уже были на месте. Буженинов бросил извозчику его заработанную трёшку и обратился к Поливаеву:

– Лизавета раньше одиннадцати меня не ждёт, поэтому наше появление будет неожиданным для неё. Вот тогда-то, дружище, вы сами во всём и убедитесь.

Несмотря на поздний час, в доме ещё кое-где горел свет – в том числе и в квартире Бужениновых.

Буженинов, однако, озабоченный доказательством невинности жены, не обратил внимания на это. Но вот Поливаев углядел почему-то в этом особую странность, да и ещё заметил в окне спальни две фигуры, стоявшие, по его наблюдениям, довольно близко друг к другу. Но, естественно, умолчал об этом.

Приятели вошли в подъезд.

– Что ж вы так шумите-то, – раздражённо прошептал Буженинов, когда Поливаев, идя у него за спиной, скрипел своими новенькими ботинками.

– Не хватало, чтобы нас услышали раньше времени. А ну прекращайте это!.. О, вот-вот, стойте, стойте.

Приятели остановились под дверьми квартиры Буженинова и прислушались.

Судя по звукам, было понятно, что в квартире, помимо Елизаветы был кто-то ещё, но о чём шла речь между Бужениновой и незнакомцем, разобрать было трудно – дверь, как верный сторожевой пёс, не пропускала ни единого звука, были слышны лишь возня да какие-то вздохи.

– Проклятье! – чертыхнулся Буженинов, отходя от дверей. – Ни черта не слышно, придётся заходить. Будем надеяться, что служанка уже ушла, а то она может навести такой шум... – не договорив, Буженинов взялся за дверную ручку и повернул её.

Но Поливаев быстро остановил своего друга, ухватив того за рукав пальто.

– Бросьте вы это... – произнёс он умоляюще. – Давайте просто постучимся, и нам откроют. Нечего тут глупости разводить. Мы же не дети какие-нибудь, а взрослые образованные люди...

Буженинов ласково взялся за руку Поливаева и, отцепив её от пальто, ответил:

– Вы заблуждаетесь, друг мой. Это мой дом, моя квартира, и я могу заходить сюда, как захочу – со стуком или без него. И к тому же, если мы сейчас постучимся, то весь наш эксперимент пойдёт коту под хвост. А я, знаете ли,

хочу, чтобы всё было по-честному, чтобы вы потом не говорили мне, будто я это нарочно так – вспугнул любовника Лизаветы, постучавшись в дверь, чтобы тот успел удрать прежде, чем мы его поймали... ну если, конечно, он вообще там был, в чём я уверен больше. Поэтому давайте уже прекращайте, и зайдёмте.

Поливаев лишь досадно вздохнул – сам виноват, нужно было помалкивать – и осторожно вошёл в квартиру следом за Бужениновым.

Никого из прислуги они не встретили. В прихожей было чисто и светло. Небольшой светильник, висящий под потолком, бросал бледно-жёлтый свет на стены и стоящую здесь мебель – небольшой столик из розового дерева, устроившийся у дверей, с раскиданными по нему безделушками и украшениями.

Прокравшись к спальне, Буженинов пробормотал:

– Молчите, и не звука, – и, опустившись на колено, прильнул ухом к двери.

Поливаев же остался стоять рядом – всё, что происходило за дверью, можно было расслышать и без подобных излишеств. Да и к тому же мужчине не нравилось одно неприятное обстоятельство – что о нём могли подумать, если бы застукали за столь неблагородным занятием. Позволить такого он не мог.

А тем временем в спальне происходили странные вещи:

– Что же вы тянете, Прохор Денисович! – говорила Елизавета, словно задыхаясь. – Поторопитесь же! Мой муж должен скоро прийти. Скорее!

– Я стараюсь, Лизавета Степановна, – слышался приглушённый мужской голос. – Ох, ваша талия, мадам... Она такая...

В этот момент был слышен томный женский вздох, треск ткани и слова:

– Да будьте же осторожнее, Прохор Денисович! Прощу вас!

Буженинов, словно прилипший ухом к двери, стоял не шелохнувшись. Лишь его чёрные брови медленно, но верно сползавшие к переносице, говорили о катастрофически быстро наступающем крахе веры в непорочность супруги.

Поливаев, смотря на друга, не осмеливался даже притронуться к нему, не говоря уже о том, чтобы увести его поскорее отсюда, чтобы в порыве гнева, тот не наделал ничего ещё более глупого, чем вся эта затея.

– Ох! – снова послышалось за дверью. – Да аккуратнее же, Прохор Денисович!

– Простите, мадам, но хоть убейте меня, а он всё равно не лезет.

– Так уж вы постарайтесь, голубчик. У нас мало времени. Поднатужьтесь, прошу вас!

Вновь послышался женский вздох, что-то упало с глухим стуком на пол, секунду стояла тишина, а потом раздался радостный мужской вопль:

– Он вошёл, мадам! Он вошёл! Рем...

И вот в этот-то момент нервы Буженинова, видимо, сдали, и он, поднявшись с колен, ногой распахнул дверь в спальню и с дикими криками взбешённого зверя влетел внутрь. Поливаев не успел даже опомниться. Понадобилось какое-то мгновение, чтобы он пришёл в себя и последовал за приятелем.

Когда же он наконец оказался в комнате, перед ним предстала прямо-таки завораживающая картина: Елизавета, пухлая дама, жена Буженинова, стоявшая перед зеркалом в новом платье с тугим корсетом из ремешков и

застёжек и выражавшая всем своим видом неподдельную растерянность и ужас, прикрывала рот ладошкой, а её муж, взявший за грудки лысоватого мужчину, тряс того так, что блестящая голова бедняги едва не слетала с плеч.

По всей комнате были разбросаны куски ткани, шпильки, нитки, ножницы, тут же, среди этого швейного хлама, оказалась некстати и трость Буженинова. На небольшом же диване, стоящем посреди комнаты, валялись два порванных корсета, а у столика с зеркалом лежал упавший на ковёр графин.

Поливаев сообразил, что здесь происходило, только тогда, когда заметил на шее лысоватого мужчины, которого продолжал трясти Буженинов, узкую ленточку – кусок длинной ткани, разлинованной и отмеченной цифрами, той самой, которой берут замеры в портных магазинчиках. Вот только тогда-то он и понял, как тут обстояли дела.

– Пойдите, дружнице! – крикнул он, поспешив на помощь лысому и отталкивая от него Буженинова. – Оставьте его, дружнице! Отпустите! Он портной, слышите? Отпустите его!

Но разошедшегося Буженинова вряд ли что-то могло остановить. Он всё тряс и тряс лысого беднягу, от чего у того уже начало синеть лицо, и вот-вот мог случиться приступ тошноты, вызванный такой бешеной встряской.

Тогда Поливаев решился на крайние меры.

Большую часть своего юношества Поливаев посвятил физкультуре и боксу: участвовал в турнирах, много раз побеждал, от чего часто становился объектом женского внимания. А потому в ход сейчас пошло одно единственное его оружие – кулаки.

Одним выверенным движением Поливаев ударил друга в живот. Удар получился не сильным, но точно таким, как он и рассчитывал. И этого оказалось вполне достаточно, чтобы выбить дух из Буженинова и наконец отцепить его от лысого.

Буженинов скрючился, разжал пальцы, и Поливаев, не теряя ни секунды, скрутил ему руки и повалил на диван. Портной, освобождённый от хватки, попятился, зашатался и удачно приземлился на кресло, стоящее позади него.

– Простите меня, дружнице, – стал извиняться Поливаев, удерживая трепыхающегося Буженинова. – Но я вынужден был вас ударить. Я вас спас! Да вы бы убили этого беднягу, понимаете?!

– Да как ефо не уфить! – приглушённо верещал Буженинов; уткнувшийся лицом в диван, ему было тяжело говорить. – Он обещал мне мою фену, мою Лифоньку! Он...

– Никто никого не трогал, – перебил его Поливаев, пытаясь пролить свет на всю сложившуюся ситуацию. – Это обычный портной, Господи Боже! Он, верно, подбирает платье для вашей жены, ведь так, Елизавета?

Елизавета в немом ужасе продолжала стоять у зеркала, не в силах отнять рук от побледневшего лица. Её была крупная дрожь, а глаза застыли на Поливаеве и муже.

Когда наконец Поливаев чуть прикрикнул на неё, чтобы привести женщину в чувства, она заговорила:

– Д-да, П-п-прохор Денисович пришёл помочь мне с платьем... И всё.

– Фто, прафда? – пробубнил Буженинов, пытаясь высвободиться. – Поклянишь мне, Лисафета! Поклянишь!

– Клянусь... клянусь! Так всё и было. Ты же сам сказал, чтобы я купила платье на свадьбу твоей сестры. А Прохор Денисович отличный портной, он

мне по давней дружбе и предложил сшить такую красоту. Торопился, кстати, чтобы к завтрашнему дню всё было готово, две ночи не спал, а ты неизвестно из-за чего на него накинулся. Что с тобой такое?

Буженинов вдруг затих.

– А ведь и тофно, – промямлил он чуть испуганно.

– Конечно, точно. Как же иначе? – подтвердила Елизавета. – О чём вообще можно было подумать?

– Вот видите, дружнице? – обратился к Буженинову Поливаев, видя, что всё постепенно начинает проясняться. – Вы едва не лишили жизни невинного человека. Теперь-то вы успокоились?

Буженинов что-то пробубнил невнятно, и Поливаев посчитал это за знак согласия.

– Ну вот значит и разобрались, – медленно отпуская Буженинова, сказал он. – Вы как, дружнице? Не сильно я вас?

Буженинов с побагровевшим лицом сел, помотал головой, но ничего не ответил. Размял шею, потом встал с дивана, одёрнулся, посмотрел на лысого, колебался секунду, наконец неуверенно протянул ему руку и произнёс:

– Приношу свои глубочайшие извинения. Простите, мне сегодня в голову ударило спиртное и... – он покосился на Поливаева, – и всякие философские мысли.

Поливаев сделал виноватое лицо.

– Ещё раз простите великодушно.

Портной вжался в кресло, испуганно вытаращив свои маленькие глазки, посмотрел на Буженинова, на Елизавету, смерил взглядом Поливаева и, наконец, трясущейся рукой пожал руку ревнивца.

– Я, – начал Буженинов смущённо, – возьму вам весь причинённый мною ущерб, не беспокойтесь.

– Не нужно, не нужно, – затараторил портной. – Не нужно.

– Нет уж, вы простите, но я должен заглядить вину перед вами и особенно перед своей женой. Глупо всё вышло, даже стыдно. Как я только мог подумать о таком! Ведь никогда в жизни... ещё ни разу... а я сразу в штыки. Глупец!.. Ну как ты себя чувствуешь, Лизавета? Хорошо?

Женщина, медленно отходившая от потрясения, закивала кудрявой головкой, а потом вдруг, словно очнувшись, вскинулась:

– Ах! Так вот значит, о чём ты подумал! Боже мой, считаешь я могла бы... Господи!

– Всё-всё! – остановил жену Буженинов. – Ты уж прости меня дурака, Лизавета, сглупил малость. Готов нести любое наказание, даже твой театр. – Он подошёл к жене и крепко обнял её; та ещё немного пофыркала недовольно, но потом, всё же уступив, уткнулась в плечо мужа.

Постояли какое-то время молча.

– Э-э-э... – робко нарушил молчание портной, осторожно поднимаясь с кресла и отирая вспотевший лоб ладошкой. – Лизавета Степановна, мадам, я, пожалуй, пойду. За платье занесёте завтра, в мастерскую. Я там как обычно до вечера. Всё, прощайте-с. – И тут же, без дальнейших уже разглагольствований, мужчина выпорхнул из комнаты, словно воробушек из гнёздышка.

– Эй, дружнице! – закричал ему вслед Буженинов, отпуская жену. – Я вас провожу, сударь, постоитесь... да постоитесь же. Ох, обидчивый всё-таки какой... – добавил он и быстрым шагом покинул спальню.

Через какое-то мгновение входная дверь квартиры хлопнула, и послышался приглушённый топот ног, спускающихся по лестнице.

– Как-то нехорошо всё вышло, да? – после недолгой паузы обратился к Елизавете Поливаев. – Некрасиво.

Елизавета взглянула на него из-под насупленных бровей.

– Конечно же, некрасиво, как иначе! – резко заговорила она. – Подумать только – заподозрить меня в таком!.. И ведь ладно бы только Алексей (зная его, я даже не удивляюсь), но вы-то... вы-то, Дмитрий Игнатьевич, куда? Разве ж неизвестно вам, к кому истинно лежит моё сердце?

Поливаев второй раз за этот вечер сделал виноватое лицо, подошёл к Елизавете, поднял на неё взгляд серых своих глаз и, ничего не говоря... крепко поцеловал женщину в губы.

На улице было безлюдно. Вдоль проспекта тянулась цепочка зажжённых уличных фонарей. У соседнего дома стоял экипаж; лошади, запряжённые в него, сонно ворчали и перестукивали копытами.

Проводив портного до повозки и рассыпаясь всё время в извинениях и просьбах исправиться, Буженинов пожелал Прохору Денисовичу спокойной ночи, пожал крепко руку и, ещё раз напоследок извинившись, направился домой.

Поднимаясь по лестнице, он думал: «Философия – штука, конечно же, полезная, но в любовных делах от неё толку не больше, чем от козла молока. Вот хотя бы взять меня и мою Лизавету. Что же можно вывести из наших отношений философского? Единственное, наверно, – доверяй своей второй половинке и не вводись в искушение её проверять. Хотя стоит всё же признать, что в обоих случаях я сам и сплеховал. Ведь Дмитрий Игнатьевич так рьяно защищал Елизавету, говорил, что никогда не сомневался в её верности мне, а я хоть и люблю её, всё же предался сомнению и решил мою бедненькую Лизавету проверить. Глупец, глупец! Не мне быть достойным такой женщины. Ох, Лизавета».

Поднявшись в квартиру, Буженинов открыл входную дверь и с ходу крикнул:

– Лизавета, к чёрту, свадьбу! Завтра же идём в театр, там ставят новенькую пьесу. Вот будет потеха!

ПАМЯТЬ

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

**К пятидесятилетию
выхода в свет романа В.А. Кочетова
«Что же ты хочешь?»**

Точное попадание

Пятьдесят лет назад в трёх осенних книжках московского журнала «Октябрь» был опубликован роман В.А. Кочетова «Что же ты хочешь?» И следом за публикацией началась травля писателя, принявшая поистине извращённые формы. Пока в ЦК КПСС шли письма за подписями разгневанных академиков, советские писатели сочиняли на Кочетова пародии и упражнялись в оскорблениях коллеги и товарища по перу. Но самое интересное, что страсти по поводу Кочетова не улеглись и по сей день. К каждому более или менее подходящему юбилею, к каждой удобной дате появляются в печати антикочетовские филиппики.

Но если возмущение Твардовского, написавшего после выхода романа, что «Что же ты хочешь?» – «это уже никакая не литература, даже не плохая, – это общедоступная примитивно-беллетристическая форма пропаганды подлейших настроений и “идей” с ведома и одобрения», ещё можно понять (ниже мы разберёмся почему), то современные нападки на Кочетова трудно поддаются логическому объяснению. Да и у Твардовского хотелось бы спросить: а что, «Один день Ивана Денисовича» – это не «примитивно-беллетристическая форма пропаганды»? Да и вообще странная постановка вопроса: в литературе такое множество жанров, что произведение может быть любым, и памфлет в этом смысле ничем не хуже сатиры или притчи. Главное в литературе, как и в любом другом искусстве, – как сделано. Да, хорошо написанное произведение может служить злу. Но это будет совсем другой разговор.

И всё же больший интерес вызывают именно современные «критики» Кочетова, лишние раз подтверждающие, что российский либерализм – это секта, что никакая истина либералов не интересует, что воистину российский либерал – это «враг или дурак», либо действительно не понимающий и не желающий видеть очевидного, либо

*Светлана Георгиевна
Замлелова – родилась
в Алма-Ате. Окончила
РГГУ. Член Союза писа-
телей России и Союза
журналистов России. Ав-
тор книг прозы «Гности-
ки и фарисеи» (повести
и рассказы), «Посадские
сказки», «Блудные дети»
(роман), «Исход» (роман)
и др. Автор переводов
французской и болгар-
ской поэзии. Кандидат
философских наук (МГУ
им. Ломоносова), автор
философской монографии
«Приблизился предаю-
щий... Трансгрессия мифа
об Иуде Искариоте в XX-
XXI вв.» Отмечена Благо-
дарностью Министер-
ства культуры РФ
Живёт в Сергиевом
Посаде.*

действующий по чьему-то наущению и, разумеется, не безвозмездно. Более того, вся декларируемая либералами свобода – это блеф, это защита интересов своей секты и полное безразличие ко всем остальным.

Либеральные «критики» Кочетова очень напоминают «критиков» Мастера из романа Булгакова: «что-то на редкость фальшивое и неуверенное чувствовалось буквально в каждой строчке этих статей, несмотря на их грозный и уверенный тон <...> Казалось, <...> что авторы этих статей говорят не то, что они хотят сказать, и что их ярость вызывается именно этим». Такое ощущение возникает, в первую очередь, при чтении современных ненавистников Кочетова. Так, например, в 2004 г., то есть спустя 35 (!) лет после опубликования романа, редакция журнала «Октябрь» обратилась к писателю Е. Попову с просьбой высказаться по поводу романа и прокомментировать «особо выдающиеся фрагменты этого произведения». Попов, озаглавивший статью «Всеволод Кочетов как предтеча концептуализма», с места в карьер самым названием статьи заявлял, что творчество Кочетова со всеми советскими якобы штампами поспособствовало возникновению целого жанра – концептуализма. В советско-российском изводе концептуализм возник на противопоставлении соцреализму и официальной идеологии, основной приём концептуализма – это ирония. Иронии подвергаются как образы, так и смыслы, так что временами произведения концептуалистов выглядят откровенно кощунственно. Оправданием кощунства служит утверждение, что высмеиваются штампы и стереотипы. Например, штампы «героизм» или «энтузиазм». То есть Попов уже названием статьи говорит: если кому-то не нравятся стихи Иртеньева или Пригова, то все вопросы к Кочетову, поскольку это именно Кочетов и иже с ним своими заштампованными романами вызвали к жизни протест концептуалистов. В статье Попов утверждает это и прямым текстом: «Кочетовский мегатекст, наряду с сочинениями других видных трубадуров коммунистической химеры, послужил отличной навозной основой для возрастания цветов зла в виде концептуализма, который, будучи тенью, пытался по всем известным канонам заместить оригинал, но это ему, кажется, тоже не удалось».

К слову сказать, то, что «Октябрь» напечатал статью Попова, отнюдь не красит журнал, поскольку как-то слабо соотносится с представлениями о порядочности. Ведь как бы то ни было, как бы ни относились вы к Кочетову, но ведь он – часть истории вашего издания. И в своё время именно он поддержал В. Шукшина, В. Фирсова, Ф. Алиеву, В. Санина, Ф. Чуева, А. Губина, И. Волгина... Но вернёмся к статье и комментариям Попова, начавшего своё творение с оскорблений давно умершего, а соответственно ничего не могущего возразить, человека. Над «тупым и бездарным сочинением» – утверждает Попов – «дружно потешались служилые конформисты, мечтающие о “возврате к ленинским нормам” и “социализме с человеческим лицом”, но тем не менее исправно голосующие “за” на различных собраниях и проработках, его любили цитировать на пьянках божественные диссиденты». В таких случаях обычно вспоминается другой литературный персонаж, а именно – Карлсон, просивший в похожих ситуациях продиктовать ему имена и адреса хотя бы двоих из этого множества. Само собой, Попов никаких имён не называет, зато охотно поясняет, на каком основании оскорбил Кочетова, почему назвал его роман «тупым и бездарным». Объяснения сводятся к выдающимся по бессодержательности комментариям. Попов приводит «особо выдающиеся фрагменты этого произведения» и тут же их комментирует, показывая, над чем именно смеялись конформисты с диссидентами. Так, например, особенно

выдающейся показалась г-ну Попову такая фраза Кочетова: «В мире-то, дружок, натянуто, как струна...» Едкий комментатор подмечает: «Сколько я жил при Советах, так всё время и слышал, что “международная обстановка у нас, товарищи, сложная, очень сложная”». Очевидно, г-н Попов не слышал о холодной войне, а, может быть, даже не читал Бжезинского. Так и прожил всю жизнь в блаженном неведении, веря, что кругом одни друзья. Оно бы и ладно, это личное дело г-на Попова, вот только Кочетов-то здесь при чём?

Или другой особо выдающийся фрагмент: «Голубь – это же из Библии, из так называемого “Священного Писания”». В романе Кочетов выступает как атеист, более того, он уверен, что религия используется как инструмент в политической борьбе. Один из персонажей романа говорит: «Существует весьма стройная программа демонтажа коммунизма, их советского общества. Это прежде всего духовный мир, наше воздействие на него. Мы идём по трём линиям. Первая – старики, старшее поколение. На них мы воздействуем религией...» Но г-н Попов отвечает на это так: «Кочетов, так же, как и злой гений XX века Ульянов-Ленин, гневно отвергает всякое “заигрывание с боженькой”. По мнению писателя порядочные люди ходят в церковь только для того, чтобы убедиться – Бога нет». Очевидно, г-н Попов считает, что в России очень мало порядочных людей, поскольку процент воцерковлённых верующих, даже с учётом роста религиозности в постсоветские годы, не очень-то велик. Кроме того, г-н Попов просто отрицает права человека – в данном случае право на свободу вероисповедования. Ведь, как бы странно это ни показалось г-ну Попову, но свобода вероисповедования подразумевает не только свободу ходить в церковь, но и свободу в неё не ходить. А уж о вкладе РПЦ в дело десоветизации – причём с такой ложью, с такими перехлёстами, что никакой советской пропаганде и не снилось – не знает только тот, кто видит в каждом встречном друга и брата. Даже если у встречного на лбу написано: «Серийный убийца». Кстати, как-то не слышно было возмущений г-на Попова в связи с антиклерикальными и антихристианскими выходками Марата Гельмана или «девочек» из Pussy Riot. Наверняка не ошибёмся, предположив, что г-н Попов с не меньшим гневом выступал против ареста певуний.

Что же ещё показалось г-ну Попову особо выдающимся в романе Кочетова? А вот, например. «Пафос потребления! – восклицает Кочетов, осуждая власть вещей. – Это, конечно, мило, приятно». Но Попов и тут негодует: «Поразительно, что строя карьеру, хапая деньги, воруя, стуча, подсиживая друг друга, прежние идеологи неустанно боролись при этом с “вещизмом”. “Есть традиция добрая в комсомольской среде, раньше думай о Родине, а потом о себе”, – распевали будущие олигархи, уже к тому времени распробовавшие вкус различных запретных плодов. В виде, например, халявных поездок по всему белому свету для борьбы за мир или комсомольской сауны с девочками». Что-то более подлое и невразумительное просто сложно себе представить. Какие сауны, какие девочки, какие олигархи? О чём вообще речь? Кочетов, что ли, хапал, воровал и сидел в саунах с девочками, одновременно возмущаясь потребительством? Манипулятор Попов так выстраивает свой комментарий, что не остаётся сомнений: честных людей в СССР не было. Кроме, разумеется, либералов и им сочувствующих. Вероятно, по этой причине он и называет советскую эпоху «паскудной». Но если есть паскудная эпоха и страна, значит, должно быть нечто противоположное, сравнивая с чем, г-н Попов и сделал свой вывод. Поскольку нынешнюю эпоху российские либералы не жалуют, остаётся эпоха 90-х. Ну, или эпоха в какой-нибудь другой стране.

Например, в США. Но как быть в этом случае с потреблением? Впрочем, может быть, г-н Попов и Бодрийера не читал и о потреблении имеет какие-нибудь самобытные представления. Только Кочетов здесь опять же при чём?

Г-н Попов так разошёлся, комментируя «Чего же ты хочешь?», что не побрезговал своеобразными угрозами, выразив надежду, что на том свете Кочетову подобающе ответят люди, на которых тот намекнул без должного почтения в романе. Ну да, Кочетов резко отозвался о Б. Зайцеве и Р. Гуле. И что? Может быть, г-н Попов не в курсе, что писала эмигрантская пресса о Советской России? В обмене любезностями нет ничего нового и удивительного. Ну, намекнул Кочетов без симпатий на В. Шукшина и А. Охрименко. Что за беда? Не нравился ему фильм Шукшина или песня Охрименко точно так же, как Попову не нравится роман самого Кочетова. С той лишь разницей, что Кочетов резкость суждений обосновывал несколько убедительнее, чем это делает г-н Попов. И неужели никогда наш комментатор не сталкивался в литературе с подобными приёмами? Неужто не знал, что в «Бесах» Достоевский в самом неприглядном виде изобразил Тургенева, а Чехова чуть не вызвал на дуэль Левитан, прочитав рассказ «Попрыгунья»? Наконец, Булгаков нарисовал групповую карикатуру на коллег-литераторов. И что? Разве г-н Попов возмущается? Разве желает, чтобы Маяковский или А. Барто разобрались на том свете с Булгаковым? Нет. Значит, дело тут не в борьбе за принципы, не в гнев праведном, а в чём-то другом.

После статьи Попова журнал «Октябрь» разместил отрывки из пародий на «Чего же ты хочешь?», написанные вскоре после выхода романа С. Смирновым и З. Паперным. Пожалуй, единственным недостатком обоих опусов стало отсутствие закадрового смеха. Иначе понять, где надо начинать смеяться, почти невозможно.

В 2009 г., уже к 40-летию выхода романа, на сайте «Частный корреспондент» появилась статья писателя Д. Драгунского, остроумно сравнившего Кочетова с Булгаковым и сделавшего неожиданный и малообоснованный вывод о том, что умеренно бездарный Кочетов завидовал поразительно талантливому Булгакову и слепил «Чего же ты хочешь?» как ответ «Мастеру и Маргарите». Но оставим обоснованность и достоверность этих изысканий на совести автора. Нас интересует другое. «Кочетов – писатель плохой», – ничтоже сумняшеся заявляет Драгунский. Простите, Денис Викторович, а восхваляемый Вами на встречах с читателями Андрей Рубанов – хороший писатель? Тот самый Рубанов, что женит девок на страницах своих романов и тягостным пером заставляет Софью Палеолог везти в Москву эвкалиптовое масло. Так Вам такая-то литература нравится? Тогда, конечно, Кочетов Вам не угодит. Хотя если Вы и сами называете роман Кочетова «занятым авантюрным», то, стало быть, не так уж он и плох. Сложно припомнить плохой роман, который можно было бы назвать «занятым». Но самое занятное – это всё же приёмы манипуляции в статье Драгунского, описанные в романе Кочетова.

В романе есть очень любопытный персонаж – Жанночка, старая алкоголичка и профессиональная пасквилянтка и доносчица. В её квартире на Патриарших прудах собран целый архив на людей, пользующихся непреходящим вниманием разного рода клеветников. У Жанночки есть своя сеть помощников и своя система рассылки кляуз. Она с удовольствием делится приёмами с одной из героинь и рассказывает, где почерпнула полезные навыки. Выясняется, что учителем Жанночки был И.А. Бунин. Жанночка зачитывает отрывок из «Окаянных дней»: «Маяковский, державшийся, в общем,

довольно пристойно, хотя всё время с какой-то хамской независимостью, ще-голявший стереосовой прямой суждений». А дальше разбирает, как тонко и точно манипулирует Бунин читательским мнением: «“Ну и Маяковский!” – скажут прочитавшие это. А если и не скажут, то на сознание, помимо воли, отложится такой вот контур: в общем, довольно пристойно, но хамовато и стереосово». Как будто следуя наставлениям Жанночки, г-н Драгунский описывает творчество Кочетова: «ход заурядного, но добротного семейного романа постоянно прерывается грохотом риторики о роли организованного пролетариата в мировом движении к миру и прогрессу <...> Кочетову хорошо даётся эротика. Он хорошо описывает поцелуй, сеновал, диван <...> – видно, что всё это автору не чуждо. Но далее он пишет, к примеру, так: “Они подъехали к селению. На его окраине стояла разная сельхозтехника”. Боже! Что значит, когда бывший агроном называет деревню “селением”, а сеялки, бороны и тракторы – “разной сельхозтехникой”? Это значит, что его тошнит от этих материй, но он вынужден демонстрировать свою советскость, прославлять семейные сцены партийно-производственными». Из этого отрывка читателю, особенно если он не знаком с творчеством Кочетова, становится понятно следующее (или, по слову Кочетова, «помимо воли, отложится такой вот контур»): посредственный писатель Всеволод Анисимович Кочетов занимался в литературе не творчеством, а чистой воды пропагандой. Причём делал он это не по убеждению, а токмо корысти ради. Хотя почему бы семейному роману не прерываться грохотом риторики? Известно, например, что граждане Византии более всего интересовались вопросами богословия, и в каких-нибудь тавернах за чашей вина велись богословские диспуты. Так, что же, если описать это в романе, получится, будто автор агитирует за православие? Если сегодня в каждой, наверное, российской семье разговоры о политической обстановке на Украине стали обыденностью, так неужели описания этих реалий могут восприниматься как пропаганда? В рабочей семье середины XX в. вполне могли говорить и даже спорить «о роли организованного пролетариата в мировом движении к миру и прогрессу». И ничего неестественного в этом нет.

Но читатель, поверив Драгунскому, сочтёт, что Кочетов, судя по всему, был ещё и сексуально озабоченным типом (читатели журнала «Октябрь» свяжут образ писателя с пресловутыми саунами), во всяком случае, эротика интересовала его куда больше политики и хозяйства, о которых он брался писать. Обратим внимание на восклицание Драгунского «Боже!..» и на глагол «тошнит». Это не ровная, спокойная критика, это глас возмущённого, потрясённого фальшью Мастера, хорошо, по всей видимости, знавшего Кочетова – иначе откуда такая уверенность в столь сильных его чувствах. Этим самым «тошнит» Драгунский как бы сообщает читателю: «Уж я-то знаю, о чём говорю!» Ведь никакого намёка на «тошноту» Кочетова в приведённом отрывке не содержится. Но раз уж Драгунский так убеждённо пишет о неочевидных вещах, то, наверное, действительно знает.

Читатель невольно разделяет чувства интеллигентного человека, не могущего больше молчать при виде такой лжи, такой гнусности. Читатель не успеваешь подумать, что «селение» в любом словаре толкуется как «населённый пункт в сельской местности (село, деревня, хутор, посёлок и т. д.)» и что, возможно, в предшествующем тексте слово «деревня» уже упоминалось, так что писатель всего-навсего прибег к синониму. Да и в перечислении сельхозтехники могло просто не быть необходимости. И если бы Кочетов каждый раз писал вместо «разная сельхозтехника» «сеялки, веялки, бороны и тракторы,

комбайны, жатки, копатели, косилки, а равно плуги, молотилки, культиваторы и зернометатели», то его романы не рвали бы из рук и не читали бы по ночам. А тот же Драгунский наверняка потешался бы над страстью бывшего агронома к такой избыточной и ненужной точности.

Для пущей убедительности г-н Драгунский приводит ещё один показательный, с его точки зрения, эпизод. Оказывается, Кочетов собирал старинный фарфор. И вот после выхода «Чего же ты хочешь?» домой к писателю явился В.А. Солоухин, которого Кочетов вывел в романе под маской поэта-руссофила Саввы Мироновича Богородицкого, и фарфор перебил. Причём испугавшийся Кочетов прятался в спальне, пока Солоухин громил его квартиру. Из этого отрывка следует, что Кочетов был тот ещё хапуга и потребитель, к тому же и трус. А вот интересно, как должны были развиваться события, чтобы вызвать уважение к Кочетову у г-на Драгунского? Представим, что Кочетов не прятался в спальне от Солоухина, а сломал трость и самого его вышвырнул из квартиры. Но, думается, в этом случае писатель Драгунский изобразил бы своего героя буйным сумасшедшим или, на худой конец, опасным скандалистом. И всё бы это сопровождалось отсылкой к внутреннему разладу Кочетова, к борьбе пропагандиста с писателем, проявляющей себя агрессией и буйством.

Кстати, г-н Драгунский покривил душой даже там, где речь зашла о непривлекательности Саввы Мироновича Богородицкого. Савва Миронович, подобно Солоухину, колоритно окал и всюду носил с собой старинную табакерку с изображением Екатерины II – монархист Солоухин не расставался с перстнем, на котором окружающие узнавали профиль Николая II. Но непривлекательность Саввы Мироновича вовсе не в том, что он, как утверждает Драгунский, «называл царей-кровопийц по имени-отчеству, угнетал колхозников у себя на даче и жрал чеснок, так что воняло вокруг. Мало того: просил знакомого художника разрешения прийти к нему в мастерскую, когда тот обнажённую натуру пишет; хотел на голую бабу поглядеть при свете». Непривлекательность-то совсем в другом! Ведь Кочетов прямо пишет, почему не симпатизирует русофилам и почвенникам: да потому что не считает их искренними, потому что видит в них опасность и угрозу, потому что многие из них, по слову Булгакова, «типичные кулачки по своей психологии, тщательно маскирующиеся под пролетариев». И разве сегодня можно упрекнуть Кочетова в неправоте? Ведь сегодня известно больше, нежели полвека назад. Известно, например, что один из таких почвенников-руссофилов всю жизнь, оказывается, страдал по отнятому большевиками заводу; другой ненавидел советскую власть из-за расстрелянных родственников; третий призывал распустить колхозы и отказаться от той самой «разной сельхозтехники», потому как она-де землю режет, больно ей делает, он же со временем призвал распустить СССР; четвёртый выступал против ГЭС, сам не отказываясь, однако, от электричества и прочих благ цивилизации, включая литературные премии из рук сомнительных персонажей. Ну и в чём был неправ Кочетов? Каждый из этих людей звал «вернуться к истокам», а по сути – звал назад. Никто не предлагал ничего для будущего, каждый грезил неведомым ему прошлым, почему-то полагая, что там, в этом прошлом, должно быть лучше, чем в настоящем. Но вернуться в прошлое ни в каком случае нельзя, а потому и в призывах этих смысла нет ни на грош, и вреда больше, чем пользы. Так и понимал Кочетов русофильство, а точнее – лжерусофильство: «Многие носятся теперь с этой их стилизованной Россией. Самовары, тройки, русская

зима, русские блины, кокошники, медовухи... <...> Облекая современность в псевдорусские формы, люди профанируют настоящее русское, подлинное русское <...> Подчёркнуто, с нажимом рассуждая о России, о русском, Богородицкий делает не доброе, а злое дело. Маслом кашу не испортишь! Но культура нации – не каша!» Настоящее русофильство – это уважение к истории страны и попечение о её будущем. Всё остальное – от лукавого. И не может не понимать всего этого г-н Драгунский.

Так в чём же дело? Прошло вот уже полвека, как увидел свет роман «Чего же ты хочешь?», а критики до сих пор не уймутся, продолжая хаять и клеветать, не гнушаясь при этом манипуляциями и откровенной габунивщиной. Чуть ли не хорошим тоном стало писать о «Чего же ты хочешь?», что роман, конечно, плохой и скучный, что редкий читатель дочитает до середины книги, а сам Кочетов – писатель так себе, «умеренно бездарный». Но что уж такого плохого в этом романе, кроме нападок на тех, с кем по идейным соображениям был не согласен Кочетов, никто так и не объяснил. Прежде всего, скучным его нельзя назвать. Напротив, Драгунский прав – это авантюрный роман с закрученным сюжетом, несколькими переплетающимися линиями и весьма разнообразными, узнаваемыми персонажами.

Да, роман не идеален. Но идеального вообще на свете не так уж и много, к тому же, у романа есть как слабые, так и сильные стороны. А уж после проверки временем, его по праву называют пророческим. Да, конечно, выводы Кочетов делал на основании логики, а не интуиции или ясновидения. Но, однако, другие не просто не сделали до сих пор тех же выводов, но и обрушились на самого Кочетова, явившего правоту и прозорливость.

Вспомним содержание романа. В Советский Союз, по заданию лондонского издательства «New World», приезжает группа искусствоведов для подготовки большого альбома по русскому искусству. Внешне всё чинно-благородно, но у каждого «искусствоведа» есть свой скелет в шкафу. Так, руководитель группы Уве Клауберг – бывший эсэсовец и неонацист. Умберто Карадонна – никакой не Карадонна, а сын русских эмигрантов Сабуровых, приятель Клауберга, тоже служивший в СС, хотя и раскаявшийся впоследствии. Специалист по России Порция Браун и фотограф Юджин Росс – вероятно, связаны с ЦРУ и претворяют некую американскую программу, это солдаты холодной войны, чья задача – противопоставить немецкой топорности американскую хитрость и расчётливость. Это уже внуки эмигрантов из России, молодое поколение, не имеющее ничего общего с родиной предков и не терзающееся подобно Сабурову-Карадонне. Их задача – собирать информацию, а попутно – подрывать устои советского общества. Ведь «лучшие умы Запада работают сегодня над проблемами предварительного демонтажа коммунизма, и в первую очередь современного российского общества». А разве это не так? Разве мы не видели всё это своими глазами в конце 80-х и в 90-е гг.?

Кочетова обвиняли в шпионии. Но главная шпионка романа, Порция Браун, списана с реального человека. Прототипом её стала не Ольга Андреева-Карлайл, как принято думать, а Патриция Блейк – американская корреспондентка, сотрудничавшая с журналом «Encounter». Блейк, как и персонаж Кочетова, занималась русской культурой, переводила молодых советских поэтов либерально-прозападной ориентации, помогала издавать их книги за границей, взяла у Кочетова интервью. В романе используются материалы Блейк – описывая встречу Порции Браун с молодыми литераторами, Кочетов фактически пересказывает статью из того же «Encounter». Журнал, к слову,

издавался в Великобритании при участии ЦРУ и МИ-6. Сегодня поддержка ЦРУ левой антисоветской интеллигенции во времена холодной войны уже не является ни для кого секретом, как и участие Лэнгли в публикации «Доктора Живаго», а также в финансировании ряда западных журналов. Была или нет Патриция Блейк кадровой шпионкой, сказать сложно. Но её прямое или опосредованное сотрудничество с ЦРУ – это факт. Так что обвинения Кочетова в шпионии тоже неправомерны и неуместны.

В романе Кочетов колоритно изобразил не только приехавших «искусствоведов», но и честных коммунистов, беспринципных карьеристов, бывшего гитлеровского пособника, пёструю советскую молодёжь, писателя-соцреалиста, лжерусофилов-националистов. В целом же роман написан неровно. Есть яркие образы, интересные, правдоподобные сцены, но есть и непроработанные линии, как, например, линия Клауберга, который непонятно зачем явился в Москву. Если Карадонна-Сабуров действительно готовит альбом, Юджин Росс делает свои фотографии, заодно устраивая регулярные пьянки, а Порция Браун вовсю совращает юношей и юниц, то Клауберг вообще неизвестно чем занят. Некоторые сцены, как, например, описание Италии в самом начале романа, картины жилища и образа жизни Ии или Жаночки выписаны точно, живо, естественно. Другие, напротив, грешат схематизмом и непроработанностью. Такова, пожалуй, сцена стриптиза Порции Браун. Но послушать критиков, так получается, что Кочетов – едва ли не единственный писатель, которому что-то не вполне удалось. Этакий казус, позор семьи, выставивший советскую литературу на всемирное посмешище.

Да, в романе есть и пропаганда, Кочетов рассуждает, кто и как намеревается сокрушить коммунизм, советскую систему. Но ведь таковы и задачи романа, содержание вполне отвечает избранной автором теме и форме – памфлету, а точнее – художественному памфлету, идеологическому «роману с ключом». А разве сочинения Солженицына – это не пропаганда? И разве не кривит душой автор «Случая на станции Кречетовка», описывая, как в самом начале войны молодой лейтенант задерживает подозрительного гражданина, и обвиняя бдительного лейтенанта в моральном уродстве, обусловленном культом личности? Так где же хваленая свобода, демократия, плюрализм мнений? Почему тот, кто отстаивает советскую систему – тупой, бездарный, плохой писатель; а тот, кто выступает против советской системы – напротив, как писали и пишут критики, «великолепный мастер... новый большой писатель», даже если он пишет ложь вымученным языком? Драгунский говорит прямым текстом: «Репутация автора создаёт его текст. Чего ждать от главного врага Твардовского, борца с “Новым миром”, ненавистника демократии и принципиального сталиниста? От писателя, занимавшего, по справедливому определению “Википедии”, консервативно-просоветские позиции?» Получается, от человека, занимающего консервативно-просоветские позиции, ничего хорошего ждать не приходится, что враг Твардовского – это враг всего прогрессивного человечества. Вот такая вот демократия. Слишком очевидно, что дело тут не в литературе.

Так в чём же дело? Почему по сей день так волнуется пишущая братия? Ведь Попов и Драгунский не одиноки в продолжающейся травле уже давно покойного Кочетова. И вот именно поэтому и вспоминается Булгаков, возникает ощущение, что «авторы этих статей говорят не то, что они хотят сказать, и что их ярость вызывается именно этим».

Нужно вспомнить, что советское общество, как и современное российское, было довольно разнородным в плане идейных предпочтений. Была официальная идеология, но кроме идеологии были разные официальные и неофициальные идеи. Среди сознательных советских граждан встречались сталинисты, почвенники-националисты, либералы-западники. Кто-то считал, что расслабляться нельзя, что и в холодной войне нужна неусыпная бдительность, что страна окружена врагами и по мере построения социализма, классовая борьба только обостряется; кто-то предпочитал окать и грезить прошлым, а кто-то настаивал на сближении с Западом и приобщении к западной демократии и рынку, уверяя, что классовая борьба – это анахронизм. Но холодная война была реальностью. А противостояние спецслужб – больше, чем темой для шпионских фильмов. И западные спецслужбы действительно делали ставку на советских почвенников, убедивших себя, что раньше в деревне едали «картошку – целыми сковородами, кашу – чугунками, а ещё раньше, побез-колхозов, мясо – ломтями здоровыми»; и либералов, мечтающих о рынке, безработице и платном образовании. В конце концов, либеральная мечта осуществилась, да и почвенникам никто не мешает грезить по-без-колхозными временами и подсчитывать убытки столетней давности. Только сталинисты вместе с Кочетовым оказались ошельмованы. Но в 60-е гг. Кочетов не молчал, активно выступая против идейных противников. Так, например, в начале 60-х между журналами «Октябрь» и «Новый мир», а другими словами, между Кочетовым и Твардовским, шли ожесточённые споры. Причём Кочетов настаивал, что «Новый мир» – вредное и даже опасное издание. По его мнению, журнал Твардовского навязывал кулацкую идеологию, исподволь вытесняя из сознания советских людей само понятие советскости. Молодые умы, считал Кочетов, «Новый мир» отравляет ядом нигилизма, критиканства, снобизма, мелкотравчатости, заурядности. Разумеется, Твардовский и его сторонники не отмалчивались, называя Кочетова то мракобесом, то хулиганом и обвиняя в наступлении на всё передовое и новое.

А теперь вернёмся к сюжету «Чего же ты хочешь?» и вспомним название издательства, патронировавшего поездку искусствоведов-шпионов. «New World» или «Новый мир». Другими словами, Кочетов не просто смоделировал в романе некую ситуацию, он продолжил таким образом полемику с «Новым миром», почему Твардовский и назвал его роман «общедоступной примитивно-беллетристической формой пропаганды подлейших настроений». Ведь Кочетов иносказательно говорил, что «Новый мир» – это троянский конь контрреволюции, это ловушка для простодушных советских людей. Под видом просвещения «Новый мир» впускает в общий дом врага. Эсэсовские преступники, эмигранты, ненавидевшие СССР, шпионы и диверсанты, еврокоммунисты-оппортунисты – так видел Кочетов Запад, с которым заигрывал «Новый мир». Роман Кочетова – это не абстрактный памфлет, не возмущение либералами как таковыми с намёками на конкретных лиц, это прямая атака Кочетова на журнал, возглавляемый Твардовским. Возможно, если бы роман не содержал прямое указание и откровенные нападки на вполне определённый объект, на трибуну и ядро советского либерализма, то и реакция на него была бы другой. Но тогда либералы сплотились. Консультант фильма «Обыкновенный фашизм» (в романе Кочетов и на фильм намекнул, имея в виду, что его авторы, говоря о фашизме, подразумевают советский строй) Э. Генри составил письмо на имя Л.И. Брежнева и собрал под ним подписи академиков и писателей. Письмо, в котором говорилось, что Кочетов своим

бездарным произведением науськивает рабочих на интеллигенцию, чернит общество и рисует нечистоплотную карикатуру на советскую молодёжь, попало к секретарю ЦК КПСС, курирующему вопросы идеологии, истории и культуры П.Н. Демичеву. Но прежде, чем с письмом ознакомились все секретари ЦК, оно оказалось у В.А. Голикова, помощника Генерального секретаря ЦК КПСС по вопросам внутренней политики и сельского хозяйства. Прочитав «письмо академиков», Голиков обратился к Брежневу. Он отметил, что письмо написано теми, кто занимается подобными рассылками регулярно, причём всегда с целью запугать всех «сталинизмом». А далее Виктор Андреевич совершенно справедливо отмечал, что возмущившиеся Кочетовым почему-то не возмущались ни зверствами Израиля в Палестине, ни контрреволюцией в Чехословакии. Не было писем от возмущённых академиков в связи с деятельностью Солженицына, Гинзбурга или письмами Сахарова. Не жаловалась интеллигенция, когда в «Новом мире» гуманными, мечтающими об искусстве и о любви изображались фашистские бонзы. Зато в отношении Кочетова извращено всё. «Одно можно сказать, – писал Голиков, – что роман Кочетова, видимо, точно попал в цель. А эта цель – определённые уродства, которые встречаются в жизни нашего общества. Они справедливо беспокоят Кочетова и многих советских людей. То, что Кочетов изобразил в виде романа, можно прочитать во множестве писем, поступающих в ЦК, редакции газет и журналов. Эти уродства, конечно, не характеризуют нашего общества. Кочетов первый писатель, который сделал попытку обнажить эти язвы, эту ржавчину, встречающиеся, к сожалению, нередко на теле нашего общества». Голиков подчеркнул, что кроме группы из двадцати подписантов да ещё трёх или четырёх писателей, не жаловался на Кочетова ни один колхозник, рабочий или интеллигент.

Помимо Голикова за Кочетова вступился Шолохов, написавший Брежневу, что «не надо ударять по Кочетову. Он попытался сделать важное и нужное дело, приёмом памфлета разоблачая проникновение в наше общество идеологических диверсантов. Не всегда написанное им в романе – на должном уровне, но нападать сегодня на Кочетова вряд ли полезно для нашего дела».

Атакованные Кочетовым в романе либералы не добились его снятия с поста главного редактора журнала «Октябрь». Но роман никто больше печатать не стал. Ни одно советское издательство не взялось опубликовать столь наущившую книгу. Роман выпустили в Великобритании, Италии, Китае. И лишь в 1970 г. по личному распоряжению Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.М. Машерова «Чего же ты хочешь?» напечатали в Минске. Но, как говорят, почти весь тираж был скуплен и уничтожен. В 2015 г. роман вышел в двух книжках «Роман-Газеты». Сегодня «Чего же ты хочешь?» можно найти в интернет-библиотеках. Но, несмотря на печальную судьбу, роман и по сей день остаётся одним из самых обсуждаемых произведений советской литературы. И прежде всего потому, что Кочетов, по слову В.А. Голикова, «точно попал в цель». По прошествии полувека мы можем подтвердить это.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валерий РУМЯНЦЕВ

Заметки о литературе

Нужна ли нашему государству литература?

В 1917 году, когда в нашей стране свершилась революция, Россия была весьма развитой страной в плане литературы и искусства. Однако это было искусство для немногих, для образованного сословия; 85-90% населения не умели даже читать и писать.

Советская власть успешно и в сжатые сроки осуществила культурную революцию. В.И. Ленин писал, что искусство обязано быть понятно «массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысли и волю этих масс, поднимать их». Это современная русская литература не способна решить подобную задачу, а в то время цель была достигнута.

Сегодня всё чаще и громче раздаются голоса, что современная русская литература переживает острейший кризис, и это обстоятельство вынуждает задаться вопросом: в чём причины такого положения дел? И невольно заставляет обратить наши взоры к опыту наших предшественников, в том числе и к методу социалистического реализма, который был взят на вооружение при создании произведений литературы и искусства.

Абрам Терц (Синявский) в своей брошюре «Что такое социалистический реализм?» (1957 г.) отрицает этот метод как политическую несурязицу и заканчивает свою работу словами: «Мы не знаем, куда идти, но, поняв, что делать нечего, начинаем думать, строить догадки, предполагать. Может быть, мы придумаем что-нибудь и удивительное. Но это уже не будет социалистический реализм». Литературные потомки Синявского действительно удивили своими «придумками», вот только восторга от них читатели пока так и не испытали.

Рамки соцреализма были весьма размыты («требует правдивого, исторически конкретного изображения действительности в её

Валерий Румянцев – родился в 1951 г. в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, работал учителем. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Лирические и юмористические стихи, басни, эпиграммы, литературные пародии, лаконизмы; реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались во многих изданиях РФ и за рубежом. Автор более десяти книг. Живёт в Сочи.

революционном развитии»), что позволило относительно комфортно чувствовать себя в литературе подавляющему большинству писателей; даже таким «нестандартным» как В. Каверин, Л. Леонов, К. Паустовский, М. Зощенко, А. Платонов и другим.

Утверждать, что социалистическая система только и занималась тем, что душила писателей, значит, уклоняться от правды. Рамки свободы творчества были сформулированы в приветствии ЦК КПСС II съезду советских писателей (1954 г.): «Недопустимо приукрашивание действительности и замалчивание противоречий и трудностей роста, с одной стороны, и надуманные конфликты, искажённое и клеветническое изображение советских людей и общества – с другой». Делегатам было предложено самостоятельно конкретизировать эти положения. И на съезде разгорелась нешуточная дискуссия, на которой звучали нелюбимые оценки творчества даже таких писателей как М. Шолохов, К. Симонов и других кандидатов в классики. А нам продолжают внушать, что не было никакой свободы творчества.

Английский критик Дж. Гуддон (и было немало сторонников его точки зрения) утверждал, что соцреализм «рассматривает художника в качестве слуги государства». Так оно в действительности и было. Литераторы выполняли своего рода госзаказ. Если подходить к этому вопросу иначе, есть только два варианта. Рассматривать государство в качестве слуги художника, но такой «сюжет» невозможен даже в сказке. И последний вариант: государство не обращает на писателей никакого внимания. Это как раз то, что происходит в нашей стране в последние тридцать лет. Но разве такой подход способствует развитию русской литературы? Жизнь показала, что ответ на этот вопрос отрицательный.

За первые тридцать лет советской власти в нашей литературе появились М. Шолохов, В. Маяковский, А. Толстой, А. Твардовский... А кто из современных писателей вырос за последние тридцать лет до уровня перечисленных классиков? Убедительного ответа на этот вопрос пока никто не может дать.

Даже те, кто огульно охаивают изображение жизни в рамках соцреализма, неизбежно приходят к выводу, который сформулировал Ю. Боров в своём учебнике «Эстетика»: «Относительно мягкий, стабильный и социально озабоченный режим брежневского типа (тоталитаризм с почти человеческим лицом) сменился коррумпированной нестабильной махровой демократией (олигархия с почти криминальным лицом), озабоченной разделом и переделом общественной собственности, а не судьбой народа и государства».

Русскую литературу сегодняшнего дня создают писатели, которые трудятся на общественных началах, то есть в порядке общественной нагрузки или самодеятельности (профессии «писатель» в России уже давно нет). Вот мы и получаем художественную литературу в основном на уровне «художественной самодеятельности». Разве можно себе представить, что, создавая, например, баллистические ракеты или космические корабли, люди работали на общественных началах? Нет, конечно.

Труд поэта, писателя, драматурга, литературного критика – это сложнейший вид деятельности. Подавляющее число современных писателей – это люди наиболее совестливые, влюблённые в русскую литературу, для которых Художественное Слово – не пустой звук. Писательство сегодня – это образ жизни бедняка и каторжный труд, но вот что удивительно: количество посвятивших себя литературному творчеству не уменьшается, а увеличивается. Не зря у Станислава Золотцева есть такие строки:

*Почти нагая, почти босая,
Не перестанет сквозь кровь и слёзы,
Себя спасая и мир спасая,
Писать Россия стихи и прозу.*

Даже талантливые литераторы, дабы сохранить свои тексты, вынуждены на свои кровные издавать книги тиражом 100–200 экз., следуя примеру Николая Глазкова, написавшему:

*Лучшему поэту нет пути:
Всюду рамки конъюнктур и дат,
Чтоб несправедливость обойти,
Я придумал «Самсебяиздат».*

У нашего правительства, которое в первую очередь отстаивает интересы олигархов, никогда не найдётся денег для писателей. Никогда! Ибо в писатели в основном идут люди с обострённым чувством справедливости, думающие о своём народе, страдающие вместе с ним.

Хорошо известно, что любая экономическая структура государства, являясь базисом, выстраивает свою политическую надстройку, к которой относится в том числе и литература. Правительство находит деньги только для тех продажных деятелей СМИ и литераторов, которые формируют по любому вопросу «нужное» общественное мнение, исходя из того, что дешевле сформировать общественное мнение, чем считаться с ним. Кураторы идеологической работы не гнушаются ничем. Озвучивают ложь, рассчитывая на то, что газетные утки способны продолжить плавание в сознании обывателей. Нередко говорят правду, например, о коррупции, но думающим людям понятно, что выносят сор из избы лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза трудящимся.

Поэт Леонид Григорьян создал такой образ рядового гражданина новой России:

*Обречённый метаться впотьмах,
Обходиться изглоданной коркой,
Уловлять шелестенье бумаг,
Быть поскрёбьшем, карлой, шестёркой,
Безответным объектом вора,
Сиротой среди мирозданья...
Это ты, это он, это я,
Это мы накануне восстанья...*

Подобные мысли и в стихах, и в прозе, и в критике высказывают многие литераторы. И наше государство будет платить им за подобное творчество?

Да никогда в жизни; до тех пор, пока существует диктат Золотого Тельца.

Наше буржуазное государство олигархического типа находит деньги только для тех, кто прославляет именно такую форму правления и очерняет советское прошлое. Поэтому находятся деньги и на памятник Солженицыну, и на рекламу и издание книг писателей-антисоветчиков.

Вот лишь один пример. Много произносится восторженных эпитетов платными либеральными критиками о поэзии Иосифа Бродского. Они рассуждают об «инструментовке и пластике его стиха», о «новых способах фиксации и утверждения реальности». Как уникальное достоинство выставляется его

«композиционная неуравновешенность и лексико-грамматическая невнятица» и т.п. Поэзию Нобелевского лауреата активно пропагандировали действительно талантливые чтецы Михаил Казаков и Константин Райкин. Но как бы и кто ни пыжился, а народ России не обманешь; не принял он поэзию Иосифа Бродского. У стихов Есенина, Высоцкого, Евтушенко есть массовый читатель, их строки цитируют в разговорах, песни на их стихи поют, – у Бродского ничего этого нет.

Уже четверть века государство находит деньги для всех, кто активно участвует в работе над переформатированием сознания и извращением художественного вкуса широких масс. Для этого уже десятки лет с утра до позднего вечера на телеэкране мелькают голые задницы, пропагандируются низкопробные зарубежные кинофильмы, звучит примитивный юмор «ниже пояса»... Находятся деньги и для литературных «гельманов», а их число всё растёт и растёт.

Один российский телеведущий построил в Крыму виллу за 200 миллионов рублей. Для таких деятелей, как он, государство, без всякого сомнения, деньги изыщет, даже если для этого придётся поднять пенсионный возраст, повысить цены на продукты питания, ЖКХ, бензин, и т.п. А с какой настойчивостью изобретаются новые налоги для трудящихся! Скоро, видимо, и для полётов во сне, потребуется покупать лицензию.

Чтобы до конца не обозлить пишущую братию, наша центральная, а кое-где и местная власть иногда бросают им кости: несколько литературных премий, стипендий, то подкинут деньжат для «поддержки штанов» редакторам (в основном либеральных изданий), а то и «Годик литературы» объявят...

Американец Уоррен Баффетт потратил на благотворительность миллиарды своих долларов. «Российского Баффетта» днём с огнём не сыщешь; и даже если мы его и увидим, то это произойдёт, скорее всего, только во сне. Казалось бы, есть Потанин и Дерипаска. Они – основные собственники «Норникеля» (одной из крупнейших в мире компаний по производству драгоценных и цветных металлов). Уж денег-то у них столько, что можно было бы издать книги всех без исключения талантливых российских писателей. Но говорят, что деньги наших олигархов регулярно убегают в оффшоры, где и прячутся. Может быть, именно там писатели получают материальную поддержку? И, глядишь, через энное количество лет в нашем литературоведении появится новый термин – «оффшорная русская литература»? Как говорил Станиславский, не верю.

К какому же выводу мы пришли? Литературная жизнь в России в последнюю четверть века, конечно, не удалась; но могло быть и хуже.

Если смотреть шире, ясно одно: движению вперёд нередко мешает политическая платформа, а локомотив Истории требует капитального ремонта и замены машиниста.

Заметки о современном литературном процессе

Процесс – это смена состояний в развитии чего-нибудь; это совокупность последовательных действий для достижения каких-либо результатов.

У нас уже больше десятка писательских союзов, значит, если руководствоваться логикой, и литературных процессов несколько. Причём многие писательские организации находятся в острейшем противоречии, иногда

прямо-таки ненавистном противоборстве, в том числе политическом и идеологическом. И если внимательно и бесстрастно посмотреть на все эти «союзы» и «процессы», то это уже скорее не литературный процесс, а литературный хаос.

Литературный процесс был в советскую эпоху, когда некоторые писатели жаловались на «гнёт» и «тиски» социалистического реализма. «Да, это был соцреализм, но – реализм! Поэтому при всех известных издержках и недостатках советского времени в литературе появились и остались имена воистину выдающиеся и великие» (И.М. Ильинский).

Попробуем собрать (хотя бы частично) воедино «краски» всех союзов и процессов, их светлые и тёмные тона – и тогда, скорее всего, мы лучше увидим общую картину российской литературной жизни.

Большинство литераторов оценивает нынешнее положение дел в русской литературе как плачевное. Для подтверждения этого вывода приводятся достаточно весомые аргументы.

Из статьи Елены Севрюгиной «Критический обзор современной русской прозы»: «...современные авторы, всё больше увлекаясь языковым экспериментом и “упадническими”, не вселяющими оптимизм, настроениями, могут повести литературу по ложному пути, который станет не началом, а концом её развития, своеобразным духовным тупиком, из которого нет выхода».

Из статьи литературоведа И.М. Ильинского «Противоречия литературных процессов в России»: «Литература перестала учить, воспитывать, представляет ныне собой не пространство общественного самопознания, не один из важнейших методов познания, а превратилась в игровую площадку, в загончик для всякого рода околотитулярной шпаны... На мой взгляд, в современной литературе слишком много малозначащего, мелкого и грязного, особенно когда речь заходит о советском прошлом».

Есть и такие литераторы, которые с чувством радостного удовлетворения отмечают, что современные писатели в отличие от писателей советской эпохи могут свободно осваивать «разнообразные маршруты литературного эксперимента». И что же мы видим в итоге?

В результате этих экспериментов художественная литература во многом утратила воспитательную, познавательную, нравственно-этическую и эстетическую функции и таким образом активно помогает государственным органам в расчеловечивании человека.

Ну как же, спросит иной кандидат во «властители дум», мы можем не издавать массовым тиражом и не пропагандировать творчество, например, Владимира Сорокина? Он, мол, один из немногих современных русских писателей, прозу которого переводят на европейские языки и чьими романами восторгается Европа. Да пусть европейские законодатели ценностей восторгаются до посинения, это их проблемы. Эти деятели уже дошли до того, что однополые браки становятся нормой, наркотики в некоторых странах разрешены законом, идёт активная мусульманизация и растут националистические настроения. Если завтра у так называемых «развитых стран» станет модным делать селфи, стоя по грудь в яме с фекалиями, то и мы что ли должны будем следовать их примеру, чтобы не отстать от «общечеловеческих ценностей»?

Когда всматриваешься в сегодняшнюю литературную ситуацию, бросается в глаза, что одно и то же произведение довольно часто оценивается прямо противоположно. А это показатель «неустойчивости»

художественной ценности произведения. Возьмите, к примеру, автора романа «Географ глобус пропил» Алексея Иванова, которого ряд критиков объявил самым талантливым писателем русской литературы 21-го века. Однако многие литераторы и читатели с этим утверждением категорически не согласны.

Вот что пишет, к примеру, писатель Анна Козлова: «Картина мира Иванова – это участок дороги, который видит из своей будки цепной пёс. Это мир, в котором ничего нельзя изменить и остаётся только пошучивать над рюмкой водки в полной уверенности, что только что тебе во всех неприглядных подробностях открылся смысл жизни. В Иванове мне не нравится его стремление быть лёгким и глянцевоитым...».

Другой момент. Литературная критика не может избегать политических вопросов. Когда какой-то критик суёт голову в литературный «песок», всё равно его зад остаётся на политическом сквозняке. Сегодня почти не вспоминают статью В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», но любой думающий литератор прекрасно понимает, что в классовом обществе беспартийной литературы не было, нет и никогда не будет. Даже если поэт пишет только в рамках «Шёпот, робкое дыханье, трели соловья...», то этим он умышленно или неосознанно не хочет касаться «свинцовых мерзостей нашей жизни» при олигархическом капитализме, который сегодня царит в России. И тут критики и литературоведы нередко попадают впросак.

Например, достаточно глубокий аналитик Алла Большакова в статье «Современный литературный процесс и задачи критики» учудила: «Теперь возмём идеологию патриотизма. Кто сегодня ходит в “патриотах”?.. Единороссы, отстаивающие, по существу, государственный капитализм».

Так и хочется воскликнуть: «Опомнитесь, сударыня!». Посмотрите внимательно на мэра почти любого города или чиновника рангом выше или ниже – и вы увидите: никакого «изма» они не отстаивают, а большей частью озабочены набиванием своих далеко не пустых карманов. Это всё равно, что заявить: Сердюков со товарищи в лице Васильевой только и думал о государственном «изме», а в помощь им, чтобы лучше размышлялось, был приставлен «поэт» Улюкаев.

Лицо писателя – это его художественный язык. Автор произведения отбирает именно те лексические средства из общеупотребительной лексики, которые помогают ему в создании образов, описании их жизни, быта, пейзажа – всего того, что составляет ткань художественного произведения. Язык помогает писателю донести до читателя своё понимание мира и людей. Каждый писатель – это особая языковая личность, что находит отражение в его художественном творчестве.

Характеризуя художественный язык современных писателей, лингвисты отмечают, что в тексты хлынуло неоправданно много иностранных слов, всё чаще фиксируются нарушения семантической сочетаемости слов, стали появляться усечённые слова. У некоторых писателей наблюдается маниакальная тяга к нецензурным выражениям, неуместно используются иностранная лексика и бранные слова и т.д. Одним словом, сегодня язык художественной литературы живёт активно, бурно, но становится не богаче и чище, а обширнее и грязнее. И это зачастую снижает ценность современного художественного Слова.

Многих волнует и складывающаяся в целом ситуация в поэзии. Вот всего лишь одна иллюстрация этого беспокойства. Николай Ерёмин так отозвался

о поэзии Марины Саввиных: «Я ощущаю щедрость поэтического таланта, его космическую необходимость, направляющую мой дух туда, где вечность и восторг». И подобных хвалебных «пряников» М. Саввиных получала не один десяток. Я много раз читал её стихи – и ни одно из них не привело меня в восторг. А на днях пристально изучал подборку из девяти её стихотворений в только что вышедшем ежегодном альманахе поэзии «Глагол». Вот одно из стихотворений.

8 августа 2014 г.

*Это мой крест. Это мой крест.
 Это твой вопль из чужих мест.
 Это буй тур. Это дик вепрь
 Рвётся злой див за большой Днепр.
 Встань же, встань князь!
 Оглянись – вновь:
 В клочья мир, связь...
 Только – кровь, кровь...
 Только – боль, крик
 У святых врат...
 Только срыв, сдвиг...
 Оглянись, брат!
 Это, брат, долг?
 Это – свет, честь?
 Каинов – полк.
 Каинова – мечь.*

Ознакомившись с подобными строками, не чувствую, чтобы мой дух направлялся «туда, где вечность и восторг». Понятно, что подобные стихи М. Саввиных снуют по страницам многих журналов не потому, что они насыщены «щедростью поэтического таланта», а совсем по другой причине: автор – главный редактор литературного журнала «День и ночь».

Если судить о значимости поэтов по литературным премиям, то есть и такие поэты, у кого этих премий за сорок перевалило. Кто-то в насмешку предложил внести имена этих стихотворцев в книгу рекордов Гиннеса.

Как раковая опухоль стремительно растёт проблема под названием «смерть читателя». Школьников, сдавших ЕГЭ, недавно спрашивали: что вы теперь будете читать, когда над вами наконец не довлеет школьная программа? В основном отвечали: «Никогда и ничего!» А ведь любовь к чтению формируется в основном в школьные годы.

Закрытие «Журнального зала» Евгений Абдуллаев назвал «ударом под дых современной литературе», другие именовали случившееся «гуманитарной катастрофой». Не будем вдаваться в причины происшедшего, ясно одно: читателей бумажных литературных журналов станет ещё меньше. А нашему министру культуры всё это как-то безразлично.

Литературный критик Александр Кузьменков в одном из интервью совсем пал духом: «Думаю, искушённые читатели почили в бозе. Нам с вами выпало несчастье жить во времена постмодерна... В такой эстетической парадигме искусством становится всё, что таковым объявлено, будь то хоть разбитый унитаз».

А ведь есть десятки способов приобщения людей к чтению. Об одном из них как-то упомянул в интервью Владимир Бондаренко. В США тысячи библиотек при кафе по всей территории страны, бери книгу, сиди там и читай хоть весь день. Эти библиотеки финансирует правительство. В этом же интервью известный литератор подчёркивает: «Не читающая нация – это вообще не нация, это не думающая нация. Она обречена на вымирание». Что с нами и происходит.

А вот другой способ, который приводит Пётр Алешкин в своей статье «Литературный процесс сегодня»: «Когда в Англии перестали читать книги, и власти решили исправить положение, они поступили так. На каждом телеканале каждый день кто-то из известных людей, из кумиров молодёжи, стал рассказывать, какое влияние на его судьбу оказали книги. На одном из каналов выступила даже королева Елизавета. И так каждый день! Три месяца обработки по всем каналам, и в книжных магазинах выстроились очереди, и библиотеки, и читальные залы забили толпы читателей».

Так что эта проблема решаема. Беда в другом: наши власти не пойдут по такому пути, деградирующим народом легче управлять. А про модернизацию экономики страны они будут, как и раньше, проповедовать каждый день. Скорее всего, они считают, что на их век «бабла» от нефти и газа хватит, а «после нас хоть потоп».

Сегодня на полках книжных магазинов, количество которых продолжает стремительно сокращаться, картина та же, что и вчера: фантастика, эротика, антиутопии, изощёренные, а порой и извращённые в психологическом плане детективы.

«Современный читатель качественно изменился, он уже не тот, каким был в советское время, и это огромная проблема. Можно говорить о невосприимчивости читателя к литературе, требующей работы ума и души, сопереживания, осмысления горьких истин». (Юрий Козлов).

Не прекращаются дискуссии и о литературных премиях. Александр Кузьменков свою статью «Награждение непричастных» начинает так: «Убожество отечественной словесности легко объяснимо, если вспомнить, что на дворе у нас эпоха постмодерна, где главный герой – симулякр, вторичный образ без первичного подобия... Литературный процесс в России давным-давно подменили премиальным... Минувший год не принёс ни шедевров, ни даже бестселлеров, но раздача слонов не прекращалась все 365 дней. И, согласно традиции, награждению подлежали непричастные...»

Перечисляя, кому и какую премию дали, Александр Кузьменков вдоволь поиздевался, закидывая литературных лауреатов своей бесподобной иронией и сарказмом. Взяв на вооружение гротеск, автор утверждает, что «Букер», присуждённый «Цветочному кресту» Е. Колядиной сформулирован с загадочной мотивировкой «за продуктивный запах навоза». И далее, характеризуя колядинских персонажей, продолжает: «Прочие герои тоже не лыком шиты – у них каурые ляжки, они умеют топорщить глаза, вместо водки пьют сулему (она же токсичная двухлористая ртуть) и закусывают картофельными рогоульками, даром что Пётр I ещё на свет не родился. Фанфары в честь этого полуграмотного бреда вполне закономерны...»

С вышеприведёнными оценками Александра Кузьменкова я полностью согласен. Ещё год назад, касаясь современной практики раздачи литературных премий, я высказывал аналогичные суждения в своей статье «Литературные премии в роли бижутерии» с той лишь разницей, что для иллюстрации взял не прозу, а поэзию.

А вот с последним абзацем статьи я категорически не согласен: «Собственно, а что вы хотели, господа? Иного нам не дано. В стране, где всё, — от власти до медицины — декоративно, другой литературы быть не может».

Мы живём в эпоху тектонического социального разлома, духовной и нравственной катастрофы. Для писателя — «это подлинное счастье: весь социальный организм во всех деталях раскрыт перед его глазами, и тут надо осмысливать, писать, пророчествовать. В такие времена рождались “Слово о полку Игореве”, “Бесы”, “Как закалялась сталь”, “Повесть о настоящем человеке”» (И.М. Ильинский). Талантливые писатели и поэты у нас, к счастью, есть, но их не хотят замечать ни «платные» литературные критики, ни книжные издательства, у руководства которых в голове царствует только одна формула — «деньги-товар-деньги».

Многие литераторы высказываются о литературной критике в том плане, что сегодня, мол, можно говорить о прекращении её существования. Полагаю, что это не совсем так. Да, у нас и близко нет новых Белинских, но, тем не менее, попытки стать хотя бы новым Писаревым наблюдаются.

Именно литературные критики в силу своих функциональных обязанностей отслеживают литературный процесс, а, значит, лучше, чем кто-либо, могут охватить значительную часть диапазона литературной продукции. Как же они оценивают литературные итоги 2018 года?

Платон Беседин, подводя печальные итоги прозы минувшего года, подчёркивает: «Так что дальше?.. Уйдёт ли литература? Вряд ли. Но, определённо, она измельчает. Уже измельчала. Как и жизнь в целом. Ведь одно не может быть оторвано от другого. Процесс этот взаимный, а оттого ещё более убийственный. Особенно для такой страны как Россия, где слово всегда оставалось фундаментом и сутью».

Совсем недавно мы прочитали фельетон Александра Кузьменкова «Литературные итоги-2018», в котором он в шутку (а лучше бы всерьёз) предложил учредить премию под названием «Золотой афедрон». И виртуально приглашал «на сцену» известных литераторов, при этом призывая их: «Об одном прошу: не надо сиротских песен про падение престижа литературы и культуры. Вы и убили-с...».

Всё больше критиков говорят о том, что современная литература сохраняет лишь родимые пятна нашей классики. Литературоведы всё реже пользуются термином «герой», видимо, понимая, что само это слово подразумевает не просто древнегреческую этимологию, но и героический поступок. Всё чаще отдают предпочтение терминам «характер», «персонаж», «субъект действия», «субъект речи».

В одном из интервью Владимир Бондаренко сказал: «Если власти не обратят внимание на положение русского народа в провинциях, нынешний век ждёт жесточайшая русская национальная революция. Будут безжалостно резать всех чиновников и жечь их усадьбы... Вот об этом и должны сейчас писать русские писатели». По мнению В. Бондаренко, типичная слабость современных писателей — «мало вымысла, писатель теряет дар вымысла, живут за счёт тех или иных ярких впечатлений: чеченская война, нацболы, учёба, неудачная любовь — всё из жизни...».

Самым существенным фактором, влияющим на положение дел в литературе, было, есть и будет отношение к ней государства. Опять вынужден процитировать Владимира Бондаренко: «Никакая русская идея, которую в потёмках ищет Владимир Путин, невозможна без важнейшего значения слова

в жизни страны... Это осознанная государственная политика: запрет на писателя, запрет на литературу. По-своему власти правы в своей боязни литературы, все волнения и революции начинались с “гордо реющих буревестников”... Потому и держат писателей в чёрном теле, но долго не продержат — прорвётся». Скорее всего, известный публицист и литературный критик прав.

Мы не первые, кто «посетил сей мир в его минуты роковые», и знаем, что литературная шелуха отпадёт. В истории русской литературы останутся творения тех, «у кого, кроме пера в руке, есть ещё совесть и честь, кто служит литературе и народу непродажно и жертвенно» (И.М. Ильинский).

Слово писателя как зеркало его личности

Многие известные современные писатели России стремятся как можно чаще появляться на ТВ, радио, раздавать интервью, «присутствовать» в глобальной сети. И ничего плохого в этом нет: ближе познакомившись с личностью писателя, читатель будет лучше понимать особенности его литературного творчества и, скорее всего, по-новому оценит его Художественное Слово. А кто-то впервые услышит имя прозаика или поэта и, возможно, вскоре откроет его книгу для прочтения.

Жаль только, что целый ряд известных российских писателей, образно говоря, растолкав локтями своих литературных героев и представив нам своё «лицо», не понимают, что их «физиономии» не вызывают симпатий. Имею в виду «лицо» их интеллекта и культуры. Часто поражает примитивизм мышления, незнание истории своей страны, политическая близорукость... и даже порой косноязычие. Своими выступлениями они лишь способствуют уничтожению исторической правды, нашей культуры, морали, чести и достоинства, да и теряют «писательский вес» в глазах читателей.

Вот всего несколько примеров.

«Гордость» современной русской литературы Михаил Веллер в своей передаче на радиостанции «Эхо Москвы», говоря о возрастающей популярности Сталина, заявил: «В перевороте двадцать пятого октября семнадцатого года товарищ Сталин сыграл роль предельно небольшую... в общем, в первом ряду он и близко не был».

Никоим образом не покушаясь на компетентность господина Веллера в исторических вопросах, хочу всё же заметить, что реальная картина выгледела совсем иначе. На VI съезде РСДРП (июль-август 1917 года) Сталин выступил с Отчётным докладом ЦК. А уже на заседании ЦК РСДРП 5 августа 1917 года его избрали членом узкого состава ЦК. 10 октября 1917 года на заседании ЦК его избрали членом Политбюро, куда входило всего ЧЕТЫРЕ члена ЦК. В ночь на 16 октября 1917 года на заседании ЦК Сталин стал членом Военно-революционного центра. Именно он выступал с докладом о вооружённом восстании (В.И. Ленин в это время скрывался в Разливе). Так что в данном вопросе Михаил Веллер или заблуждается или несколько лукавит.

Кто же после этого будет доверять его художественному слову? Только те, чей мозг не осмеливается мыслить самостоятельно, а «питается» мифами, сочинёнными врагами социалистических идей и России.

В ютубе можно встретить немало роликов с выступлениями Михаила Иосифовича, в том числе и таких, где он призывает толпу к силовой смене власти. Но это чистой воды провокация.

Да, действительно, сейчас сложилась ситуация, когда «низы» не хотят, а «верхи» не могут». Однако этого недостаточно; ещё необходимо появление партии трудящихся, которая поведёт за собой массы. А такая партия пока не сформировалась. «Низы» не хотят, но ведут себя пассивно. Никто не сможет отнять у нас наше священное право на несправие. Прибегая к иронии, можно сказать: так много людей с головой ушло в политику, что выпускаемые ими пузыри создают эффект брожения в обществе.

Вместе с тем, В.В. Путин не должен забывать, что опасность редко кричит о себе и шаг в пропасть определяет весь дальнейший маршрут.

Другая «знаковая» фигура современной русской литературы – Людмила Улицкая – в своём интервью, рассуждая о книге Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и истории России, заявила: «Если бы эта страна прочитала эту книжку своевременно, то в голову бы не пришло выбирать руководителем страны человека из КГБ... организации, которая уничтожила огромное количество лучших людей поколения, нескольких поколений...».

После подобных «казусов Улицкой» у думающих читателей сразу же возникает вопрос: «Если были уничтожены лучшие люди поколений и остались только середнячки и худшие, то кто же построил мощную индустрию, разгромил фашистскую Германию, создал шедевры в искусстве и литературе, первым в мире прорвался в космос?..». Значит, напрашивается другой вывод: уничтожили в основном как раз тех, кто мешал сделать СССР мировой державой.

В этом же интервью Улицкая с сожалением говорит о том, что «сегодня в книжных магазинах книги “Архипелаг ГУЛАГ” лежат пачками, и никто их не покупает». А не покупают потому, что эта книга закладывает в головы читателей «мстительные фантазии, фобии, недостоверные факты и гипертрофированную антисоветчину» (Юрий Поляков). Слушая интервью Улицкой, так и хочется воскликнуть: «Прошу вас, гражданка, очистить стул!» (Ильф и Петров).

Оба деда Людмилы Евгеньевны в сталинские годы были репрессированы, поэтому её обида на органы госбезопасности в какой-то степени понятна. Однако обида – не лучший союзник в поиске истины. Мой дед по матери – Румянцев Иван Иванович – тоже был репрессирован: 20 декабря 1937 года арестован, 30 декабря 1937 года осуждён по ст. 58-10 к ВМН, 3 января 1938 года расстрелян. Фактически только за то, что был священником и в кругу приятелей критиковал некоторые мероприятия советской власти. Но это же не значит, что я должен смотреть на белое и говорить: «Чёрное!».

Людмиле Улицкой нужно задаться другим вопросом: почти все архивы КПСС рассекречены, но почему до сих пор не доступны для изучения историков фонды отдела административных органов, то есть отдела, который осуществлял контроль за органами ОГПУ-НКВД-КГБ, Прокуратурой СССР и Верховным судом СССР? Почему до сих пор на документах вышеупомянутых фондов стоит гриф «секретно»? Пока историки не изучат эти документы, мы толком так ничего и не узнаем о событиях 1937 года, и нас будут кормить мифами про многомиллионные безвинные жертвы.

Почему буржуазная власть не снимает грифа секретности? Понятно почему. Тогда народ узнает правду. И рассекреченная правда никак не будет соответствовать тому, о чём с утра до вечера долдонят наши СМИ, а за ними повторяют веллеры, улицкие, быковы и другие альбацы.

Когда обнародуют хотя бы часть вышеуказанных документов, вскрыется интереснейшая картина: в 1937 году в НКВД до трети сотрудников имели

небольшевистское прошлое, лица с рабочим и крестьянским происхождением составляли абсолютное меньшинство, существенная часть сотрудников были идейными сторонниками Троцкого, руководителями высшего и среднего звена в основном были лица неславянского происхождения, и т. д., и т. п.

А вот ещё одна «достопримечательность» современной русской литературы – Татьяна Толстая. Для каждого, о ком пишет, Толстая находит «доброе» слово: известная журналистка для неё – «вонючка»; переводчики – «идиоты, мерзавцы, му...звоны», патриарх – «вредный дурак», и т. п. А ещё Татьяну Никитичну повсюду окружают «козлы, кретины, бездари и неучи».

Когда в Приморье бандиты начали убивать работников правоохранительных органов, Толстая публично заявила: «Когда узнала, что стали ментов мочить, прямо от радости задрожала».

По её словам, роман «Кысь» она написала именно про русских. Люди там питаются «чёрными зайцами», кушают мышей и червей, отчего и становятся русскими. Она убеждена, что у русского человека «тяга к разрушению», ему бы «выпить, буяннить, всё заблевать».

И вот резюме Толстой: «Любовь к России – это слюни сладкие. Это вообще дурной тон».

Да-а, много злости накопила Толстая за свою жизнь. Видимо, она руководствуется принципом «Время собирать камни за пазухой и время бросать их в чужой огород». Полагаю, что для неё потеря дара речи могла бы стать даром судьбы.

Вот такие у нас сегодня «властители дум».

К моей статье «“Капканы” на литературной дороге» читатель, по имени Евгений (других данных не указал), написал такой комментарий: «Нынешнее писучее половодье подобно болоту, в коем тонут истинные таланты. Набор фамилий – Веллер, Быков, Кабаков и т. п. – не литературные золотники, а всего лишь медные пятаки, остервенело надраенные до блеска либеральными СМИ и столь же безнравственным ТВ. Ныне – ни одной фигуры на литературном поле, которая могла бы даже приблизительно сравниться с социальной мощью Шолохова, Бондарева, Белова, Шукшина... Взамен – сиюминутная меркантильность, вычурные авангардные выкрутасы, липкий страх взрезать социальные нарывы на теле России – это удел и прокрустово русло нынешних писак».

Лучше и не скажешь!

А такой представитель изящной словесности как Эдуард Лимонов (только не подумайте, что я начну цитировать его нецензурную брань) в конце своей статьи «Властители дум» написал: «Подведём итоги. Культура обществу более не нужна. Автор в ранге творца и указателя дороги – не нужен... Цивилизация безлична. Она производит продукты одноразового пользования. Вот таким мне представляется ответ на вопрос: почему перевелись Властители Дум». Вот уж действительно хозяин своего слова становится его заложником.

Однако по этому вопросу есть и другое мнение. Автор многочисленных романов Сергей Алексеев так ответил на вопрос «Почему писатели перестали быть “властителями дум”?»: «К счастью, русская литература вечна, как и высший образовательный инструмент – Язык. А писатели перестали быть властителями дум по одной причине – не узрели открывшегося окоёма, то есть нового горизонта. И по старой, ещё советской, кальке ушли в конъюнктуру: вместо производственной прозы, восхваляющей руководящую роль партии, стали писать про руководящую роль церкви... Примитивизм мышления напрочь отвратил читателя от эдаких дум писателя».

Что можно одной фразой сказать о модных на сегодняшний день писателях? Только то, что мода приходит и уходит, а манекены остаются.

Наше государство олигархического капитализма не будет активно приобщать молодёжь и взрослых к чтению высокой литературы, которая формирует полноценную личность. А ведь именно читая произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого, Достоевского, Чехова, Шолохова, Есенина, Джека Лондона и других классиков, молодые люди узнают, что есть любовь, честь, гордость и порок, предательство и великодушие. Познать всё это только на своём опыте человеку практически невозможно.

К великому сожалению, люди предпочитают лёгкое чтение. Впрочем, удивляться не приходится: линия наименьшего сопротивления – самая оживлённая дорога.

После реставрации капитализма в России новая власть тоже захотела, «чтоб к штыку приравняли перо». И стала активно тиражировать и пропагандировать только те «перья», которые способствуют «расчеловечиванию» личности и падению нравственности в обществе.

Не хочется сбиваться на чисто публицистический стиль, но «как не впасть в отчаяние при виде того, что совершается дома». В статье Андрея Юревича и Дмитрия Ушакова «Нравственность в современной России» приводится ужасающая статистика:

- ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств или получают тяжкие телесные повреждения;
- каждый год от жестокости родителей страдают 2 млн. детей, а 50 тыс. – убегают из дома;
- ежегодно 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесённых мужьями;
- 12% подростков употребляют наркотики;
- темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности;
- в современной России насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключённых, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-годов.

И список чудовищных цифр можно продолжить на нескольких листах.

Ещё французский философ Эмиль Дюркгейм отмечал: «Нравственность – это обязательный минимум и суровая необходимость, это хлеб насущный, без которого общества не могут жить».

Сегодня наметилась такая закономерность: когда молодёжь не читает произведений современных писателей, у неё нет желания углубляться в мир классиков. Уровень языковой культуры напрямую зависит от чтения художественной литературы. Мы уже не удивляемся, когда читаем и слышим языковые ляпы в СМИ. Например, на новостном интернет-портале можно было прочитать: «Медведев после изнасилования уволил главу МВД Бурятии», «Мужчина отбил жену у медведя» и т. п.

Как будет выглядеть русская литература в ближайшем будущем, сказать трудно. Мы теряемся в догадках и в более глобальных вопросах: что будет с Россией и остальным миром при «распаде» духовной составляющей человека и человечества? Эту мысль великолепно проиллюстрировал Игорь Волгин в одном из интервью: «Весь ход современной истории свидетельствует о том, что теперь не только Россия, как говорил Достоевский, но и весь мир “стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной”. Если воспользоваться метафорой Семёновского плаца (где писатель подвергся процедуре

“недовершённого расстрела”), можно сказать, что человечество уже как бы взойшло на эшафот, и неизвестно, будет ли оно в последний момент помиловано. Но если, к счастью, это случится, и всемирная история продолжит свой победительный бег, возникает вопрос: извлечём ли мы из нашего смертного опыта такой же урок, который усвоил себе Достоевский? Послужит ли эта милость (если она будет явлена) нашему духовному возрождению?».

Сегодня, когда человеческая глупость перешла все границы и обогнула земной шар, Судьба всем нам бросила вызов. Пессимисты утверждают: когда мир доиграет комедию, аплодировать будет некому. Но это не наш путь.

Мы ждём от мыслящих людей деятельности, направленной на поиски более оптимистического пути. И не последнюю роль в этом должны сыграть поэты, прозаики и драматурги.

Главный враг современной русской литературы

В статье анонимного автора «Состояние русской литературы на современном этапе», которую я случайно увидел в Интернете, прочитал: «Русская классическая литература внесла большой вклад в мировую культуру тем, как подошла к постановке и освещению сложных проблем человеческой личности, общества, бытия. Литература прошлых веков заставляет задуматься о смысле жизни, о духовных ценностях, расширяя наше сознание и восприятие мира. А что даёт нам, читателям, не говоря уже об остальном мире современная русская литература?».

Настоящая слава – это когда узнают в профиль. Сегодня у нас нет ни одного писателя, которого узнавали бы в профиль.

Литераторы и читатели почти в один голос заявляют, что современная русская литература переживает серьёзный кризис. И в качестве правильности своего вывода «преподносят» нам кучу весомых аргументов. Так кто же он – главный враг современной русской литературы? Попробуем заняться расследованием и попытаемся «вычислить» этого врага.

И что сразустораживает. Ни сотни монографий и статей наших учёных-филологов, ни наличие в МГУ кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, ни многочисленные гранты, ни сотни литературных премий, ни проведение в стране Года Литературы, – ничего не помогает исправить бедственное положение.

Интернет пестрит статьями, одни названия которых чего стоят: «Кризис романа в русской литературе», «Проблемы развития современной литературы», «Почему в Европе не читают современную русскую литературу?», «Причины кризиса авторской песни»... И везде в названиях мелькают нелестные оценки: «кризис», «проблемы», «упадок», «застой».

Современных писателей можно не условно, а безусловно разделить на две категории. Одни пишут такие книги, которые будут издаваться и продаваться, принося прибыль книжным издательствам и хоть какие-то деньги автору. Издателей особо не волнует художественная ценность произведённого «продукта». Они уже давно беспрекословно выполняют волю нового диктатора в нашей жизни – Золотого Тельца.

Другие писатели руководствуются заветами наших классиков и пытаются создать истинную литературу, в основе которой будет стремление понять жизнь в современной России и осознание проблемы человеческого существования. Для реализации этих «установок» они занимаются поиском

подходящей формы, беря на вооружение всё лучшее, что было до них в русской литературе.

Если посмотреть на поведение писателей в этих двух «отрядах», мы увидим разную мотивацию к писательскому труду. В отличие от авторов «мелкотравчатой» беллетристики, настоящие писатели всегда говорят читателям правду, а нередко и вызывают нескрываемое раздражение у власть имущих.

В роли ключевых игроков книжного рынка России (если говорить об издании современной художественной литературы) выступает примерно десяток книжных издательств: «АСТ», «Эксмо», «Текст», «Слово», «Росмен», «Дрофа» и др. Что нужно, чтобы писатель увидел свой текст в виде книги в одном из этих издательств? Да всего ничего: достать из кармана деньги и отдать их. «Но откуда они у писателя?!» – спросите вы. Впрочем, можно издать книгу и за счёт издательства.

Представим себе, что появился у нас новый Лев Толстой со своей «Войной и миром» и захотел издать эту книгу, чтобы получить солидный гонорар, после чего сесть за стол и спокойно, не думая о хлебе насущном, написать свою «Анну Каренину». Но он много раз слышал, что писатели, имеющие большой опыт общения с книжными издательствами, предупреждали: «Перед отправкой рукописи в издательство необходимо смириться с тем, что редакторы в 90% случаев присланные рукописи НЕ читают».

Поэтому новый Лев берёт свою эпопею и приходит, ну например, в издательство «Эксмо». Но его роман даже не берут для прочтения. «Как? Почему?!» – возмутитесь вы. Да потому, что сотрудники издательства «Эксмо» чёрным по белому написали и опубликовали условия принятия рукописей на рассмотрение. А там чётко и ясно сказано, что на рассмотрение принимаются: детектив, криминальный роман, боевик, фантастика, фэнтези, авантюрно-приключенческий роман, мистика и женский роман. А остальное – извините, «не пользуется у читателя спросом».

В остальных книжных издательствах та же «картина маслом». Вот и не узнали мы о существовании нового Льва Толстого и вряд ли в ближайшее время узнаем. А вдогонку ему ещё и крикнут: «Стихи и рассказы тоже не приносите! Мы их тоже не печатаем!» Так что новому Александру Пушкину или Ивану Бунину тоже «каюк».

Борис Цетров в заметке «Куда исчезла серьёзная литература? Мысли вслух» сетует на то, что книжные издательства ради получения максимальной прибыли завалили читателей развлекательной художественной литературой, и завершает свою мысль язвительной фразой: «Но развлекательные куры будут и дальше нести лишь развлекательные яйца, а из развлекательных яиц будут вылупляться лишь развлекательные куры».

Получается, что поэты и писатели-«рассказчики» априори поставлены «вне закона» в «стране» под названием «книжные издательства». И поэтому не удивительно, что даже творчество такого выдающегося поэта, как Михаил Анищенко, наши самые крупные издательства при его жизни не заинтересовало. Впрочем, после смерти – тоже. А, по сути, он – лучший русский поэт начала 21-го века.

Нет читателей – нет и литературы. Поэтому давайте почитаем в Интернете, как реагируют некоторые читатели на плачевное положение дел в нашей словесности. А пишут они вот что:

– «Современная российская литература развивается в абсолютном хаосе... а за художественным языком вообще никто не следит, потому он и растёт, как трава придорожная»;

– «А всё-таки авторы – НЕ ТЕ. Можно писать интересно, захватывающе даже о совсем обыденных вещах и простых людях, пробуждать мысли и чувства. Но, чтобы осмыслить происходящее у наших писателей тьму не хватает»;

– «Прочитал много, но не могу припомнить ничего хорошего. “Производственные романы” из жизни офисного планктона, писанина скисших от скуки “рублёвских жён”, детективы»;

– «Причина проста: глухое непонимание нашим государством фундаментальной роли литературы в жизни человека»;

– «Современный русский писатель разучился рассказывать историю. В том традиционном смысле слова, как рассказывали историю дамы с собачкой, Наташи Ростовской, Раскольникова»;

– «Критика не помогает, как это было раньше, ни писателям, ни читателям. СМИ изгнали со своих страниц любой разговор о литературе»;

– «Читатель знаком лишь с десятком писательских имён и начисто лишён возможности узнать и оценить новые»;

– «Литературные премии работают вхолостую, давая лишь некоторую материальную поддержку победителям и не обеспечивая их известности и поднятия тиражей»;

– «Изданные книги, как не уходили двадцать, пятнадцать, десять лет назад за пределы региона, где изданы, так и не уходят»;

– «Станет ли что-нибудь, написанное в наше время, классикой? Я однозначно считаю, что нет; что наша русская литература, которая ценилась во всём мире, на нашем поколении как-то остановилась. От этого становится очень грустно и отчасти даже стыдно перед потомками».

Когда я прочитал слова последнего цитируемого пользователя Интернета, вспомнил высказывание Юрия Полякова: «Если книга перечитывается, значит, у автора есть шанс стать кандидатом в классики». А книги каких современных писателей сегодня перечитываются? Вопрос – риторический.

Такой вывод я сделал после того, как опросил активных читателей современной русской литературы из числа своих друзей, приятелей, родственников, знакомых и даже мало знакомых людей. Прозу современных авторов никто из них не перечитывал. Поэзию да, иногда перечитывают – и называют имена таких поэтов как Михаил Анищенко, Николай Зиновьев и Борис Рыжий.

Процитирую ещё один абзац из статьи, с которой я начал эти заметки. Оценивая Сорокина, Пелевина, Акунина, Улицкую и другие «громкие» имена, автор пишет: «Почему-то, когда я читаю наших современных писателей, в общем-то, все они оригинальны; и тех, кого я назвала, например, не спутаешь с другими. Итак, после прочтения почему-то произведения не хочется перечитывать. Даже более, несмотря на философское начало, на талант, чувствуется какая-то ограниченность гениев».

Скорее всего, кризис современной русской литературы – это одна из составляющих кризиса всей нашей культуры (кино, театра и т.д.).

Литературовед профессор Михаил Голубков в своей статье «Парадигмы современной литературы», академическим языком излагая свои размышления, подчёркивает: «“Горячей” культура является тогда, когда её потенциал востребован, то есть когда общество нуждается в её открытиях, когда искусство в целом и литература в частности оказывается значимым фактором общественного сознания, существенным обстоятельством национальной жизни». И далее: «Нынешнее состояние литературы, когда общество не знает и не

видит её, вряд ли может соответствовать “горячей” стадии». И не согласиться с выводом профессора нельзя.

Не без помощи читателей и литераторов мы в какой-то степени подошли к разгадке сущности «главного врага современной русской литературы». У этого «монстра» оказалась не одна «голова», а множество.

Как-то мне пришлось услышать такое мнение. Причина беды, которую мы рассматриваем в этой статье, кроется в следующем. Сегодня, чтобы получить высшее образование (а значит, и систематические знания), нужно заплатить за обучение немалые деньги. Дети рабочих и крестьян не в состоянии этого сделать. И потенциальные литераторы так и «погибают», не «родившись» как писатели. Анализируя советскую эпоху, мы вспоминаем, что десятки выдающихся советских писателей и поэтов могли сказать о себе «вышли мы все из народа»...

С учётом этого, можно выдвинуть версию, что главным врагом современной русской литературы является буржуазный строй сегодняшней России. Но здесь возникает такая «загогулина». «Поднимая на щит» этот тезис, не надо забывать, что Лев Толстой, Фёдор Достоевский, Иван Бунин и другие классики создавали свои литературные шедевры, когда капитализм уже стремительно шагал по всей России.

В конце романа Дины Рубиной «Синдикат» можно прочитать такие строки: «...С годами жизнь отнимает у человека главное – предвкушение... Господь отнимает только одно... И если ты спросишь меня – что есть молодость, я отвечу тебе: сладостное и безбрежное предвкушение...».

Сегодня складывается впечатление, что Господь отнимает у нас предвкушение... восхититься новыми шедеврами «завтрашней» русской литературы.

Но мы-то знаем, что Господь милосерден.

